

Д Э Н И Е Л

← **КИЗ** →

прикосновение

Впервые на русском языке

Annotation

Барни и Карен были счастливы, пока не стали жертвами радиоактивного заражения. Одно прикосновение – и смертоносная зараза проникла в их дом и во все остальные дома, куда они заходили.

Они стали изгоями в своем городе, в семьях своих близких и соседей.

И самое страшное – именно сейчас, когда их жизнь на волоске, Карен после многих неудачных попыток наконец смогла забеременеть. Барни понимает – радиация не оставила им шанса на счастливую жизнь. Но Карен верит, что ее любовь к неродившемуся ребенку сотворит чудо.

- [Дэниел Киз](#)
 -
 -
 - [Предисловие автора к изданию 2003 года](#)
 - [Примечание автора](#)
 - [Прикосновение](#)
 - [Июнь](#)
 - [Июль](#)
 - [Август](#)
 - [Сентябрь](#)
 - [Октябрь](#)
 - [Приложение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

Дэниел Киз

Прикосновение

© Алчеев И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

Посвящается Ори, с любовью

*Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах
обращаешь меня?*

Иов, 10:9

Предисловие автора к изданию 2003 года

К чему заново перерабатывать и переиздавать *«Прикосновение»*?

Перед вами роман о последствиях радиационной аварии на промышленном производстве, когда сотрудник компании, сам того не ведая, разносит радиоактивную пыль по соседям, заносит ее к себе домой и заражает беременную жену.

Герои и события, описанные на страницах этой книги, вымышленные. Они – плод воображения и основаны на происшествии, случившемся в Соединенных Штатах в 1960-х годах. Однако тяжкие последствия, которыми все это обернулось, вполне соответствуют действительности.

После того как *«Прикосновение»* впервые вышло в свет – в 1968 году, тысячи людей по всему миру стали невольными жертвами радиационного заражения в результате аварий, краж бракованного медицинского и промышленного оборудования, а также ненадлежащего использования радиоактивных отходов.

Правительства и заинтересованные промышленники разных стран мира не желают и пальцем шевельнуть ради того, чтобы предотвратить заражение, вызванное промышленными выбросами и радиационными авариями. С политической и экономической точек зрения куда выгоднее постараться сокрыть радиоактивную пыль, чем объясняться с общественностью, требующей отчета о последствиях своего бездействия.

Радиоактивные источники чаще всего незаконно отправляются на свалку во избежание оплаты расходов по их хранению. Надлежащее хранение стоит около двадцати тысяч долларов. А штраф составляет всего лишь две тысячи долларов. Но если радиоактивный источник вдруг окажется на сталелитейном заводе, он с тем же успехом может потом попасть и к вам в руки или же в дом дорогих вам людей.

25 марта 1997 года близ Гаррисберга, в Пенсильвании, было изготовлено тридцать три тысячи лотков лопат из стали с примесью радиоактивного тория. В подобных случаях очистка и проверка каждого лезвия, каждой ножки стола обходится в сотню миллионов долларов.

В средствах массовой информации такие аварии зачастую представляются в виде коротких газетных сообщений, а личная беда никогда не принимается в расчет при учете издержек производства или составлении балансовой отчетности. Куда больше шума вызывают впечатляющие взрывы на атомных электростанциях или военных объектах,

как это было на острове Три-Майл в Пенсильвании, США, в Чернобыле, на Украине, или в Токимуре, в Японии. Однако последствия радиоактивных аварий на промышленных предприятиях и краж радиоактивных веществ, к которым причастны преступники или террористы, чаще всего сказываются спустя месяцы.

Взгляните на нижеследующие сообщения для печати:

«ТРЕВОГА НА АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКОЙ ГРАНИЦЕ»

В пятницу 27 июля 2002 года власти Мексики подтвердили, что при перевозке между мексиканскими приграничными городами Тихуаной и Текате, в семидесяти милях к востоку от Сан-Диего, пропал цилиндр, восемь на шесть дюймов, содержащий дюймовую капсулу с иридием-192. Он использовался мексиканской государственной нефтяной компанией «Пемекс» для рентгеновского обследования нефтепроводов.

По заявлению начальника Мексиканской государственной службы национальной обороны Габриэля Гомеса Руиса, не установлено, выпала ли емкость из грузовика или же ее выкрали».

«КАНАДА НЕДОСЧИТАЛАСЬ КОНТЕЙНЕРОВ С РАДИОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ»

По сообщениям от 2 июля 2002 года, пять контейнеров из одиннадцати с опасными радиоактивными веществами, пропавшие за последний год в Канаде, до сих пор так и не обнаружены. Согласно заявлению Комиссии по ядерной безопасности Канады, емкости, вероятно, были украдены со строительных площадок или из грузовиков. По заверениям властей, нет никаких доказательств того, что пропажа контейнеров стала результатом заранее организованного преступления с участием террористов. Однако власти реагируют на недавние предупреждения ООН о том, что радиоактивные вещества, необходимые для изготовления “грязных бомб” и заложенные в обычные взрывчатые вещества, можно найти практически в любой стране мира».

По словам представителя конгресса Эда Марки (Массачусетс), «Усама бен Ладен и “Аль-Каида” уже пытались заполучить ядерное топливо. Как нам известно, создание “грязной бомбы” – одна из главных целей “Аль-

Каиды”... Если одна из таких штуквин (радиоактивных устройств) окажется на складе металлолома, она рано или поздно попадет в руки террористов».

История Барни и Карен Старк представлена в этом новом издании так, чтобы читатели могли сопереживать тяжким испытаниям, выпавшим на долю таких же людей, как и они, а промышленники и правительственные круги осознали, что впереди их ждет работа. По сообщению «*Вашингтон пост*» от 4 мая 2002 года, американские государственные и медицинские учреждения так и не смогли дознаться, куда подевалось около полутора тысяч единиц оборудования с радиоактивной начинкой, пропавших начиная с 1996 года.

Примечание автора

Когда я писал «Прикосновение», амниоцентез^{[\[1\]](#)} и ультразвук, позволяющие определить состояние плода, использовались пока еще только экспериментально. И для большинства родителей, таких как Барни и Карен, в то время были недоступны, так что они не могли знать до родов, кто у них будет – мальчик или девочка и родится ли младенец нормальным или с нарушениями, живым или мертвым.

Прикосновение

Сперва ему послышалось, что по спальне кто-то ходит, и он прислушался: приглушенное жужжание электрических часов, ровное дыхание жены сбоку, биение собственного сердца. И только. Ему подумалось – это, должно быть, оттого, что он резко пробудился; и все, что теперь остается, – признать очевидное.

Карен застонала и повернулась на другой бок. Вот она, лежит рядом, такая красивая, как всегда, и вместе с тем другая, чем-то похожая на свою сестру. Может, в этом все дело? Удалось ли ему соединить их обеих в одно целое, не дав знать Карен, что это он сделал ее другой? Закрывая глаза, освобождаясь от мыслей, он призывает сон вернуться. Но сон пропал.

Барни открыл глаза и так и лежал, глядя на светящиеся стрелки часов. Он уже неоднократно просыпался этой беспокойной ночью, и всякий раз стрелки становились все более тусклыми. В десять минут второго они походили на вскинутые вместе сверкающие руки; сейчас же они безвольно повисли. Пять сорок.

Он прищурился, сияясь разглядеть окошечко с датой на циферблате и размышляя, какая она сегодня – красная или черная, но циклический календарь не подсвечивался. А производителям стоило бы это предусмотреть – особенно для фертильных часов^[2]. Интересно, что бы делали с таким устройством первобытные люди, искавшие указаний от высших сил и вмешательства богов, у которых они испрашивали щедрые урожаи и благополучный исход для своих родов? Наверное, пытались бы с его помощью вызывать дождь. А что, если и ему испросить грозовой ливень. Вот только Карен вряд ли оценит такую шутку, подумал он с досадой. Он так старался сохранять уважительность и все шутил, когда принес эту штуковину домой, не ожидая со стороны Карен укора, хотя последнее время она все воспринимала в штыки. И все же ему следовало знать, что она отвергнет ее полезность, как отвергала пользу от анализов доктора Лероя, календарей и термометров.

Ей хотелось бы думать, что дети случаются сами собой, что зачинаются они на вершине романтической любви и в лунном ореоле страсти, без всяких раздумий, планов и знаний; ей хотелось бы верить, и он

в этом ничуть не сомневался, в свои девчачьи представления о непорочном зачатии, а не в строгие подсчеты (она прибила бы его, вздумай он пошутить на эту тему в такую ранищу!) месячных циклов с учетом температуры тела. Она не нашла ничего забавного в вылепленной им фигурке Матери-Земли с обвислыми грудями и вздутым животом – символе плодородия, принесенного в дар богам; она, как ни странно, расплакалась, когда он шутки ради выставил скульптуру на лужайке в последнее полнолуние.

Хотя ей хотелось ребенка не меньше, чем ему, она несколько месяцев отказывалась от медицинских осмотров, даже после того, как он прошел их первым. Она предпочитала, о чем ему было известно, и дальше надеяться, молиться, мечтать, ничего не зная наверняка, и хотя анализы показали, что они оба способны к деторождению, ей верилось в это с трудом. Она по привычке измеряла себе температуру, составляла графики своих циклов, планировала дни, но при всем том отличалась поразительной неорганизованностью, словно самая ее плоть восставала против такого понятия как упорядоченность, и поначалу это вызывало множество огорчительных ложных тревог, что, как ему казалось, происходило по ее оплошности, отчего он потерял всякую веру в расчеты ее фертильных дней.

Перелом наступил, когда она повадилась ходить гадать к цыганкам, с головой ушла в дешевенькие гороскопы со звездными прогнозами, когда стала черпать духовные надежды в своих снах, – и вот тогда, прочитав как-то об этом в газете, он пошел и выложил семнадцать долларов и девяносто пять центов за те самые фертильные часы.

Продавщица, взглянув на него как-то странно, будто удивившись, что их покупает муж, тем не менее растолковала, как они работают. То были часы для спальни (кто бы сомневался!) с расчетным механизмом вероятных фертильных и нефертильных дней, и как только его жена ввела туда данные о своих самых длинных и коротких периодических циклах, после этого там, в окошечке на лицевой стороне, показывался календарь с числами, при том что красные соответствовали вероятным дням фертильности.

«Потрясающе! – прорычал он. – Детородная рулетка какая-то».

Ей бы посмеяться над этим (и может, рассказать девчонкам!), но Карен расплакалась.

Будто почувствовав, что он думает о ней, она повернулась обратно и вздохнула, ее черные волосы рассыпались веером по подушке, одна рука откинулась, а другая легла на живот, словно нащупывая, есть ли внутри что-нибудь. Он думал, а вдруг ее красота сильно изменится – как по стремительному мановению кисти японского живописца на белом; скулы под безупречной кожей вздернутся, хотя выдаваться не будут. Даже в

тусклом свете он мог различить редкие морщинки на ее лице. Но она принадлежала к тому типу женщин, которые принимают близко к сердцу малейшие перемены, происходящие с их телом.

Где-то в глубине сознания у него затаилась мысль, с которой он боролся во сне. Что, если у нее изменится лицо, наклон головы, а то и манера держать руки. И все эти изменения она, верно, переймет от своей сестры Майры, с которой он виделся последний раз четыре года назад, еще до того как женился на Карен. Возможно ли взять лучшее от каждой и соединить вместе так, чтобы Карен ничего не узнала?

Сон как рукой сняло, хотя рассвет только-только забрезжил. Он выбрался из постели и оделся. Сперва кофе, а там решим. Он давно не прикасался к «Восходящей Венере» и до этой минуты не рассчитывал, что в Центре все так залихорадит. Но отказываться от хорошей мысли было грешно. Последние дни вдохновение посещало не часто. Выходя из спальни, он заметил, что теперь голова ее склонилась набок, левая рука оказалась под подушкой, а правая все так же покоится на животе. Если за все это время она забеременела, он сделает ее лицо другим – кое-что добавит. Ведь женщина, ждущая дитя, живет скорее будущим, нежели прошлым.

Он включил на кухне свет – и тут же смекнул, что дал маху. В раковине громоздилась груда грязной посуды, да и стол не сверкал чистотой. Почему она не засунула все это в посудомойку? Не бери в голову, утешал он себя. Стоит забыть про свой мерзкий характер, как все плохое разом вылетает из головы.

Он взялся было за днище электрической кофеварки – но крышку нигде не обнаружил. Тогда он стал искать растворимый кофе – но банка оказалась пустой. Он выключил свет и торопливо спустился вниз.

Сняв влажное покрывало со скульптуры в натуральную величину, он оценил взглядом свою работу. Бесспорно, Карен была достаточно красива, чтобы стать его натурщицей; ладное по классическим меркам тело, изящная правая рука касается бедра, а левая, с тонкими, сложенными чашечкой пальцами, прижата к груди, глаза скромно опущены, полные губы подернуты печалью. Но все это, конечно же, было неправдой, и он знал почему. За последние три года фигура (он то брался за нее, то отстранялся, то крушил ее, то брался сызнова) чуть заметно изменилась – стала более романтической, чем он ожидал, и напоминала Венеру из далекого прошлого. Единственное, чего ей не доставало, так это раковины, Зефира^[3] и Весны, пытающейся накрыть ее покровом. Впрочем, то было даже не его собственное представление, а избитый трехразмерный образ, будто

сошедший с картины Боттичелли «Рождение Венеры».

Этим утром во сне «Восходящая Венера» была закончена, и, пока он изготавливал гипсовую форму, она ожила и вожаделенно потянулась к нему. Но стоило ему обнять ее, как она вдруг ожесточилась и стала неумолимой, а потом глина треснула и раскрошилась в его руках. У нее было лицо Майры. Помимо явного сексуального подтекста сновидения, замешанного на страхе, в нем, как он понял, заключалось озарение – так у него возникла мысль привнести в лицо Карен кое-какие черты ее сестры, которые ему запомнились, и, наделив образ недостающей индивидуальностью, вернуться в некотором смысле к исходному характеру. Он понял: выражению губ надо придать решительности, да и глаза придется изменить. Кончиками пальцев он мог ощутить податливость глины. Но сейчас это не главное – не стоит торопиться, иначе он все испортит. За красотой Майры всегда скрывалась волнующая сила, чего не хватало Карен. Как же это выразить?..

Четыре года назад – кипучая, горячая, невероятно энергичная. Всегда в центре событий – будь то студенческая забастовка или кампания по сбору средств; выступление против внешней политики; борьба за права студентов, профессорско-преподавательского состава, меньшинств; протест в защиту выселенцев, бесправных и обездоленных. И уж будьте уверены: случись какая-нибудь манифестация, сидячая забастовка, или диспут-семинар в защиту гражданских прав, или демонстрация протеста с захватом жилья для ночевки, или марш против войны и бедности – Майра была тут как тут, всегда готовая помочь делу и возглавить его при поддержке неизменного своего окружения в виде восхищенных представителей сильного пола, согласных идти за нею куда угодно.

Он вспомнил ее смех, увидел, как она держит руку, когда спорит (ладонь обращена вверх, пальцы согнуты, будто удерживая мысль, как у роденовского «Проповедующего Иоанна Крестителя»^[4]), увидел проникновенный взгляд ее голубых глаз, пленяющих всякого, кто подходил к ней близко, сраженный исходящим от них рвением. Он вел себя, как и все: сначала восхищался издали, потом вблизи. А обожателей у нее всегда было хоть отбавляй. Так, в конце концов, он свыкся с явившимся ему во сне образом Майры в роли живой обнаженной натуры, которую он собирался назвать «Восходящей Венерой». А работать он начал с того, что вспомнил, как однажды летом видел ее в купальнике, о чем никогда ей не говорил; он то начинал, то бросал, боясь, что этот образ будет преследовать его всю жизнь. Теперь же, глядя на статую, он понял, что просчитался, когда вздумал изменить первоначальному замыслу, решив привнести новые

черты в скульптурные изображения Венер, ваявшиеся столетиями, когда замыслил отобразить в облике богини любви извечную борьбу между мужским и женским началом. Он думал о Венере, чья красота будет возвеличена благодаря силе и решимости, запечатленным в пылающих глазах Майры, благодаря волнующему изгибу ее шеи и напряженной манере держать руку. И в этом образе ему удастся воплотить внутренний конфликт современной женщины, оказавшейся под перекрестным огнем своих душевных терзаний.

Теперь ему стало ясно: он был неудовлетворен своей работой и все никак не мог ее закончить потому, что Карен для этого не годилась. Она была довольно красива, но красота ее казалась слишком романтической, чувственной, материнской.

Он познакомился с Карен на одной из сходов, организованных Майрой в их огромном семейном доме Брэдли, – они строчили какие-то письма и рассовывали их по конвертам, – и, хотя она никогда не подтрунивала над занятиями Майры (и даже иногда помогала ей, когда надо было рисовать плакаты или распространять рекламные листки), она же никогда к ним по-настоящему и не приобщалась. Она занималась современным танцем и посещала курсы по актерскому мастерству и однажды, когда он стал ее расспрашивать, растолковала ему, что выступать на сцене ей куда больше по душе, чем стоять в пикетах. Барни обращал мало внимания на Карен, пока Майра не произвела фурор в городе Элджин: сбежала со средних лет старшим преподавателем социологии (в Южную Калифорнию, чтобы помочь организовать союз рабочих-мигрантов и мексиканских собирателей фруктов), оставив своих почитателей в недоумении – куда же подевалась их богиня.

После бегства Майры Карен расцвела, стала привлекательнее и желаннее. Он начал восхищаться ее простодушным романтизмом, увидел в ней человека, нуждающегося в заботе и любви, а позднее, когда они поженились, он решил сделать ее натурщицей для своей более нежной и романтической Венеры. К тому времени, когда они уже три года как были женаты, он не раз лепил ее тело, а вот с головой у него ничего не выходило, потому как он смутно понимал – та самая потаенная одухотворенность, что некогда пленяла его, теперь была ему помехой. И как он ни старался, а отобразить ее мечтательные глаза и пухлые, словно надутые от обиды губы ему все никак не удавалось. Она по-своему была такая же непостижимая, как Майра.

Но этим утром во сне он увидел, что для того, чтобы завершить образ, нужно добавить к нему кое-что от Майры – соединить обеих сестер в

одном целом. Работал он споро.

За окном светало, а ему был нужен по крайней мере час, чтобы закончить модель, прежде чем отправиться на работу в Центр. Он несколько месяцев не прикасался к Венере всерьез – и сейчас пребывал в сильнейшем возбуждении, нипочем не желая останавливаться. Даже мало-мальская подвижка в осуществлении задуманного облегчит ему днем работу с глиняными моделями автомобилей.

Он рьяно взялся менять выражение лица: всего лишь мельчайшая складочка – и вот уже Майра исполнена нетерпения; подбородок тверже – чтобы как у мальчишки; в глазах – тревожное ожидание. В другой раз надо будет изменить жест руки: правую ладонь повернуть вверх, пальцы – согнуть так, будто они держат цветок. Но даже когда он еще только замыслил это, ему стало ясно, что Карен все поймет, – узнает и выражение лица, и жест руки и непременно огорчится. Он остановился, не отрывая руки от скользкой глины. Не нужно решаться прямо сейчас. Надо будет вернуться потом и взглянуть еще разок; или – что даже лучше – попросить Карен немного попозировать, чтобы она все видела в медленном развитии и привыкла к новому образу. А он поглядит, заметит она что-нибудь или нет. Если да – они все обсудят. Он снова смочил покрывало, набросил его на статую, прикрыл ванну с глиной и выключил весь свет.

Завтрак он приготовит себе сам, а она пусть поспит. Поработать утром было здорово, но она, наверное, обо всем догадается и будет расспрашивать. Уж больно она смышленная – и порой могла сказать не только все, о чем он думает, но и о чем он еще даже не успел подумать, вот и сейчас она наверняка поймет – здесь что-то не так.

Про кавардак на кухне он уже и думать забыл – и теперь вот почувствовал, что закипает от злости. Но он все же взял себя в руки и принялся рыться в посудомойке в поисках крышки от электрокофеварки. Тут он смекнул, отчего в раковине громоздилось столько посуды: посудомойка тоже была забита битком. Кто, как не Карен, заполнил ее под завязку и забыл включить?

Крышку от капельной кофеварки он обнаружил на полке для посуды, над сушилкой, и поставил кипятить воду. Но, попытавшись потом откопать чашку с блюдцем, грохнул в раковину стакан, и тот разбился вдребезги.

– Ну и черт с ним! – пробурчал он и расколотил следом чашку с блюдцем.

В полудреме Карен почувствовала, как он встал с постели и спустился вниз. Она с трудом размежила глаза. Кругом полумрак. Почему он поднялся

в такую рань? Ночью он не раз будил ее, постоянно метаясь и переворачиваясь с боку на бок, – что-то его тревожило. Она смутно подумала – может, встать и приготовить ему завтрак, подняла голову и посмотрела на часы. Только десять минут шестого. Она гипнотизировала взглядом неугомонную секундную стрелку, словно хотела усилием воли остановить ее, а заодно заставить и себя застыть в этом промежутке между сном и пробуждением. Какой ужас – засыпать и просыпаться по часам, не говоря уже о том, чтобы предаваться любви! Она снова откинулась на подушку и закрыла глаза. Рекомендация врача отправиться во второе свадебное путешествие и перестать надрываться была первым дельным советом, который она услышала за все время, пока продолжалась эта эпопея с зачатием.

Раньше она и представить себе не могла, что родить ребенка такая сложная задача. Когда читаешь про всех этих незамужних матерей, вынужденных избавляться от собственных детей, и слушаешь родительских предостережений, то после первого же своего сексуального опыта думаешь, что наверняка забеременеешь. Она улыбнулась, вспомнив, как однажды они с Майрой болтали перед сном в темной спальне, лежа в кроватях, как было заведено между ними, девочками девяти и одиннадцати лет, и в конце концов пришли к выводу, что дети рождаются от поцелуя, а потом они еще больше укрепились в этой мысли, после того как услышали в школе от одной не по годам развитой девчонки про глубокий поцелуй («душевный», как та сама его называла), и, хотя Майра заметила тогда, что это противно, Карен подумала – до чего же прекрасно, когда после слияния двух душ в поцелуе возникает жизнь. А через год Майра, понаслушавшись откровений одной девчонки постарше, проходившей курс полового воспитания, торжествуя заявила, что, помимо поцелуя, вроде как нужно еще лечь в постель с мужчиной, чтобы он пролил семя в то место, которым ты писаешь. Карен сперва стушевалась (смекнув разумом десятилетней девчушки, что все это ерунда, потому как, когда ты писаешь, все это из тебя вымывается), а Майре было даже противно думать, что их родители укладываются в постель и проделывают то, что всякие там нахальные девчонки называют «кувыркаться» и «трахаться»: это звучало до того омерзительно, что казалось Майре просто ужасным. Но позднее она пробовала пересказать Майре романы, где вычитала, что люди, предаваясь любви, возносятся до небес на крыльях безудержного восторга и страсти и что это, должно быть, замечательно, когда двое влюбленных даже не думают о том, что будет после глубокого поцелуя, потому что в это время они охвачены безумной страстью.

Она мечтала, что так будет и у них с Барни, когда увидела его впервые. Прежде она никогда не встречалась со скульпторами – и украдкой присматривалась к нему, когда он пришел с товарищами к ним домой на заседание возглавляемого Майрой комитета – «Старшие за поддержку студенческого движения». Высокий, с большими руками и длинными пальцами, с ниспадающими на шею вьющимися рыжеватыми волосами, со светло-голубыми, в коричневатых прожилках глазами и с белой гладкой, как у девчонки, кожей. Ее привлек тогда его встревоженный взгляд. Он был художником, одиноким и угрюмым, из бедной семьи, жившей в Хамтрамке^[5], и она пыталась представить себе, какой он, когда остается один и создает свои восхитительные величественные скульптуры. Она никак не могла взять в толк, почему художник оказался в плену чар Майры, как какой-нибудь студент-социолог-политолог (такие ходили за нею толпой, как за Жанной д'Арк, объявившей войну обществу), и все же ей нравилось, что он застенчивее остальных. А когда они всей оравой заявлялись к ним домой сочинять письма, надписывать конверты или рисовать плакаты, она всегда держалась поближе к нему, думая, а что будет, если их глаза встретятся. Впрочем, она никогда не старалась привлечь его внимание. Едва ли это было возможно, пока он принадлежал Майре.

Так уж у нее с Майрой было заведено с детства. Она никогда не претендовала на потрепанные вещи Майры (даже на латанные-перелатанные платья, равно как и на изношенные или сломанные игрушки), пока не убеждалась, что Майре они и в самом деле уже ни к чему. Однажды она крепко усвоила ее пример (сколько ей тогда было – лет пять или шесть?) с Синди, писающей куклой, безрукой, со сколотым носом и ободранными волосами. Ей захотелось эту куклу, потому что та была несчастная и нелюбимая, а поскольку Майра больше не играла с ней, Карен стала нянчить ее, как собственную дочурку. И вот как-то раз, когда тетюшка Люси, состоявшая в комитете по сбору рождественских подарков для сиротского приюта, заикнулась, что ей нужны куклы, Майра пошла в их детскую, притащила все свои куклы, вместе с Синди, и передала их для детей-сирот. Майрой все очень гордились, а Карен так расстроилась, что принялась умолять, чтобы ей оставили Синди. Ведь это же ее кровинка, родная дочка, – заверяла она всех. Ей обещали взамен другую куклу. А отец сказал: «Не будь такой эгоисткой. Лучше бери пример с Майры», – и ей стало до того совестно, что она даже не пришла к обеду – спряталась в подвале и просидела там до тех пор, пока не пришло время ложиться спать. С тех пор она не притрагивалась ни к чему такому, что принадлежало Майре.

Так что в глубине души она обрадовалась, когда Майра сбежала со своим преподавателем. Она не забыла выражение лица Барни, когда как-то утром повстречалась с ним в студенческом городке и он спросил, правда ли это. Когда она ответила, что так оно и есть, он с на удивление глупой миной признался: «А мы с ней назначили свидание три недели назад – собирались вечером в кино». Не смея показаться чересчур развязной, да еще перехватив его исполненный отчаяния взгляд (хотя ей очень хотелось подтрунить над ним и сказать: вот и поделом тебе – не надо было назначать свидание загодя, да еще за три недели), она, однако, ничтоже сумняшеся, выпалила: «А почему бы тебе не пригласить меня вместо нее?»

Она до сих пор помнила его взгляд: он как будто видел ее в первый раз. Он ответил не сразу, и она почувствовала, как у нее заполыхали мочки ушей и лицо, – ей хотелось умереть. Но она рассмеялась и сказала: «Я просто пошутила», – и со слезами на глазах убежала в свой театральный класс.

В тот же вечер он позвонил ей и извинился. Сказал, что не хотел показаться грубым. Ну конечно же, он с удовольствием сводил бы ее в кино. Ей очень хотелось сказать, что у нее уже назначена встреча, и отложить свидание с ним на неделю, но она боялась начинать их знакомство с обмана и в глубине души ужаснулась при мысли о том, что за это время его у нее уведут. Несколько раз, пока шло кино, она краем глаза замечала, что он поглядывает на нее, и тогда поняла: раз нет Майры, значит, рано или поздно он переключится на нее.

Она слышала, как он мечется по кухне, громыхает ящиками стола и стенного шкафа. Какого черта он там ищет в такое время? Она снова открыла глаза – посмотреть, который час. Четверть седьмого. Спускаться вниз и готовить завтрак еще рановато. А надо бы встать и прибраться на кухне. Он там сейчас, наверное, злится, глядя на ворох посуды в раковине. Однако ее тело не проявляло ни малейшей охоты вставать с постели. В такую ранищу. Она смотрела, как секундная стрелка пожирает время. Странно: когда спишь, время для тебя как будто останавливается, а для всех остальных – и для него, чего бы он там ни делал на кухне и о чем бы ни думал – идет себе и идет, проходя мимо тебя украдкой и оставляя в прошлом. Подлая все-таки штука – время.

Она взглянула на фертильные часы – и поморщилась. По крайней мере, она знала – о том, что у них произошло на третьем свидании, они и не помышляли и ни к чему такому не готовились. Все случилось самопроизвольно – без оглядки на будущее. Ту восхитительную ночь она

потом вспоминала сотни раз и втайне воскрешала в памяти последние три месяца, когда они предавались любви с учетом дней, выверенных по фертильным часам. Она немного послушала, как он гроыхает там внизу, на кухне, потом перевернулась на живот и обхватила руками подушку. Все случилось после того, как они сбежали с одной скучной вечеринки и он проводил ее до дома, – тогда она, недолго думая, возьми и скажи: «Зайдем вместе. Предки вернутся не скоро». Она повела его наверх – показать комнату, где они жили на пару с Майрой. Там он ее поцеловал – сперва робко, потом страстно, ласково касаясь ее рук, лица, груди, так, словно лепил ее плоть, а затем – ведь ей самой того хотелось – уложил ее спиной на постель и стал раздевать. «Только не здесь, – прошептала она, испугавшись собственного голоса. – Это кровать Майры».

Он посмотрел на нее, на мгновение смутился, потом перенес на ее кровать, бережно опустил и выключил свет. Со своей одеждой он замешкался – прошла, кажется, целая вечность, прежде чем он разделся и подошел к ней, а когда наконец лег в постель, его трясло от возбуждения, он сделался грубым, и она, не сдержавшись, заплакала от боли. Поняв, что она девственница, он вдруг стал сама нежность, будто хотел извиниться за то, что был не очень ласков; он мягко обхватил ее своими мускулистыми руками и сказал, что любит. А когда он уснул, прижимая ее голову к своему плечу, она подумала: ну вот, теперь он мой.

Проснулись они от шума: скрипнула наружная входная дверь – вернулись ее родители. Барни вскочил с постели, но она поднесла палец к губам. Они так и лежали, тише воды ниже травы, а когда в доме снова все смолкло, он оделся, тихонько спустился и ушел через заднюю дверь. Через несколько мгновений она услышала, как в ее окно ударил камушек. Он стоял в лунном свете и посылал ей воздушные поцелуи. Увидев это, она разревелась от счастья – и почти всю ночь пролежала не сомкнув глаз, и все думала: ну вот, теперь его семя проникло в нее, чтобы создать новую жизнь. Она лежала, не шелохнувшись, боясь пошевелиться, и все шептала: уж теперь-то их никто не разлучит.

Какой же наивной она тогда была. Все оказалось не так-то просто. По крайней мере, для нее. Она посмотрела на часы: семь пятнадцать. В окошечке виднелась цифра восемь – красная. Ей хотелось ребенка больше всего на свете, только очень смущало, что предаваться любви приходится в соответствии с клиническими предписаниями – по расписанию. Такая научно запрограммированная связь, напоминающая точно выверенную систему размножения сельскохозяйственных животных, каких-нибудь лошадей или лабораторных зверушек, – это уж чересчур. Майра, может, с

этим бы и смирилась. Майра, может, и прониклась бы духом времени, ходила бы по библиотекам и медицинским лекциям, чтобы узнать о последних достижениях в области гинекологии, – и, в конце концов, охотно поучаствовала бы в программе по регулированию рождаемости и планированию материнства. Так вот, она не Майра и ни за что не хотела бы стать такой, как она. И будь что будет.

Быть может, все уже случилось: ведь она так этого хотела тогда, ночью, на озере Торч^[6], в романтической хижине на самом берегу, – но, когда она призналась Барни, что у нее такое чувство, будто она беременна, он принялся растолковывать ей, как маленькой девочке, что такое нельзя почувствовать. Так почему же теперь при мысли об этом у нее на глаза наворачиваются слезы?

Она услышала, как что-то разбилось, – не то стакан, не то тарелка, а потом еще что-то – и села. Что он там вытворяет? Она протерла глаза и встала с постели. При мысли о том, что надо спускаться на кухню, ей стало дурно, но она совладала с собой. Он опять будет насмехаться над ее «психосоматическими симптомами», как сам это называл. Они бывали у нее и раньше. Но ей удавалось их контролировать. Она нацепила халат, тапочки и направилась вниз – приготовить ему завтрак и проводить на работу. Меньше всего ей хотелось бы нынешним утром ссориться.

* * *

Барни уже натягивал куртку, когда услышал, как Карен спускается вниз. Она остановилась у входа на кухню, откинула назад прядь черных волос, зевнула и, гоня прочь сон, потянулась спиной и руками, но он не преминул заметить, что она опять плакала.

– Прости! Совсем вылетело из головы, что тебе сегодня на работу, – сказала она. – Вот и проспала. – Она глянула на раковину и стол. – О, Барни, я думала навести тут порядок вчера, когда вернулась. Ладно, давай пока сделаю тебе растворимого кофе.

– Нет времени ждать. Надо еще захватить Макса. К тому же кофе у нас не осталось ни грамма.

– Это займет всего лишь минуту, – настаивала она на своем, снова ставя кипятить воду. – Надо же тебе перехватить хоть что-нибудь.

Он собрался было уходить, но спохватился. Он вел себя с ней грубовато на днях: в последний понедельник – потому что она не могла найти ключи от своей машины, а во время вчерашней ссоры из-за потери

кредитной карты для покупок в универсаме она и вовсе ударилась в слезы. Довольно ее допекать. Она и правда старалась как лучше, но попробуй враз изменить закоренелые привычки. Он с изумлением наблюдал, как она достает из-за хлебницы банку с растворимым кофе.

– Ладно, только сок и кофе.

– Я не хотела тебя будить вчера ночью, когда пришла, – сказала она. – Понятия не имела, что уже так поздно.

– Был второй час. Так вы на чем-нибудь сошлись?

Она поставила перед ним чашку с кофе и полезла в холодильник за соком.

– Может, поджарить тебе омлет или гренок?

– Нет времени, да и есть, правда, не хочется.

– Что ж, – проговорила она с плохо скрываемым вздохом облегчения, – сошлись мы предварительно на Гедде Габлер^[7].

– И ты будешь играть Гедду Габлер?

– Что ты имеешь в виду?

Он допил кофе, потом она налила ему сока, и, хотя он сто раз говорил ей, что терпеть не может неподслащенный грейпфрутовый сок, пришлось его выпить.

– Почему бы мне не сыграть Гедду Габлер?

– Я имел в виду, зачем снова браться за Ибсена?

– Думаешь, не потяну? Все говорили, что я была хороша в «Кукольном доме»^[8] прошлым летом. Да ты и сам говорил.

– Роль Норы тебе подходила.

Она нахмурилась, плотнее закуталась в халат и огляделась кругом.

– Ясно, – дрожащим голосом проронила она. – Ты, наверно, прав.

– Я не это хотел сказать. – Впрочем, он понимал, что сказал уже слишком много.

Она пожала плечами.

– По крайней мере, это предложил Дейл Уэкслер и комиссии понравилось. Правда, нужно, чтобы на следующей еще одобрила и вся труппа.

– Понимаешь, что бы они там ни ставили, ты отлично справишься. Когда ты вышла за меня, Бродвей лишился великой актрисы.

Она рассмеялась и попробовала его ущипнуть, но он увернулся и схватил куртку, делая вид, что это плащ тореодора. И она кинулась на него, прижав ко лбу согнутые пальцы и намереваясь боднуть, но он отвильнул и, в конце концов обхватив ее руками, поцеловал.

– Люблю тебя, – сказала она.

Он держал ее крепко.

– И я тебя.

Он наклонился за курткой к полу, куда она упала, и тут она открыла рот.

– Что такое? – вскричал он.

– Просто кое-что вспомнила.

– Ладно, господи, не надо так больше! Ты напугала меня.

– Чуть не забыла сказать, что Лила с Дейлом устраивают сегодня что-то вроде распределения ролей и они просили нас заглянуть к ним после обеда.

Он воззрился на нее.

– Как это? К нам же придут Уинтерсы на бридж.

Она посмотрела на него в диком ужасе.

Он простонал:

– Мы же обо всем договорились, когда играли у них в прошлом месяце, после того как вернулись с озера Торч. Разве не помнишь?

– Конечно, помню. С чего ты взял, что я забыла? Я думала, это будет завтра, вот и все.

– И все? Тебе надо было бы это где-нибудь записать на память. Вот что я думаю.

– Ты что, хочешь сказать, что именно это и думаешь?

– Я хочу сказать, что тебе надо было бы пометить это на у себя на календаре. Разве это трудно?

– Ну да, – резко проговорила она. – У меня календарь и без того исписан всякими чертовыми памятками.

– Всего хорошего! – буркнул он, направляясь к двери. – Мне пора.

– Поиграть вволю в бридж сегодня вряд ли придется, – съязвила она. – Сегодня восьмое – красный день на твоих Фертильных Часиках.

Выйдя из дома, он заметил, что она провожает его взглядом из окна в столовой, и его разозлило, что их жизнь раздирают нескончаемые недоразумения, выворачивая все наизнанку оттого, что она обижается на самое мысль следить за всем и вся. Впрочем, в этот раз последствия были предсказуемы. Она успокоится, как только он уйдет на работу и будет вкалывать как проклятый, чтобы освободиться к сегодняшнему вечеру, а дом – по крайней мере на первый взгляд все будет вылизано дочиста. Барахло окажется распахано по ящикам и шкафам, обувь спрячется под кроватями, газеты с журналами скроются за диваном. Если она управится до прихода Уинтеров, они успеют пропустить по мартини из надлежаче

подмороженных бокалов при свечах в столовой. А потом дня два-три все у них будет идти как по маслу: ведь ветер после бури унимается. Карен несколько дней не будет опаздывать на свои встречи. Но перемены, как всегда, будут временными – и скоро все опять вернется на круги своя.

Глядя, как он выгоняет машину из гаража, а потом уезжает прочь, она почувствовала недовольство и одиночество. Она ненавидела себя за то, что забыла про сегодняшний вечер. Она включила радио, но ритмичная музыка напоминала вызывающую головную боль телевизионную рекламу – пришлось его выключить. Ей не хотелось, чтобы он увидел весь этот кавардак. Надо было вымыть посуду еще вечером – плевать на усталость. Она вздохнула и опустила голову на стол.

До женитьбы они жили как будто душа в душу: она вела хозяйство, пока он ваял, готовила ему еду, ограждала от всяких неприятностей, наблюдая, как он воплощает мечту в глине, и помогала ему обеспечивать их надежные тылы. Поначалу она думала, что они переберутся в Гринвич-Виллидж^[9] или в богемный квартал в Сан-Франциско, найдут там друзей среди художников, скульпторов и пробивающих себе дорогу в жизнь молодых служителей Мельпомены. А не будет хватать денег, так она станет работать манекенщицей, чтобы помочь ему в трудное время, пока он не добьется признания.

Но он убедил ее, что лучше оставаться поближе к Мичигану, где их корни, и держаться подальше от всяких жуликов и позеров. Благоразумно, ну конечно же с его стороны было благоразумно согласиться на работу, которую предложил ему ее отец в «Нэшнл-Моторс». Воплощать в жизнь чужие идеи и формы, объяснял он, что ж, такое занятие дисциплинирует скульптора. И потом, это будет неплохим подспорьем для их бюджета: ведь они оба мечтали о собственном доме и детях. Вот и купят себе этот чудесный дом, и у него будет своя мастерская в подвале, и он сможет работать там в свое удовольствие по вечерам и выходным. Здорово придумано!

Но он строил иллюзии. За последние два года смог закончить только две абстрактные, не понятные ей вещицы (он начал работать над ними давно – в конце учебы в колледже). А когда она попросила объяснить, что они означают, он разозлился и дулся еще не одну неделю. Но самым ужасным были ее страхи: она боялась, что мешает ему творить, и корила себя за это. Если бы только она была другая – попрacticalнее, что ли, если бы могла оградить его от повседневных забот, если бы могла взять и просто родить ему ребенка – без всякой суеты и тревог, надоевших им обоим! Она

неотрывно глядела на заваленную посудой раковину, силясь подавить отвращение к самой себе. Стань же другой! Будь побойчее! – приказывала она себе. Соберись! За дело! Позови кого-нибудь прибраться по дому к вечеру да проследи, чтобы все было чин чином. Аккуратнее води температурный график и почаще поглядывай в окошечко на часах.

Если бы только она могла заставить себя оторваться от стула, то взялась бы за дело не мешкая. Но тело сопротивлялось. Она просидела так, борясь с собой, несколько минут, потом с неимоверным усилием воли встала. Включила посудомоечную машину, собравшись с силами, подошла к раковине, плеснула туда моющего средства, пустив воду, и погрузила руки в раковину с грудой посуды.

Она поняла, что порезалась, только когда в мыльной воде разошлось кровавое пятно, окрашивая посуду и оседая красными каплями на стенках раковины. Она в изумлении воззрилась на порезанные ладонь и пальцы левой руки, на тонкие струйки крови и с криком и слезами принялась швырять посуду в раковину, круша все без разбору.

Какого черта он не убрал за собой расколотую чашку с блюдцем! А оставил все это для нее. Она не была готова стать другой – эдакой домохозяйкой, стряпать, мыть, чистить и заниматься еще бог весть какими делами по требованию! Она не походила на Нору из «Кукольного дома» и не была готова ловить каждое его слова и угождать малейшим его прихотям. Она такая, как есть. Зачем становиться другой?

Ей хотелось с кем-нибудь поговорить. Она обмотала руку полотенцем и направилась к телефону – позвонить матери. Но вдруг вспомнила, что компания отрядила отца в Калифорнию уладить тяжбу в суде по делу «Нэшнл-Моторс». Она пожалела, что они с матерью еще не вернулись, и подумала – может, им удалось разыскать там Майру. Она надеялась, что нет, и тут же устыдилась своих мыслей.

Когда полотенце пропиталось кровью, она намотала сверху другое, плотно прижимая его к месту пореза, прилегла на диван. И, невзирая на бессилие и рану, улыбнулась. Ее мысли уже переключились на предстоящую сегодня игру в бридж. Надо бы позвонить Элен Уинтерс и отменить вечернее мероприятие. Барни распереживается за нее, когда вернется домой. Извинится, будет любезным, внимательным и нежным – и они вдвоем проведут чудесный вечер. Она приготовит чего-нибудь вкусненькое. И сделает вид, что ей плевать на календарь доктора Лероя вместе с красными циферками на этих дурацких часах.

При мысли об этом она улыбнулась, закрыла глаза и уснула.

Макс Прагер дожидался на тротуаре перед своим домом, когда Барни остановился, чтобы его посадить.

– Что с тобой, Барни? – забравшись в машину и захлопнув за собой дверцу, любопытствовал он с выражением безжалостной радости на круглом розовощеком лице. – Ты как в воду опущенный.

Барни пробурчал извинение за то, что опоздал, и смолк. Он подумал, что десятимильная поездка до Центра обернется для него сущей пыткой. В их автомобильном пуле^[10] изначально состояло пять человек – они сидели и болтали друг с дружкой. Потом одного перевели в Толидо^[11], а другой перебрался в Западный район. Какое-то время Макс Прагер, из научно-исследовательского отдела, и Коллинз, из проектного бюро по разработке средств обеспечения безопасности, болтали без умолку обо всяких технических вещах, и Барни приходилось смиренно их выслушивать. Но Коллинз уже три месяца как вышел на пенсию, так что в автомобильном пуле их теперь осталось только двое.

Прагер сочетал в себе престранные свойства. Его, беженца от нацистского режима, в десятилетнем возрасте вывезли в Бруклин. И в его «бруклинском диалекте»^[12] до сих пор прослушивался явный немецкий акцент. А лет пятнадцать назад, когда ему стукнуло сорок, он перевелся с бруклинской военно-морской верфи в Научно-технический и опытно-конструкторский центр при «Нэшнл-Моторс». Лишь однажды, а за три года Барни успел хорошо его узнать, он видел Прагера по-настоящему расстроенным, когда парочка каких-то совсем еще зеленых кандидатов наук получила повышение через его голову. Впрочем, от чувства обиды у Прагера не осталось и следа уже на другой день, когда он в шутку заметил Коллинзу, что ему, как видно, пора на покой после того, как его обскакали кандидаты-молокососы, не знающие и половины того, что сам он уже успел позабыть в технологии индикаторных исследований.

– Эй, прочел я в Информбюлетене, что у вас там в отделе художественного конструирования вроде как намечается очередная выставка. Так что, может, и в этот раз отхватите приз.

Барни что-то пробурчал.

– Помнится, твоя вещица взяла первый приз в прошлом году. Что это было? «Плачущий мальчик»? Никогда не видел настолько прекрасной вещи. Настоящий талант. Знаешь, что я тогда подумал? Я подумал, что когда-нибудь этот Барни станет знаменитым скульптором.

– Я слепил ее давным-давно, еще в колледже, – сказал Барни.

– А, но в этот раз ты выставишь какой-нибудь новенький шедевр, так? Голову даю на отсечение, ты снова заработаешь первый приз. Как он называется?

– Я не буду выставляться в этом году.

Прагер поджал губы и поднял брови.

– С тех пор как я начал здесь работать, для себя ничего такого не сделал, – объяснил Барни. – Раз десять брался, и все без толку.

– Сдается мне, нелегкое это дело – месить глину весь день кряду, а после, вернувшись домой, делать то же самое по вечерам и выходным. Будь я на твоём месте, мне бы и подавно осточертело заниматься одним и тем же денно и нощно. Я имею в виду, хватает ли тебе творческой жилки?

Старик глядел прямо в корень. Кто бы мог подумать, что какой-то там радиоизотопщик способен заглянуть художнику в самую душу?

– Честно говоря, – продолжал Прагер, – даже если не брать в расчет все, что я сказал, последнее время ты и впрямь выглядишь неважнецки. Не хочу совать нос в твои дела, только, может, у тебя настал, как бишь его, творческий кризис, – это когда талант побеждает человека. Знал я одного малого – такого же молодого, как ты, – редактора из *«Детройт таймс»*, так с ним было то же самое: он перелопачивал слова целый день напролет, а вернувшись домой, к родне, на досуге пытался написать роман. Он говорил мне, что начинал вот так уже кучу романов и ни один не закончил, потому что за целый день трудов праведных в газете до того уставал от всей этой словесной мешанины, что у него не оставалось больше никаких творческих сил.

Барни мельком взглянул на него, тут же перевел взгляд снова на дорогу и вскоре свернул по направлению к Центру.

– Было время, в школе, а потом в колледже, когда я играючи заканчивал все, за что бы ни брался. Ваять тогда было мне в радость. Ни о каких наградах и признании я и не думал, главным была только работа. Это настоящее счастье, когда скульптура захватывает тебя целиком и ты поглощен ею без остатка.

Прагер закивал.

Обычно Барни стеснялся обсуждать собственные ощущения, но после утренней работы он все еще пребывал в приподнятом настроении.

– Даже чувство грусти, когда отступаешь в сторону, отдавая себе отчет, что все закончено и сделано как надо, когда осознаешь, что с этим уже ничего не поделаешь, – это все равно как если бы ты вдруг понял, что твои дети скоро покинут тебя, уходя в большой мир, – это естественная

человеческая грусть, возникающая от любви. Но, бог ты мой, какая же это мука, когда понимаешь, что не в силах закончить вещь, которой отдал всего себя. Никакой радости – такое чувство, будто у тебя кость застряла в горле. Не знаю, что со мной случилось. Раньше я легко доводил до конца все, за что бы ни брался.

Макс кивнул.

– Я всегда считал тебя таким. Тот малый был такой же. Тебе бы он понравился. Так вот, доложу я тебе, начитался он про Гогена, и что бы ты думал? В один прекрасный день бросил жену с тремя детишками и подался в Испанию – писать.

– И что дальше? Он закончил свой роман?

Прагер пожал плечами.

– Уж не знаю, как там оно вышло, да только больше мы о нем ничего не слышали. Может, избавившись от всех своих обязательств и привязанностей, он и смог что-то там написать. А может, нет. Кто его знает, да и какая, на самом деле, разница?

Они притормозили перед коваными железными воротами с причудливой футуристической вывеской из синего пластика на серебристом фоне при въезде: «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЙ ЦЕНТР НЭШНЛ-МОТОРС». Барни кивнул охраннику, и тот, увидев на переднем стекле наклейку «Отдел художественного конструирования», махнул им рукой – проезжайте. Барни медленно проехал по кольцевой развязке и остановился, чтобы высадить Прагера у здания Научно-исследовательского отдела, после чего развернулся и направился к своей стоянке перед зданием Отдела художественного конструирования.

Он выключил зажигание и воззрился на здание, похожее на громадное иёглу с золоченым куполом с одного конца, где помещался выставочный зал (без окон, дабы уберечь его от посторонних взоров), – той самой крышей, в которой временами, когда он подъезжал к Центру или выезжал оттуда, отражалось солнце, слепившее ему глаза. Зато вход в вестибюль и кабинеты управления делами, напротив, были сплошь из стекла и прозрачного пластика, словно для того, чтобы убедить заезжих должностных лиц, политиков и организованных туристов, что «Нэшнл-Моторс» нечего скрывать.

Барни быстро прошел через вестибюль, хмурясь на оранжевые и желтые анатомические кресла, расставленные на синем ковровом покрытии, и на несуразные модели автомобилей будущего на фермах, загадочным образом подвешенных в воздухе. Главная идея, включая форму

кузова, мощь и напор; спиралевидные удлинённые линии, усиленные плоскости, подчеркивающие строгую функциональность сороковых годов, отягощенные скопищем всяких псевдофутуристических хитроумных штук. Чего и следовало ожидать. Что до оригинальности, конструкторскому начальству вроде как показалось, что такое не *прокатит*, поэтому конструкторы с дизайнерами постарались сделать так, чтобы *прокатило*. Получилось. И они не ошиблись, уверял себя Барни, поскольку народ, готовый покупать дорогие машины, хотел видеть что-нибудь старенькое-и-привычное в новенькой-и-занятной упаковке. А что может быть привычнее фантастического Бака Роджерса?^[13] Современнo-эротические космические фантазии для миллионов приземленных людей, готовых вести свой обратный отсчет, перед тем как сорваться в гонку по автострадам, то набирая скорость, то сбавляя обороты.

Он кивнул новой секретарше, привычно поражаясь тому, что новенькая так и лезет из кожи вон, чтобы показать свою значительность, являя собой смешанный образ эдакой соседской девчушки-милашки и юной развратницы, способной воспламенить в тебе эротические фантазии и одновременно чувство вины. Распущенные белокурые волосы, вздымающиеся волной при повороте головы, – ну в точности как в телевизионных рекламных роликах. И снова сочетание несочетаемого: безопасность, защищенность, стабильность, приправленные беспечной плотской радостью. Безусловное доверие – и тут же осознание вины за то, что переступил черту, и необходимости поостыть. «Опасные повороты!» и следом – «Осторожно, дети!».

Нэт Уинтерс перехватил его возле охранника, проверявшего у них опознавательные бирки.

– Привет, Барни! Все хотел тебя спросить, с чего это ты вдруг, как я недавно слышал, решил не выставяться? Черт возьми, это же будет выглядеть смешно – прошлогодний победитель ничего не показывает. Андерсон очень удивится.

– Если он спросит, скажи, что я отдаю команде всю свою творческую энергию и вдохновение и на себя у меня просто не остается сил. Скажи, что я прежде всего член команды, а уж потом скульптор. Ему такое понравится.

– Брось, Барни. Ты же так не думаешь. Это будет выглядеть довольно странно.

– Ничего не поделаешь, Нэт. У меня не было никакой возможности поработать на себя. Я не закончил ни одну вещь из тех, что мог бы представить, а выставлять абы что как-то не хочется.

– Жаль, мне не хватает твоего мужества. Ладно, не будем про выставку. Я хотел спросить у тебя еще кое-что, по секрету, ведь, насколько я тебя знаю, ты человек прямой. Так вот, с художественной точки зрения – как скульптор, – что ты на самом деле думаешь про эти аэродинамические рассекатели на крыльях? По-твоему, годятся? Я хочу сказать, ты сам знаешь, как я ценю твое мнение.

– Я бы не брал все это в голову, – сказал Барни. – В колее корпус сидит ниже, чем на самом деле. А на выставочном помосте или испытательном полигоне он будет выглядеть вполне себе нормально. Тем более после того, как мы покроем бамперы хромом. Брось переживать. Корпус вышел что надо.

– Ладно, Барни. Я верил в тебя. Но не будем больше об этом – мне бы лучше сосредоточиться на сегодняшнем бридже. Значит, у тебя?

– Заметано.

– Отлично. А то мы с Элен спим и видим, как бы обратно отыграть хоть немного денег. Твоей жене хоть и везет чертовски, но не вечно же тому быть.

Барни весь день трудился под присмотром Нэта Уинтерса, доводя до ума модель для ее первого закрытого показа в конце недели в златокупольном выставочном зале. Они работали над нею почти два с половиной месяца, и теперь пришло время извлечь ее из тени мастерской и представить на суд праведный, вот Уинтерс и стоял у него над душой, будучи сам на грани истерики.

– Может, еще малость пообтесать? Сделать выемку под задним окном чуточку поглубже?

Барни достаточно потрудился над проектами Уинтерса и знал, как угодить его прихотям. Он сделал пару пробных углублений в коричневой формовочной глине под линией заднего окна и отступил полюбоваться результатом. Когда Уинтерс наконец одобрительно кивнул, они закруглились; Барни тут же окликнул одного из младших модельщиков и велел ему накрыть плод их трудов покрывалом. Но уже через несколько минут Уинтерс забрюзжал:

– Под этим чертовым покрывалом она выглядит какдохлый слон. Дай-ка гляну еще разок. Может, придется еще кое-что доделать.

И так целый день. Дважды они с Уинтерсом вскрывали «Пантеру-II» и вносили в нее мелкие изменения. Барни старался держать себя в руках, видя, что работа не клеится. Линии были сглажены так, что аэродинамический рассекатель теперь внушал полное доверие, – в результате, как выразился начальник отдела сбыта, получился такой корпус,

какой будет нужен «молодому душой» рынку через пару-тройку лет. То есть нечто юное, дерзкое, напористое, включая все прочие хвалебные эпитеты, позволяющие описать *мощь модели*. Молодой администратор перед тем заверил их на совещании по моделированию, что общую идею довели до ума спецы по изучению вкусов, запросов и психологии покупателей, знающие, что нужно людям. Это должна быть серийная модель, рассчитанная на будущий и последующий годы, а в будущем и последующем годах снова будет в моде *голая тяга*. Руководствуясь всеми этими показателями, Уинтерс разработал смелую модель, но сейчас он, чего-то испугавшись, решил устранить все лишнее, чтобы облегчить уже готовую переднюю облицовку. Когда все было готово, его прототип уверенно приблизился к моделям, принятым в позапрошлом и прошлом годах.

Барни старался соглашаться со всем спокойно. Старался убедить себя, что здесь он не художник, а ремесленник, который оформляет и лепит так, как предписано, а потом меняет облицовку, форму и текстуру по прихоти проектировщиков. И все же это огорчало его, поскольку, глядя на такого Нэта Уинтерса, он вспоминал, каким и сам был лет десять-пятнадцать назад. Неуверенность штука заразная, и он знал, что очень подвержен этому недугу.

После работы Барни поехал к зданию Научно-исследовательского отдела за Максом Прагером, но боковая улица, где он утром его высадил, оказалась перегороженной, а перед самым зданием стояло несколько полицейских автомобилей, приписанных к компании. Он вышел из своей машины и двинулся к ним, но не успел сделать и несколько шагов, как пожилой охранник – он частенько видел его на здешней территории – направился к нему, махая руками.

– Проход закрыт!

– Но у меня здесь назначена встреча.

– Зона опечатана.

– А что случилось?

– Меры безопасности. Авария в одной из лабораторий. Меня поставили, чтобы никого не впускать и не выпускать.

– Да, но мне нужно забрать одного человека, Макса Прагера, он здесь работает, мы вместе сюда приехали.

– Прагера? О, сдастся мне, выйдет он еще не скоро. Видать, придется ему добираться домой на другой попутке... а то и такси вызывать.

Барни постоял еще пару минут, а охранник меж тем раскурил трубку и

заметил:

– Да, похоже, он тут здорово подзадержится, пока не пройдет обследование. От этой радиоактивной дряни так просто не убережешься. Тут нужен глаз да глаз.

– Радиоактивной?.. – Барни тупо воззрился сначала на него, потом на здание Научно-исследовательского отдела. – Вы хотите сказать, здесь произошла авария с выбросом радиоактивности?

Охранник осторожно огляделся и прошептал:

– Уж коль вы в компании не новичок, думаю, вам можно сказать. Один из охранников с внутреннего поста, мой приятель, слышал, как телефонист на коммутаторе звонил в Службу радиационной безопасности. Похоже, – только об этом никому, ладно? – так вот, похоже, у них там в «горячей» лаборатории^[14] случилась утечка радиоактивной дряни и пострадали двое парней. Сказывали, Прагер вел себя прямо по-геройски и, ежели б не он, вся эта дрянь распространилась бы повсюду и заразила бы весь чертов городок. Да уж, сэр, так что, думаю, домой он поедет не скоро. Только я предупреждал, никому ни слова. Ни одной живой душе.

Барни поблагодарил его и вернулся к своей машине, слегка огорошенный такими новостями. Он сном-духом не ведал, что Прагер работает с такими опасными веществами. Да тот и сам, насколько помнилось Барни, ни разу не заикался об этом. А если о чем и упоминал, так это о каких-то там «индикаторах» и «технологии индикаторных исследований». Но тут Барни вспомнил, что в спорах Прагера с Коллинзом, бывало, проскальзывало слово «изотоп». «Радиоактивные изотопы». Он слышал о них и раньше, только понятия не имел, что это такое. Надо будет спросить у Прагера.

Проезжая мимо дома Макса Прагера в ряду таких же аккуратных строений, принадлежавших руководителям низшего звена, он поймал себя на мысли, что каждый обитатель Элджина действительно так или иначе связан с автомобильной промышленностью или с кем-то, кто в ней трудится. Высаживая Прагера после работы и наблюдая, как старик устало бредет по пешеходной дорожке, он часто задумывался: странно, однако, что тот живет один-одинешенек в таком большом доме столько лет после смерти своей жены. Он и теперь недоумевал, отчего же Прагер никогда не принимал от него приглашений на обед и всякий раз отказывался пропустить с ним по стаканчику. В машине старик вел себя совсем по-свойски, но при всем том он давал ясно понять, что хотел бы остаться один, хотя вслух это никогда не произносил. И кто бы мог подумать, что из эдакого затворника выйдет герой?..

Вернувшись домой, Барни прошел через боковую дверь в кухню, развязывая на ходу галстук. Ему хотелось принять душ, переодеться и немного отдохнуть до прихода Нэта и Элен Уинтерс. Но никаких признаков Карен или приготовленного обеда заметно не было: кухня оставалась в том же состоянии, в каком и была утром, перед его отъездом. Он позвал – она откликнулась сверху.

– В чем дело, черт возьми? – взбесился он. – Ты что, не понимаешь, вот-вот придут Нэт с Элен, а у нас полный...

Она подняла перевязанную руку, успокаивая его.

– Что случилось?

– Ты даже не удосужился предупредить, что разбил посуду в раковине. – Ее голос дрогнул, когда она заговорила, и он смекнул, что она лелеяла не только руку, но и гнев и весь день ждала, чтобы выплеснуть его ему на голову.

– Пойду позвоню Нэту, скажу, что все отменяется, – бросил он.

– Я днем уже звонила Элен, – сказала она. – Или, может, думаешь я совсем ни на что не способна?

– Прости! Я дал маху, оставив разбитый стакан в раковине.

– На тебя это не похоже. Наверно, голова была забита всякими мыслями.

– Точно, – резко проговорил он.

– Что ж, по крайней мере, теперь ты увидишься с ними за игральным столом только через месяц. Двадцатого июля. Не забудь пометить у себя в записной книжке.

– Ладно.

– Я уже отметила у себя в календаре. Так уж выходит, что сегодня *не* мой день. И тебе не пришлось бы думать, как бы пораньше закончить игру.

– Я же сказал – ладно! Так что хватит!

– А если не хватит? – воскликнула она.

Он сжал кулаки.

– Говорю же, заткнись!

– Ух ты! Что, ударишь меня? Неужели не сдержишься и дашь волю рукам? Что ж, давай! Или, может, сперва подумаешь о последствиях?

С трудом, но все же он себя сдержал. В нем взыграла отцовская натура. Он видел – и не раз, – как его отец избивал мать, и за это проклинал

старика. Сейчас он понимал: между безрассудной, бессознательной реакцией и осознанием того, к чему все это приведет, пролегает тонкая грань. Слова можно взять обратно, а ссоры – сгладить. Она, наверное, попробует подтрунить над его выдержкой, но, как только он потеряет самообладание и поднимет на нее руку, это будет конец.

– Ты же знаешь, я бы никогда тебя не ударил.

– А ведь хотел.

– Мало ли чего я хотел, так ведь не сделал же. Так что не надо вынуждать меня к действиям, если не знаешь, чем они могут обернуться.

Она вызывающе посмотрела на него, но тотчас опустила глаза – на них навернулись слезы.

– Хочешь наорать на меня?

– Да, хочу.

– У тебя незаслуженное преимущество.

– Так почему же не наорешь? Покричишь – глядишь, полегчает.

– Не хочу. Если думаешь, что можешь вынудить меня, напрасно надеешься. Этот урок однажды преподавал мне мой старик, и я его хорошо усвоил. С твоего позволения, пойду приму душ перед обедом. Холодный такой, чтобы поостыть.

Телефон зазвонил, когда он выбирался из ванны, – трубку сняла Карен.

– Это Макс Прагер, – крикнула она. – Сказать ему, что ты перезвонишь?

– Нет, мне надо с ним поговорить. – Он вышел из ванной, замотанный в банное полотенце, и взял трубку. – Алло, Макс! Ну, что там у вас стряслось?

– Прости, не смог позвонить тебе, когда ты был в Центре, – сказал Макс. – У нас случилась небольшая авария – так, пустяки, – и мне пришлось задержаться. Заеду за тобой завтра.

– А что там насчет твоего геройства?

– Кто тебе такое сказал?

– Земля слухами полнится. Вот я и говорю, это правда? Есть хоть какой-нибудь шанс, что это дерьмо не распространится?

Последовала короткая тишина. Потом Прагер продолжал:

– Послушай, Барни, я же сказал – дело пустячное. Небольшая утечка, принимали меры безопасности – в общем, все по предписаниям. А насчет опасности распространения, так это пустая болтовня. Народ теряет голову, как только слышит про *радиоактивность*. Помяни мое слово, теперь все чисто. Никто не пострадал, и никакой утечки из здания не было. Такие мелкие аварии не редкость, когда в дело идут изотопы. Понял? Расскажу

обо всем завтра.

Карен вопросительно посмотрела на него, когда он положил трубку.

– Геройство?

– Небольшая авария у них там, в Научно-исследовательском отделе, – ответил Барни. Он решил не упоминать про радиоактивность, опасаясь, как бы от испуга она не надумала себе бог весть что. – Макс говорит – ничего страшного. А как насчет вещей посерьезнее – например, обеда? Я умираю с голоду. Может, сходим куда?

– Мне по заказу доставили кое-что из китайской кухни, – сказала она, – чау-мейн^[15], яичные рулеты, жаренные на гриле свиные ребрышки. Мартини в холодильнике, уже смешанные, а бокалы в морозилке – замораживаются.

Она посмотрела на него – уже смягчившись. Во время свадебного путешествия они запирались вдвоем в номере мотеля с разной китайской снедью, мартини и пировали от души. Она трепетно относилась к таким вещам, и он понял: дело идет на лад. Он спустился за напитками и налил ей и себе по бокалу.

– Прости меня, малышка! – сказал он, чокаясь с ней. – За нас!

– И ты меня прости! За нас!

Он присел к ней на постель и поцеловал.

– Ты что? – Она оттолкнула его. – А ну-ка, завернись обратно в полотенце!

– А теперь-то что?

– Тебе нужна не я. Ты же просто маньяк и жулик.

– Ты это о чем?

– О часах. Тебе нужна твоя детородная рулетка. А не я.

– Ах, да брось, это же глупо. Я люблю тебя. И часы тут совсем ни при чем.

– А откуда мне знать?

Он задумался на мгновение, потом потянулся рукой и перевернул часы лицом к стенке.

– Про какие еще часы ты говоришь? – спросил он, озираясь кругом. – Не вижу никаких часов.

Она взвизгнула от удовольствия.

– Так-то лучше. Долой часы с календарями! Время ничего не значит, когда мы вместе.

Он потянулся к ней, и она снова его отстранила.

– Ну что опять?

– Будем есть. Ты же умираешь с голоду.

– Уже нет.
– Тебе нужно поддерживать силы.
Он сделал вид, что сильно удивлен.
– Господи, ты это о чем?
Она швырнула в него подушку, и он крепко обхватил ее руками.
– Ах, дорогуша Мертл, моя женушка соединила нас – бросила тебя прямо в мои объятия.
Она расхохоталась, выхватила у него подушку и швырнула через всю комнату.
– Она и мне лучшая подружка, – воскликнула Карен. – И ближайшая притом... уж на нее-то можно положиться.
Он обнял ее – и на душе у нее отлегло.
– О, Барни, ради тебя я постараюсь стать другой, – прошептала она. – Правда, постараюсь. И буду такой, как ты хочешь. Я люблю тебя.
Он страстно поцеловал ее и попробовал овладеть ею, но она понимала, что это происходит через силу. Он думал о чем-то другом. Она сердцем чувствовала. Как бы там ни было, ее терзало неприятное ощущение, что между ними вбился новый клин и он разъединил их еще больше.

4

На следующее утро Карен крикнула, что по телевизору показывают сводку последних известий по поводу аварии в Центре. Он подбежал к телевизору как раз вовремя – и увидел, как президент «Нэшнл-Моторс» пожимает руку Максу Прагеру.

«...и благодаря смекалке и расторопности мистера Прагера последствия аварии удалось взять под контроль до того, как они разрослись бы до более крупных масштабов. Хочу заверить жителей Элджина и наших соседей в Детройте, что из лаборатории не произошло никакой утечки радиоактивных веществ. Мистер Прагер позаботился о безопасности других раньше, чем о своей собственной. Получив повышенную дозу радиации ради того, чтобы предотвратить дальнейшее распространение радиоактивных веществ, он предотвратил катастрофу. Повторяем: ни единой частицы радиоактивной пыли не было вынесено за пределы лаборатории. Утечка была незамедлительно и полностью ликвидирована усилиями специалистов Центра. Так что никакой опасности в этой связи не существует...»

– Надеюсь, они воздадут старику по заслугам, – сказал Барни. – А то

он уж больно огорчился, когда его обошли с повышением какие-то кандидаты-технари.

– Так вот, значит, чье геройство вы обсуждали по телефону. А про радиоактивность ты не сказал ни слова. Всегда что-то от меня скрываешь.

– Да ничего я не скрываю. Дело-то пустячное. Да и пугать тебя не хотелось.

– А не опасно ли теперь с ним общаться? Он ведь радиоактивный?

– Думаешь, стал бы президент «Нэшнл-Моторс» жать ему руку, если бы так оно и было?

– Барни, а тебе обязательно с ним ездить?

– Ну конечно. Смотри! Тут дело вот в чем. Ты же не имеешь ни малейшего представления о том, что происходит вокруг. Такие вещи определяются. Эту заразу легко выявить и измерить; у них там полно всяких приборов, и они знают обо всех уровнях безопасности. Он никогда не стал бы подвозить меня на работу как обычно, будь это хоть сколько-нибудь опасно.

– Ну, не знаю. Они не все тебе говорят. Раньше я и понятия не имела, что здесь творится. Думала, такое бывает только на атомных станциях, но ведь там все загерметизировано и защищено.

– Да точно тебе говорю, нет теперь никакой опасности. Уж такие бывалые технологи, как Макс Прагер, знают, что делают и когда нужно принимать должные меры предосторожности.

– Да, но, несмотря на все их меры, произошла беда, – заметила она. И тут же съязвила: – Вы, мужики, уж точно знаете, когда нужно принимать должные меры предосторожности, так ведь?

– И что ты хочешь этим сказать?

Она отвернулась.

– Да ничего я не хочу, и хватит об этом.

– О господи, могу я хоть раз уехать утром из этого дома без скандала? Послушай, я не понимаю, что сделал не так, а времени разбираться нет. Он вот-вот заедет за мной. Если я дал маху, извини.

Она неохотно позволила ему себя поцеловать в щеку – он кивнул.

– Премного благодарен, хотя увидимся не скоро, ведь еще целый день впереди.

Прагер остановился у обочины, как раз когда Барни выходил из дома, и по выражению его лица Барни понял, что он видел себя по телевизору.

– Ну как тебе в обличье героя?

– Ой, ты же знаешь эти телевизионные штучки.

Впрочем, ему явно хотелось поговорить об этом.

– Ты обещал рассказать, что там у вас стряслось.

– Тебе и правда хочется это послушать?

Когда Барни кивнул, Прагер, похоже, обрадовался. Ему нравилось болтать, когда он был за рулем.

– Ох уж мне эта чертова авария. Ничего такого раньше со мной не случалось.

– Прости, пока ты еще не начал... Я одно не пойму. С каких это пор в «Нэшнл-Моторс» стали использовать радиоактивные вещества?

– Это изотопы. Служат индикаторами. Мягкое гамма-излучение используется в самых разных вещах: от слежения за расходом краски и ее консистенции на кузове до проверки на наличие трещин на отливках – радиография.

– Никогда не знал этого раньше. Валяй дальше.

– Так вот, я прихватил с собой нашего новенького лаборанта в «горячую» лабораторию. Это своего рода двойное помещение – горячая камера и две освинцованные перегородки, а между ними органы управления, с которыми мы и работаем. Таким образом, мы оказываемся как бы внутри сэндвича: от горячей камеры нас отделяет одна перегородка, а от аварийного выхода другая, так что выбраться оттуда можно только по лестнице.

– Но как же вы оказались в «горячей» камере?

– Да мы туда, черт возьми, и не заходим. Манипулируем изотопами с помощью удаленных узлов – так называемых «ведомых рук», наподобие пары огромных стоматологических буров с захватами на концах. Так вот, завожу я того парня внутрь, и тут мы видим, как один из наших замечательных кандидатов достает капсулу из экранированного контейнера. Капсула, заметь, длиной всего-то пару дюймов, а в ней три гранулы иридия-192. Три радиоактивные горошины в алюминиевом стручке, мило так и аккуратно проложенные алюминиевым порошком.

Все, что нужно было сделать нашему молодцу, так это вскрыть капсулу по четко обозначенной линии, извлечь гранулы и переложить их в хранилище с другой стороны – в наш маленький «горячий банк», как мы его называем. Раз плюнуть, верно? Итак, стоим мы, значит, рядышком и наблюдаем, как он шурует ведомыми руками в горячем стержневом ящике. Дело нехитрое. У человека пара манипуляторов, и с ними он может забраться очень даже далеко; но в голове у него расстояния увеличиваются, и забраться он может вообще дальше некуда. Мимоходом я объясняю новичку, как нужно вскрывать капсулу, – это все равно что родоразрешение

путем кесарева сечения (только нам каждый раз приходится иметь дело с тройней).

Итак, мы следим, как он опускает прецизионный^[16] вращающийся резак, и потом – об этом я уже докладывал человеку из Службы радиационной безопасности – я своими глазами видел, как тот встал точно по линии. Голову дам на отсечение, так что грешить на парня я бы не стал. Одна из гранул, должно быть, оказалась дефектная, а это уже недоглядели в Радиационном контроле – конторе, которая снабжает нас изотопами. Так вот, лезвие врезается в капсулу, наполнитель из алюминиевого порошка вместе с тремя гранулами высыпается наружу – и тут новичок как заорет: «Датчик Джордона!» И стрелка, будь я проклят, отклонилась аж до пятисотой отметки. Малый за панелью управления застыл как вкопанный. «Что же делать?» – кричит. А я ему в ответ: «Нет времени учить тебя уму разуму», – тут же выхватываю у него эти самые ведомые руки и начинаю быстренько перетаскивать гранулы в хранилище. Сперва одну, потом другую, но тут новенький вдруг снова как заорет... Я глядь – сверху замигала красная аварийная сигнальная лампочка регистратора уровня радиоактивности воздуха. А это значит, что порошок просыпался через первую перегородку в нашу траншею.

– Боже мой! – проговорил Барни. – А ты что?

– Я кричу им, чтоб рвали когти за защитную перегородку и сразу под душ, а сам думаю – уж пара-то секунд у меня точно есть, так что спрячу-ка подальше эти самые гранулы. Говорю тебе, Барни, не очень-то приятное ощущение, когда эта высокорadioактивная дрянь проникает через перегородку, а ты ее не видишь и не чувствуешь. Я спрятал остальные гранулы, пулей взлетел по лестнице и спустился с другой стороны перегородки, спрыгнув с пятой или шестой перекладины. Сорвал с лица респиратор, стянул защитный комбинезон и в чем мать родила мигом под душ к тем двоим бедолагам... Мылся и чистился, как никогда в жизни, – шкуру чуть не до дыр стер. Мне казалось, что меня всего облепило радиоактивной пылью. Фу ты, черт! Никогда не забуду эту картину – как стрелку зашкаливает. Вся лаборатория оказалась заражена этим высокорadioактивным дерьмом! А того кретина из Службы безопасности, представь себе, заботило только, сможем ли мы сами все там очистить, чтоб не вызывать Радиационный контроль. Как же я на него тогда разозлился! Хотя ему, понятно, хотелось избежать паники, и винить его за это грех. Да уж, черт возьми, мы управились своими силами, и большой дозы никто не получил. Так что сам понимаешь, ему пристало больше беспокоиться за нас.

– Откуда ты знаешь, какую дозу получил, если радиацию не видно?

– А наши плоские пленочные дозиметры на что? Потом, при мне всегда мой карандашный датчик. Да и врач осмотрел нас в изоляторе с ног до головы – все проверил. Комбинезоны с респираторами снижают степень заражения, так что никто ничего не подцепил. Единственное, что оставалось сделать другим, так это очистить все, что мы вынесли из «горячей» лаборатории. А это дело, черт возьми, самое что ни на есть обычное. У нас такое предельвается каждый божий день.

– Значит, не было никакой нужды вызывать этот ваш, как его?..

– Радиационный контроль? Из-за такой пустячной утечки – нет. Они нужны, если утечка выходит из-под контроля, когда взрывается реактор или когда радиация распространяется за пределы лаборатории и может заразить целый город. А из-за такой ерунды – зачем? Слава богу, мы удержали ее в стенах «горячей» лаборатории. Черт, через час после аварии тот малый из Службы радиационной безопасности все там облазил, измерил каждый дюйм в предохранительной камере, помещениях для дезактивации, где мы полоскались под душем... Даже в моей камере рядом с лабораторией все прошуровал. К тому же они собирались потом дезактивировать всю зону целиком – для верности. И скажу тебе по чести, Барни, ее пришлось закрыть.

Барни вышел из машины у здания Отдела художественного конструирования с тревожной мыслью, что, как и говорила Карен, все их знания и меры безопасности, равно как планы и меры предосторожности, – все это может пойти прахом совершенно случайно, стоит только оказаться в ненужное время в ненужном месте, поставив под угрозу даже собственную жизнь.

И самое печальное было то, что опасность всегда таилась рядом, а он ни о чем таком и не думал.

Через два дня после пикника на заднем дворе в честь Четвертого июля^[17] Барни понял, что съел что-то не то, потому как его постоянно мутило. Уже второе утро кряду он просыпался с головной болью и сыпью, явно разраставшейся по всей правой руке. Он собрался было к врачу, но потом решил посмотреть – может, через день полегчает. Он тихонько оделся, чтобы не разбудить Карен, и спустился вниз приготовить себе завтрак. Кухня вся сверкала чистотой, посуда большей частью была вымыта. Карен изо всех сил старалась стать другой.

Каждый раз, когда он собирался сказать ей то, что хотел, ему неизменно что-то мешало. Сперва похороны его деда и очередная поездка к предкам, потом ее репетиции, а теперь еще вот это. Последние несколько недель она как будто догадывалась о его намерениях и старалась измениться. Все стало проще, когда он забросил «Венеру». После похорон он так ни разу к ней и не спустился.

Он смазал покрасневшую руку целебной мазью, обвязал бинтом, осторожно просунул ее в рукав сорочки и совсем забыл думать про нее, когда полностью оделся и вышел на улицу, где его должен был подобрать Прагер. Когда они тронулись, Барни заметил, что старик чем-то сильно озабочен.

– Что-то не так?

Прагер покачал головой, но тут Барни обратил внимание на его руки, державшие руль.

– Обжегся?

– Начали опухать пару дней назад, – ответил Прагер.

– А выглядит как сильный ожог.

Барни пригляделся к рукам Прагера, слишком изящным для его мелкой, коренастой фигуры, – с длинными костлявыми пальцами, на месте которых, казалось бы, должны были торчать какие-нибудь сардельки. На костяшках выступили волдыри.

– Может, аллергия на что-нибудь, – сказал Прагер. – Надо будет сходить к врачу.

– Странно, – заметил Барни, – а у меня на руке появилась сыпь.

Чешется – спасу нет. Я тоже думал показаться врачу.

Прагер насупился.

– Когда ты это заметил первый раз?

– Несколько дней назад. Думал, обжегся, и не обратил внимания. А потом решил, что, наверное, съел чего-нибудь на пикнике.

Прагер устало кивнул и сжал руль так, словно хотел вложить в него всю свою силу, чтобы ехать ровнее.

– Ты в порядке?

– Да, только слегка подташнивает. Так, на работу я сегодня не пойду. Высажу тебя у Центра, а сам двину к врачу. И расскажу тебе сразу, как только узнаю, что со мной. Если это от чего-нибудь такого, что мы с тобой слопали в нашей столовке, подадим на них в суд, и все дела.

Он слабо улыбнулся, и Барни проводил его взглядом.

Барни мутило весь день, но он не обращал на это внимания. И только ближе к вечеру, когда дела с сыпью стали только хуже, он вспомнил, что Прагер отправился к врачу, а стало быть, теперь он, наверное, знает, что с ним стряслось. В семь тридцать он позвонил Прагеру домой, но кто-то, представившийся Элом Бендиксом, сказал, что меньше чем час назад Прагера забрали в элджинскую Мемориальную больницу.

– А что с ним?

– Извините, но мне рекомендовали не разглашать информацию ни газетчикам, ни кому бы то ни было.

– Я не газетчик. Что, черт возьми, происходит? Он собирался мне позвонить по возвращении от врача. У меня все то же...

Но человек на том конце провода повесил трубку, сказав напоследок:

– Послушайте, у нас тут дел неуворот. Позвоните в больницу.

– Что за черт! – вскричал Барни при виде Карен, которая подошла к концу разговора. – У него такие же ожоги, как у меня.

– Какие еще ожоги?

– У него на руках, с тыльной стороны, большие неровные красные пятна, и пальцы распухли. У меня на руке тоже высыпала сыпь... и чешется мочи нет. Сначала я подумал – ожог, но не помню, чтоб обжигался.

Он заметил, что она как-то странно взглянула на руку, которую он оголил, закатав рукав, чтобы показать. Рука выглядела еще хуже – и теперь походила на обсыпанные волдырями руки Прагера.

– Не знала, что у тебя тоже, – испуганно прошептала она. – Посмотри-ка сюда. – Она распахнула блузку и спустила левую лямку бюстгалтера, показывая большие неровные красные пятна у себя на груди. – И сюда... – Она задрала юбку, обнажая точно такие же пятна на своем правом бедре.

– Когда они у тебя появились?

Она воззрилась на свою покрытую сыпью грудь так, будто на ней притаилась змея.

– Не помню. Несколько дней назад. Сперва высыпали небольшие прыщики, и мне показалось – это реакция на гормоны, которые я начала принимать с прошлой недели. А вчера увидела то же самое на правом бедре и позвонила доктору Лерою, – он сказал, это может быть побочный эффект, и велел прекратить их принимать. Но, Барни, у меня с пятнами дела только хуже.

Они посмотрели друг на друга, и тут она проговорила то, о чем он уже подумал сам.

– Звони в больницу и узнай, что там с ним.

Медсестра сообщила только, что Макс Прагер чувствует себя хорошо, но разговаривать по телефону и принимать посетителей ему не разрешается. Тогда Барни настойчиво попросил, чтобы она соединила его с кем-нибудь из врачей. Когда врач наконец взял трубку, Барни сказал:

– Послушайте, я докучаю вам не просто так. У моей жены и у меня такие же высыпания, как у Прагера на руках.

– Мистер Прагер бывал у вас дома последние несколько недель?

– Нет, он никогда не бывал у нас, но...

– А по месту вашей работы в Научно-исследовательском отделе?

– Нет, я работаю в Отделе художественного конструирования.

– В таком случае я не стал бы беспокоиться.

– Но почему вы не можете сказать, что с ним? Что тут секретного? Если у него что-нибудь заразное, я должен это знать. Мы с ним в одном автомобильном пуле. И вместе ездим на работу и с работы.

Повисла тишина, и Барни смекнул, что врач прикрыл телефонную трубку рукой.

– Послушайте, ни о каком заражении нет и речи, – наконец проговорил врач. – И о болезни тоже. Оставьте мне ваши имя и адрес, к вам приедут и все проверят. И пока у вас не появятся наши люди, никому ни о чем не рассказывайте.

Барни оставил ему свои данные, но спросить больше ни о чем не успел: доктор повесил трубку.

Через десять минут позвонили из санитарной службы и сообщили, что к ним поступило обращение из больницы и что по его адресу выехал мистер Гэрсон с бригадой для проведения обычной проверки.

Но приехали они только через час с лишним. Карен все еще находилась на кухне, когда Барни услышал шум машины на подъезде и

увидел в открытое окно, как другая машина паркуется у ограды их дома. В сгустившемся мраке можно было различить разве что пару фар, но, когда они погасли, в свете фонаря на веранде он разглядел беленький грузовой автофургон и под этим ракурсом сумел прочесть красную надпись на белом фоне – название: «РАДИАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ».

Из автофургона вышли двое в белых защитных комбинезонах с капюшонами и защитных масках и медленно двинулись по пешеходной дорожке к дому. Один держал в руке фонарь, а другой нес небольшой чемоданчик. Барни кинулся было к двери, чтобы их встретить, но тут услышал в окно тревожные щелчки – и каким-то чутьем сообразил: счетчик Гейгера. Но при чем здесь «Радиационный контроль» и с какой стати у него на лужайке перед домом объявились эти двое в защитных комбинезонах со счетчиком Гейгера? Он окликнул их:

– Что происходит?

– Минуточку, мистер Старк. Оставайтесь-ка лучше на месте. Через минуту мы все объясним.

Когда они подошли к двери, он подумал, что вот-вот раздастся звонок, но один из них, с ящичком, достал короткий стержень и принялся водить им по ступеням лестницы, перилам веранды, дверным ручкам и декоративным накладкам. Щелчки замедлились, потом участились и снова стихли. Самым странным – он понял это позже – было то, как это он сразу догадался про счетчик Гейгера и одновременно почувствовал, что дело дрянь. Не ведая точно, как и почему, но зная, что в упорядоченном научном мире радиоактивность должна быть наглухо заперта в лабораториях и рентгеновских комнатах, а выпадение радиоактивных осадков возможно только во время испытаний атомной бомбы, чем занимаются враги (хотя и некоторые друзья тоже), он недоумевал, не находя ни малейшего здравого смысла или логики в том, что эти двое в белых защитных комбинезонах и масках объявились на пороге его дома со счетчиком Гейгера. Разум его отказывался понимать, что всё это значит. Как это могло случиться, если он ничего не знал ни про радиоактивность, ни про оборудование, которое вырабатывает или определяет ее? И тут он пожалел, что не знает об этом больше.

Раздался звонок в дверь. Карен ушла в гостиную, когда он кинулся открывать дверь. В отличие от него, смотревшего в окно, она даже не заметила, как они подъехали, и теперь при виде их – в белых комбинезонах с капюшонами, плящих на нее через защитные маски, – она вскрикнула.

– Забыл тебя предупредить, – сказал Барни, стараясь ее успокоить. – Это по вызову из санитарной службы.

– Ничего себе! – проговорила она. – Даже представить себе не могла.
– А ты думала, они с Марса?
– Ничего я не думала. – Она рассмеялась. – Только таких я бы в дом не впускала.

Барни открыл сетчатую дверь.

– Ну, входите, – сказал он. – Мистер Гэрсон?

Один из них, со счетчиком Гейгера, указал им в сторону машины у ограды.

– Я Эл Бендикс. А это Гэс Макнайт. Но вам с миссис Старк лучше оставаться здесь, в передней, пока мы вас не осмотрим. А потом мы не спеша проверим весь дом.

Барни старался придумать, о чем бы еще спросить, но так ничего и не придумал, поскольку черный ящичек, тихонько предупреждающий о наличии радиоактивности на каком-то непонятном языке, оказался самым завораживающим инструментом в мире.

Уже в гостиной Карен, едва дыша, спросила:

– Барни, что происходит?

Он знал: она достаточно наслышана о радиоактивности, радиоактивном заражении и противорадиационных убежищах и прекрасно понимает, что такое счетчик Гейгера.

Потом она пыталась им объяснить:

– Только не здесь. У нас в доме не может быть никакой радиоактивности. Его построили только два года назад, а мы живем здесь всего лишь год.

Один из них, тот, что с фонариком, извиняющимся тоном возразил:

– Она у вас на двери гаража, подъездной дорожке, ступеньках, перилах и дверной ручке. Сначала мы осмотрим вас обоих, а потом весь дом.

– Нас?

Они спросили одновременно, при этом Карен посмотрела на Барни и подалась назад, ожидая, что он тоже отступит, – в знак протеста.

– Да как же это? – сдавленным голосом проговорил Барни. – Вы что, имеете в виду ту аварию в радиационной лаборатории? Но ведь все говорили...

Тот, что со счетчиком Гейгера, – Бендикс – раздраженно взмахнул им.

– Если позволите вас осмотреть, мистер Гэрсон вам все объяснит. Ваша машина фонит. На ней следы радиоактивной пыли. Значит, и вы оба, вероятно, заражены. Не хочу вас пугать, но дорога каждая минута. Так что будет лучше, если вы позволите нам приступить к делу без лишних проводов.

Радиоактивная пыль. Эти слова, брошенные прямо в лицо, потрясли его до глубины души – от них у него перехватило горло и стало трудно дышать даже носом. Карен попятилась. Нелепость какая-то – и она расплакалась. Не может быть никакой радиоактивности – ни на ней, ни у нее в доме. Когда Барни, по их настоянию, в конце концов вышел вперед, давая им возможность себя осмотреть, она воззрилась на него так, словно он предал ее, в чем у нее, впрочем, не было никаких сомнений.

Бендикс медленно провел счетчиком у него над головой, а когда поднес прибор к его куртке, пощелкивание участилось. Барни сорвал с себя куртку. Потом очередь дошла до сорочки и майки – и то и другое отчетливо фонило от его прикосновения. Когда Макнайт велел ему снять и штаны и когда обнаружил у него на коже – на предплечьях и плечах – следы радиоактивности, он постарался его успокоить.

– Не волнуйтесь, мистер Старк. Мы умеем с этим обращаться.

Он отправился к грузовику за бочковым насосом и парой полиэтиленовых мешков. А вернувшись, подождал немного и, заметив, как из ближайших окон на них таращатся соседи, сказал:

– Давайте-ка лучше пройдем в гараж – придется вас полить из шланга. Включите там свет?

Барни вяло кивнул, и они вдвоем направились к гаражу. Карен механически включила свет, а Макнайт меж тем расправил тонкий пластмассовый шланг и запустил насос, терпеливо (и, как показалось Барни, очень мягко) объясняя:

– Этот химический реагент смывает с вас радиоактивные частицы, если они не проникли глубоко под кожу. Нет, не трогайте! А то еще вотрете себе что-нибудь. Теперь повернитесь и встаньте ко мне спиной. Вот так. Сейчас мы осторожно счистим раствор скребком. Прекрасно. А теперь повторим еще разок.

Барни ополоснул руки под теплой струей и дал облить себя с ног до головы, вместе с руками и ногами, при этом Бендикс каждый раз водил вокруг него своим счетчиком, и по мере того, как тот медленно колыхался у Барни над головой, кожа у него на шее стягивалась и на ней ощущались покалывания. Наконец – после того, как прошла, казалось бы, целая вечность – счетчик в руках Бендикса удовлетворенно дал знать, что Барни чист от заражения.

– Как же эта чертова дрянь сюда попала? – любопытствовал Барни.

Бендикс, слишком занятый своим делом, пожал плечами, а Макнайт объяснил, что после аварии Прагер вынес ее на обуви и одежде из своей каморки в исследовательской лаборатории.

– Но как? Господи, он же уверял, что там все чисто. Да и по радио, и по телевизору сказали, что нет никакой опасности.

– Послушайте, – в нетерпении проговорил Бендикс, – мистер Гэрсон все объяснит, когда мы...

– Произошла утечка, – объяснил Макнайт, – через вентиляционную трубу. И, когда недели три назад включили систему воздушного кондиционирования, радиация попала к Максусу в кабинет. И он разнес ее по разным местам, включая свою машину и вашу.

Эти слова повисли в теплом ночном воздухе, прежде чем взорвались, обрета смысл. Карен вздрогнула, и Барни, ощутив холодок в груди, понял почему. Макнайт развязал тесемку на одном из плиофильмовых ^[18] мешков, достал из него что-то вроде больничного халата и велел Барни надеть его.

– А теперь, миссис Старк, будьте любезны... – все тем же мягким, извиняющимся тоном проговорил Макнайт.

Она перепугалась, и Барни не нашелся чем ее утешить. Бендикс поднес к ней счетчик Гейгера.

– Платье, – сказал он, указывая на прибор.

– Но я только недавно его купила, – тяжело выдохнула она. – Такое красивое платье! Как же оно могло?..

– От ваших или его рук, а может, от одежды в шкафу.

– Но я его даже еще не вешала в шкаф. Только-только достала из коробки.

Бендикс пожал плечами, и слово опять взял Макнайт:

– Простите, миссис Старк. Так нужно. Я знаю, что вы переживаете, но это для вашей же безопасности. Прошу вас!

Она подчинилась его голосу, сняла с себя платье, а потом стянула комбинацию. Барни начал было возражать, но Макнайт, видя, что ее бюстгальтер фонит, снова извинился.

– Мы не взяли с собой в бригаду женщину. Вызов был срочный.

– У нас все вызовы срочные, – буркнул Бендикс.

– Не обращай на него внимания. Мы уже тридцать шесть часов пашем без перерыва. Днем были в Кливленде, дома у мистера Прагера, а потом нас выдернули сюда. Давайте поступим вот как, мистер Старк. Вы возьмете счетчик Гейгера – ей тоже придется полностью раздеться – и проведете им по всему ее телу.

– Это необязательно. – Голос у Карен прозвучал с таким надломом, что они строем воззрились на нее с удивлением.

Повозившись с застежкой бюстгальтера, она сняла его и так и осталась стоять, демонстративно дрожа в желтом свете. Счетчик обнаружил

радиоактивные следы на обеих грудях и бедрах. Несмотря на ее вызывающе беспечное поведение, оба гостя отвернулись, когда она стала обмываться. Барни собрался было ей помочь, но она отстранила его.

– Оставь меня. Не подходи.

Когда она закончила, они еще раз осмотрели ее. Прибор защелкал в обычном печальном ритме, показывая, что радиационный фон в норме. Зараза полностью вышла из нее, не оставив ни малейшего следа на ее коже. Затем Бендикс поднес счетчик к ее голове.

– Проверим ваши волосы для верности.

Она отпрянула в сторону.

– Там ничего не может быть. Я вычесываю их по утрам и вечерам.

– Эти частицы столь малы, что вы не можете знать точно, вычесали их полностью или нет, – заметил Макнайт. – А рисковать мы не можем, мистер Старк. Сами понимаете, мы не стали бы настаивать, не будь в этом безусловной необходимости.

Радиоактивные следы обнаружили в двух местах. Один – на затылке, посередине, другой – на волосистой части кожи головы спереди. Она услышала потрескивание и подняла руку, собираясь прикоснуться к волосам, но Макнайт ее остановил.

– Не стоит. А то еще разнесете.

– Волосы придется остричь, миссис Старк. – Бендикс извлек из кармана комбинезона ножницы.

– Я все смою. Не сумела вычесать, так сумею смыть, правда?

Макнайт покачал головой.

– Ничего вы не смоете. Да и время поджидает. Лучше остричь.

– Если не желаете, чтобы случилось что-нибудь похуже, – заметил Бендикс. – Иначе волосы у вас скоро выпадут сами.

Макнайт приблизился к нему вплотную.

– Не стоило говорить об этом прямо сейчас.

– Рано или поздно она бы и сама это поняла. Так что пусть знает – дело это нешуточное.

Она содрогнулась – точно от удара и пошатнулась – от напряжения. Барни хотелось ободрить ее, но приближаться к ней было нельзя. Да и потерять ей предстояло разве что часть волос, не больше.

– Мне действительно жаль, – проговорил Макнайт, беря у Бендикса ножницы, – и давайте скорее заканчивать.

Он наклонил ее голову вперед и, водя перед собой счетчиком Гейгера, осторожно принялся за стрижку.

– Постараюсь не остричь ничего лишнего.

Но все оказалось не так-то просто, и к тому времени, когда счетчик стал отмечать нормальный фон, почти четверть ее волос лежала на бумаге, которую он подстелил, чтобы их собрать. Часть волос упала ей на плечи и грудь, и Макнайту пришлось проверять все это на радиоактивность снова и снова. Затем он отступил назад, извлек из плиофильмового мешка другой халат, аккуратно развязав наружную тесемку, и передал его Карен.

Она набросила на себя халат, плотно закуталась в него. И лишь тогда мельком взглянула на Барни.

– Вот и хорошо, – сказал Бендикс, – а когда вы оба пойдете к машине... постарайтесь не заступать на траву и следовать вдоль линии – я отметил ее белым порошком.

Она взглянула на Барни, но не шелохнулась, и тут он заметил, что ее всю затрясло, словно в приступе рвоты, но она всего лишь разрыдалась, потому что уже была не в силах сдержать слез. Барни обнял ее, и теперь она крепко прижалась к нему, перед тем как он помог ей сесть в машину, открыто поправив пальцами ее неровно остриженные волосы.

– Что ты с нами сделал, Барни? Что же ты наделал?

Она рыдала у него на плече даже тогда, когда они усаживались в припаркованный у обочины темно-коричневый седан. Мистер Гэрсон представился сам, но она на него даже не взглянула. Барни кивнул в знак приветствия и протиснулся на заднее сиденье, сев рядом с нею.

Барни лишь краем уха слушал, как мистер Гэрсон объяснял, что они едут на обследование в больницу и что к тому времени, когда их выпишут, в доме у них все будет обеззаражено. Он почувствовал, как она, сидя рядом, вдруг вся напряглась и резко выпрямилась.

– В доме?

Мистер Гэрсон, сидевший спереди рядом с водителем, обернулся к ней и кивнул.

Он был изыскан, седоволос, с резкими манерами военного. Строгость, которую Барни ощутил по телефону, в машине стала чувствоваться еще явственнее, тем более что в тусклом свете им был виден только его профиль.

– Ничего страшного, мистер Старк. Людям из ДК – дезактивационной команды – нужно четыре-пять дней, чтобы все промерить и очистить.

– Все-все, что мне так дорого?

– Разумеется, а ущерб вам возместят. Мистер Энгстрем просил вас заверить, что «Нэшнл-Моторс», кроме того, покроет вам и все издержки по пребыванию в больнице, а также по проведению у вас дезактивационных работ.

Барни понял – от этого никуда не деться. Все, чем они пользовались, до чего дотрагивались или к чему едва прикасались, стало зараженным. Вся пыль, которую она убирала, превратилась в радиоактивную, и сквозняками ее уже, наверное, занесло на диван, журнальные столики, под абажуры, плафоны и по коврам.

– Как же так? – спросил Барни. – Ведь Макс Прагер говорил, что радиоактивность осталась в пределах «горячей» лаборатории. Он сказал, что там все вычистили. Так как же это попало наружу?

– Вычистили после аварии, – пояснил Гэрсон. – Нас не вызывали, все сделали сами – и это совершенно правильно, – только вот никто не догадался проверить вентиляционную систему, а там, между зоной безопасности «горячей» лаборатории и примыкающим к ней кабинетом мистера Прагера, имеется отдушина. Через неделю после аварии, когда потеплело и включили систему кондиционирования воздуха, частицы радиоактивной пыли попали через трубопровод из зоны безопасности в кабинет мистера Прагера. Оттуда он перенес ее – как я сказал, через неделю, когда уже никто ничего не проверял, – к себе в машину и домой, а заодно и в вашу машину. Так что всякий раз, садясь к вам в машину, он оставлял там все новые следы, и вы, когда садились в его машину, подвергались еще большему заражению. Он, конечно, обратился к нам сразу, как только обнаружил радиоактивные следы, – продолжал Гэрсон. – Но сейчас его состояние, боюсь, весьма плачевно. Вам обоим повезло больше. Вы подверглись вторичному заражению и, судя по всему, получили куда меньшую дозу, чем он. Да, разумеется, и накопление дозы облучения у него началось раньше.

– Барни, ведь с нами ничего такого не будет.

И Барни понял: она судит об этом по заголовкам и статьям, но до сих пор испытания бомб, выпадение радиоактивных осадков, стронций-90, загрязненное йодом детское молоко, дефектные цветные телевизоры, радиоактивные иглы, даже жуткие истории про новорожденных мутантов, жертв радиоактивного облучения, – все это было где-то далеко. А специалисты всегда были рядом и уверяли, что уровни здесь везде безопасно низкие – никакой угрозы.

Но те же специалисты никогда не упоминали о вероятных недоразумениях, пока не стало слишком поздно.

Он мало что смыслил в том, как радиация воздействует на человека.

Истории про радиационные аварии редко попадали в газетные заголовки, и теперь он понимал – почему. Подробности умалчивались, пока все вокруг источника не обеззараживалось и «Нэшнл-Моторс» на пару с

Комиссией по атомной энергии не принимали решение предать случившееся огласке. Потом в «*Детройт Таймс*» выходила полуколонка, посвященная происшествию, мол, пять или шесть месяцев назад в промышленном пригороде Детройта было произведено обеззараживание. И это вызывало тревогу только у обитателей Элджина. Для остального же мира это были (как всегда) устаревшие новости.

У Барни остались кое-какие воспоминания о лучевой болезни, о которой он узнал из статей про Хиросиму, но, насколько ему помнилось, она начиналась с ожогов и выпадения волос, а потом уже проявлявшиеся симптомы (тошнота, слабость, усталость и ожоги) ухудшались, но он, по своей глупости, их неправильно истолковывал... затем, спустя несколько месяцев, у некоторых появлялась катаракта, а через несколько месяцев обнаруживалось белокровие, а то и рак. Пока что существовала вероятная угроза бесплодия, мутаций и выкидыша. Доза была не слишком велика – для них она не смертельна, но от слабости и опустошенности никуда не денешься. И эта мысль казалась невыносимой: на какое будущее им теперь остается надеяться и есть ли в их жизни какой-то смысл?

– Вам придется нас направлять, разумеется, – продолжал Гэрсон. – Надеюсь, никто из вас подолгу не толкался в толпе. – Он снова повернулся профилем, как будто хорошо слышал только правым ухом и хотел услышать ответ именно им. – Так?

– В толпе? Что вы имеете в виду?

– Ваши передвижения... после аварии. Нам нужно будет отследить ваши шаги. Проверить, куда вы ходили и с кем встречались за последний месяц. Вы наверняка заразили уйму народа и наследили во многих местах. Так что впереди у нас много работы, и я жду от вас посильной помощи – иначе говоря, если вы готовы. А жалованье компания за вами, конечно, сохранит.

– Уж конечно...

Но в мыслях он тут же перенесся на несколько недель назад – по следам загрязнения, которые оставил за собой. И каждый из них теперь предстоит тщательно проверить. На миг ему стало забавно от мысли, что теперь он даже не может свести счеты с жизнью, – во всяком случае до тех пор, пока не отследит каждый свой шаг по земле и не заглянет в каждое встречное лицо. Все и вся, к чему он прикасался, должно быть обеззаражено точно так же, как нынче вечером был подвергнут этой процедуре он сам вместе с Карен. Тут уж было совсем не до смеха, и он догадывался: они, должно быть, сильно удивляются, над чем это он смеется.

Для Карен пять дней в больнице были сродни тюремному заточению без суда и следствия – кошмару, соучастницей которого она стала постольку, поскольку сблизилась с заразившим ее человеком, вследствие чего ее раздели донага и остригли. Впрочем, ее остригли не наголо, и оставшиеся пучки волос раздражали ее до того, что на третий день она схватила ножницы и коротко срезала их собственной рукой. Не меньше злило ее и то, что Барни сдуру уверял, будто так ей даже лучше. Потом она пожалела, что оболванила себя, и часами просиживала перед зеркалом, уставившись на чужачку, которой теперь сама себе казалась. Она никогда в жизни не носила коротких причесок, в отличие от Майры, частенько стригшейся коротко, отчего она даже чувствовала себя виноватой.

– Что с нами теперь будет? – наконец спросила его она.

– Завтра все закончится, – сказал он. – Мы поедем домой и решим, что делать дальше... начнем жить заново. Дома, наверно, полный бардак. Так что нам будет чем заняться.

– Ты знаешь, что я имею в виду! Не нужно относиться ко мне снисходительно. Что же теперь будет?

– Я говорю без всякого снисхождения. Ради бога, не обижайся.

Он бесил ее, говоря таким тоном, и хотя она понимала, что ему сейчас не легче, ничего не могла с собой поделать.

– Да, я обижаюсь. Все, что ты можешь, так это стоять рядом и ничего не делать.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Ничего. Просто мне страшно. Чувствовать себя в полном порядке, здоровой и при этом знать, что с тобой все равно что-то не так. Внутри тебя... – Она не удержалась и расплакалась и, когда он обнял ее, прижалась к нему. – Теперь у нас ничего не будет в порядке, и здоровье тоже, так ведь? То есть последствия заражения нам еще аукнутся.

Прежде они об этом еще не говорили, и ей хотелось наконец поставить точки над «и», облечь мысли в словесную форму.

– Все зависит, – заметил он, избегая ее взгляда, – от того, какую дозу мы подхватили.

Она почувствовала, что он встревожен и пытается ее от чего-то оградить, и ей хотелось ему помочь, вот только она не знала как.

– У тебя же доза больше, чем у меня, так ведь?

Он кивнул, и она промолчала, не зная, стоит ли продолжать разговор.

Незнание хуже знания, и тем не менее ей было страшно узнать правду. Будь она уверена, что он все знает, еще куда ни шло. Она не боялась бы заблуждаться, если бы рядом был кто-нибудь, кто четко видел бы опасность.

– Ты в курсе, какие могут быть последствия? – спросила она.

– Этого точно никто не знает. Но я читал кое-что про другие похожие аварии...

– Не рассказывай. Тем более если знаешь, что нас ждет.

– Мы будем под наблюдением. Будем сдавать анализы.

Она вздрогнула и тут же отшатнулась, едва он к ней прикоснулся.

– Прости, – сказал он, – я не хотел...

– Будет как после Хиросимы? Ожоги... и все такое прочее?

– Ничего подобного. Лучше не думай об этом.

– Я никак не могу забыть эти фотографии – японских женщин и детей с обожженными лицами и головами без... – Тут она вспомнила слова дозиметриста со счетчиком Гейгера. – Когда же у меня начнут выпадать волосы?

– Гэрсон говорит – где-то через месяц после заражения, а примерно через полгода они уже снова отрастают. Постарайся об этом не думать.

Она спрятала лицо в руках. Но плакать не собиралась. Зачем мучить его понапрасну – просто ей хотелось, чтобы он почувствовал ту же душевную боль, что и она. Все время, пока они лежали в больнице, ей не терпелось вернуться домой, и вот теперь, зная, что это случится завтра, она испугалась. Они столько раз ссорились из-за пустяков – еды, неправильно истолкованной интонации в голосе. Когда же мистер Гэрсон пришел, чтобы отвезти их домой, ей вдруг расхотелось возвращаться.

Гэрсон кивнул, как будто все знал загодя, и решительным, властным тоном заявил, что у них дома совершенно безопасно. Он заверил их, что показания счетчика Гейгера во всех углах и щелях отныне в норме – в пределах естественного радиационного фона.

– Как это? – спросила она.

– Даже не случись эта авария, – объяснил он, оглядываясь кругом, словно в поисках классной доски, чтобы начертить диаграмму, – показания счетчика Гейгера все равно не были бы нулевыми. Радиация вокруг нас существует всегда – отчасти в виде фонового излучения, а ее излишки попадают в атмосферу в форме осадков в процессе ядерных испытаний. Что же касается пыли, просочившейся из лаборатории с радиоактивными веществами, наши специалисты там все тщательно вычистили. Очистку произвели и у вас дома. Включая, кроме самого дома, мастерскую вашего

мужа, гараж и примыкающий к улице земельный участок.

Он улыбнулся, будто гордясь тем, что самолично принимал участие в дезактивационных работах.

– Мы проверили и ваших соседей. И обнаружили радиоактивные следы на собаке мистера Петерсона – за пару домов от вас, – но, к счастью, совсем немного. Мистер Петерсон, правда, очень огорчился, поскольку его жена ожидает в октябре еще одного ребенка. У ближайших ваших соседей, Диллонов, побывавших у вас на пикнике в День независимости, тоже нашли следы – на термосе, который вы у них позаимствовали. О других же соседях можете не беспокоиться. У них, похоже, все чисто.

Карен зарделась от смущения при мысли о том, что теперь эти люди все знают про ее личную жизнь, что они рылись у нее дома, в шкафах, прикасались к ее вещам, письмам, белью и увидели, какая она нерадивая хозяйка. На мгновение она почувствовала себя совершенно голой – как тогда, в гараже, но живо выбросила все это из головы – как и в тот раз, подавила свое смущение и посмотрела Гэрсону прямо в глаза.

– Ладно, – твердо проговорила она. – Хватит об этом.

По дороге домой Барни спросил, уверены ли они, что никаких следов не осталось даже там, куда трудно добраться. Как они смогли все проверить?

– Вот так и смогли, – заверил его Гэрсон. – Проверили все до последней мелочи. Дом ваш, сами увидите, поделили на три секции и каждую методично обследовали, очистили и проверили заново. Люди работали со щетками и губками, и везде, где счетчик обнаруживал радиоактивность, они тщательно проходились этими самыми щетками и устраняли малейшие следы загрязнения. А работаем мы не только с трубками Гейгера – обычными счетчиками Гейгера-Мюллера, – но и с новенькими, более точными сцинтилляционными детекторами – это такие приборы радиационного контроля, – действующими на большие расстояния. Наша контора свое дело знает. Стандартная процедура. Многие из «наших» прошли службу в армии и стали первоклассными специалистами по дегазации, дезактивации и дезинфекции. Сам я служил во флотском дезактивационном пункте – обслуживал наши атомные установки за границей. Так что с утечками радиации мы боремся двадцать четыре часа в сутки где бы то ни было, в том числе дома. Таких контор, как наша, чтоб вы знали, по пальцам пересчитать. Радиационная лаборатория в Бостоне. «Чикаго-Ядерная» в Чикаго. А еще – на Южном и Западном побережьях.

Потом он смолк и посмотрел на Барни.

– Полагаю, вы сможете уделить нам для начала время в понедельник? Желательно, чтобы вы прокатили Бендикса с Макнайтом по вашим маршрутам и местам, где вы бывали после аварии. Чем раньше там будем, тем больше шансов взять распространение под контроль. Вас, миссис Старк, это, конечно, тоже касается. Я вызвал вспомогательные команды, так что, как только обследуем каждое место, они прибудут вслед за нами, развернутся веером и произведут дезактивацию.

Барни тут же сказал, что согласен, хотя, как показалось Карен, он был чем-то смущен. Он избегал ее взгляда – она глубже села в кресло и ушла в себя, решив, что ей уже все равно, где он был последние недели и с кем. Сейчас она не могла ему сказать (ведь за последнее время они и без того пережили достаточно горя), но так уж вышло, что обстоятельства разделили их – пропасть между ними стала шире и глубже, чем он думал. Она понимала – винить его за то, что случилось, глупо, но когда он дотрагивался до нее, ей становилось ясно – отныне они уже никогда не смогут принадлежать друг другу.

Когда они подъехали к дому, она увидела, что дезактивационная команда, как назвал ее Гэрсон, заканчивала очистку гаража. Сейчас, днем, люди в белых комбинезонах и капюшонах выглядели уже не так зловеще, как тем вечером (неужели с тех пор прошла только неделя?), когда она впервые разглядела их через сетчатую дверь и едва не рухнула в обморок от страха. Люди в белом собирали свои причиндалы – «инструменты», как назвал их Гэрсон, – когда они выбрались из машины и двинулись по подъездной дорожке к дому. Поначалу она держалась сзади, не веря своим глазам. Люди, которых она всегда считала героями кошмаров, заканчивали свою повседневную работу и загружались в грузовики.

Она отвернулась, когда они проносили мимо огромные цилиндры с надписью: «ОСТОРОЖНО: РАДИОАКТИВНОЕ ВЕЩЕСТВО!». Часть подъездной дорожки, вокруг их машины, была отгорожена, лобовое стекло на самой машине, как и дверные ручки, были облеплено наклейками: «РАДИОАКТИВНАЯ ОПАСНОСТЬ!» – с бледно-фиолетовым рисунком в виде трехлопастного винта на желтом фоне, означавшим радиацию, как она уже успела узнать.

– Снаружи машина чистая, – сказал Гэрсон, – а вот внутри столько всего, что сам черт ногу сломит. Пришлось опечатать. Сейчас подъедет эвакуатор.

Она подумала, что, когда люди в белом уберутся восвояси, ей удастся забыть об их существовании, но в доме было полно всякого, что напоминало о недавней дезактивации. В прихожей, гостиной и кухне,

насколько она могла разглядеть от входной двери, – все было вдоль и поперек исчерчено красным мелом. В виде сплошной сетки.

Гэрсон извинился:

– Простите за беспорядок. Мои люди старались работать аккуратно, но... – Он пожал плечами. – Вам придется малость прибраться.

На фоне красных квадратов мебель смотрелось довольно странно: казалось, ей тут совсем не место. Некоторых предметов обстановки вообще не доставало – расшитых золотым узором парчовых кресел, подаренных ее родителями; на полу, где они стояли, виднелись начерченные мелом овалы.

– Они оказались чертовски радиоактивными, – откашлявшись, объяснил Гэрсон. – Очистить было невозможно. Впрочем, «Нэшнл-Моторс» возместит вам все утраченное или поврежденное в результате радиоактивного заражения. Мне велено вам передать, что компания не пожалеет никаких расходов.

А он неплохо информирован, заметила она про себя. Не прошло и часа после того, как Гэрсон убрался вместе со своей дезактивационной командой, и тут пожаловал мистер Уэйкрофт, из юридического отдела «Нэшнл-Моторс», – по его собственному признанию, он заручился свободой действий, предусматривающих полное возмещение понесенных ими убытков, связанных с утратой или повреждением их собственности.

Мелкими скорыми шажками Мистер Уэйкрофт прошелся в безмолвном танце, с остановками и наклонами, по расчерченным меловой сеткой полам, а Барни с Карен следовали за ним. Осмотрев повреждения и бирки с указанием изъятых предметов, он воскликнул: «Вот так таёк! Дырка на спинке дивана. Сколько же это может стоить?» – и постучал ручкой по желтой бирке стандартного размера, выражая готовность подписаться под любой названной суммой.

Цифры, которые они ему назвали, были явно заниженные, чересчур заниженные, – он дал это понять мимикой и жестами. Но Карен решительно не собиралась извлекать из этого выгоду. Когда она осматривала в столовой занавески с дырками на одной из пар, стараясь определить, во сколько может обойтись замена одного полотнища, мистер Уэйкрофт потерял терпение.

– Итак, миссис Старк, точно подобрать под пару другие полотнища, очевидно, невозможно. Здесь, очевидно, требуется новый комплект.

С этими словами он сделал себе пометку: «занавески в столовую – \$200» – и с довольным видом показал ей.

– Полагаю, годится. Вы того заслуживаете. Компания намерена щедро возместить все убытки, понесенные вами в результате этой злополучной

аварии.

– А как вы возместите мне моральный ущерб, связанный с памятью об утраченных вещах? – спросила она.

Ее замечание как будто смутило его, угрожая застопорить ход дела, и она, спохватившись, попросила его забыть об этом.

Таким образом, были осмотрены мебель, портьеры, шторы и занавески, белье, одежда и все прочее, что дезактивационной команде пришлось изъять или уничтожить. Когда очередь дошла до машины, Уэйкрофт настоял на замене их «Пейсмейкер-Ровера» на новенький «Пейсмейкер-Кастом II».

– В конце концов, было бы, очевидно, несправедливо требовать, чтобы вы купили себе подержанный автомобиль, ведь он может оказаться в куда более худшем состоянии, чем ваш. И вообще, как сотрудник «Нэшнл-Моторс», вы заслужили себе скидку.

– Очевидно... – вторил ему Барни.

И она почувствовала, что его это как будто задело. Когда пришло время осмотреть мастерскую в подвале, ей показалось, что Барни совсем не горит желанием туда спускаться, но Уэйкрофт настоял на том, что дом должен быть осмотрен «от носа до кормы», дабы удостовериться, что все «в полном ажуре»! И она увидела, что морские словечки заставили Барни согласиться. За спиной Уэйкрофта он сделал вид, будто ерзает взад-вперед штанами, точно матрос, готовый сплясать «Яблочко», и подмигнул ей. Она едва не прыснула. А Уэйкрофт, со своей стороны, прикинулся, будто ничего не заметил.

Ей было больно смотреть на мастерскую Барни, исполосованную красным. Все его работы были расставлены вдоль задней стены. Желтая бирка указывала на место, откуда была изъята часть его ветоши, а другая лежала там, где еще недавно стояла ванна с глиной. Она и не догадывалась, что буквально на днях он работал здесь, внизу.

– Чтобы не потерять навык, и только. – Он пожал плечами. – Ничего особенного.

Но точно такая же бирка висела и на покрывале, скрывавшем Венеру.

– Как вы сами понимаете, мы не в состоянии дать художественную оценку тому, над чем вы работаете, – проговорил Уэйкрофт, впервые озаботившись. – Вам придется назначить приемлемую цену в переводе на затраченные материалы и труды. То есть с точки зрения произведений искусства мы, очевидно, не можем...

– Не берите в голову, – сказал Барни. – Ничего возмещать мне не нужно. Оставим это.

Но Уэйкрофт уже сдергивал покрывало – Барни замешкался и не успел его остановить.

– О, извините. Я не знал... – Он отступил назад, смутился при виде обнаженной натуры в натуральную величину, незавершенной, но узнаваемой, и покраснел, словно застал натурщицу нагой в спальне. – Прошу прощения.

– Ничего страшного, – заверила его Карен. – Когда он закончит, на нее будут смотреть люди во всем мире. Как на обнаженную статую перед зданием Газовой компании в Детройте. – Повернувшись к Барни, она поджала губы. – А я думала, за последний месяц ты к ней не прикасался.

Она заметила, что он совсем не рад.

– Да так, поработал немного. Хотел кое-какие мыслишки опробовать.

На глине виднелись отметины: на руке, которую скребли, чтобы удалить радиоактивную пыль, остался округлый след; губы как будто смялись; правое бедро, между ног, местами соскоблили – словно лопаткой для мороженого прошлись. Увидев, что сделали с ее подобием, она содрогнулась.

Потом она вдруг заметила, даже сквозь увечья, что в лице ее подобия кое-что изменилось, с тех пор как она видела его последний раз. Глаза стали другие, и шея изгибалась под новым углом – все это, как ни чудно, придавало ей мужественности. И, однако же, это была она – хотя и несколько изменившаяся, но, в общем, до боли знакомая.

Барни быстро накрыл изваяние покрывалом и отправился за водой, чтобы его обрызгать. Прежде она никогда об этом не задумывалась, но, покрытое таким образом, оно походило на стоячий труп.

– Не надо здесь ничего описывать, – сказал Барни, смачивая тряпку. – И оплачивать мне все, что здесь находится, тоже не нужно. Это всего лишь глина, и я сам тут со всем разберусь.

– Но компания настаивает на выплате компенсации за...

– Не глупите! – бросил он, краснея. – Скульптура и ломаного гроша не стоит, пока не закончена. Так что, пока я не скажу: готово и стоит столько-то или столько-то, это ничего из себя не представляет. Я начинал и ломал тысячу поделок, а начатые, но не доведенные до конца дела – пустой звук. Возместите мне восемь баксов за глину, которую они забрали с собой, и не больше.

По лестнице она поднималась следом за Уэйкрофтом, догадываясь по взгляду, который, говоря перед этим, обратил на нее Барни, что ему хотелось, чтобы она поняла и поддержала его, – но она и тут ничем не могла ему помочь. То, что он и те сотворили с ее глиняным подобием,

опечалило ее даже больше, чем она могла подумать.

Через два часа после того, как ушли Уэйкрофт и Гэрсон, чета Старков, держа десять тысяч долларов в уме, так и осталась стоять посреди разлинованной красными полосками гостиной. Чек, обещанный Уэйкрофтом, они должны были получить в течение недели. Отныне вещественными доказательствами того, что где-то здесь была рассеяна радиоактивная пыль, служили отметины и бирки, а любимое вольтеровское кресло^[19] Барни с содранной обивкой и дыры в его твидовой куртке и ее халатике придавали ощущению от окружающей обстановки куда больше жути, чем даже от пощелкиваний счетчика Гейгера. Смертоносная пыль была здесь... и здесь... и удаляли ее, кромсая все подряд и запихивая кусками в здоровенные цилиндры, помеченные надписью: «ОСТОРОЖНО: РАДИОАКТИВНОЕ ВЕЩЕСТВО!». И оно было здесь все время, пока Барни и она сидели и смотрели телевизор, ели, препирались и предавались любви по расписанию.

Дырища, которую они раньше не заметили, зияла и возле верхней кромки одной из занавесок.

– Как же эта дрянь туда попала, высоко же?

– Помнишь я привязывал веревку на жалюзи... Наверно, задел полотнище, когда взбирался по стремянке. – Он увидел, что она вот-вот расплчется, и это разозлило его. – Чего ты от меня хочешь? Прости. Ведь я же ничего не знал, сном-духом не ведал. И ничего не мог поделать с этой проклятой аварией. Такое могло случиться с кем угодно – это же как потоп, или торнадо, или землетрясение. Не исключено, что прямо сейчас нечто похожее происходит с тысячами других людей, – может, не все так уж плохо, в конце концов, хотя какая разница, ведь эта чертова радиоактивность пробирает до костей, накапливается в организме и остается там на всю жизнь. Надо радоваться, что этим все и кончилось.

– А если с нами все же что-нибудь случится, компания защитит нас или отделается только десятком тысяч долларов?

Он посмотрел на нее, потом на копию учетного листа, которую им оставил Уэйкрофт.

– Вот об этом я как-то не подумал. А знаешь, ты права. С учетом того, что с нами может еще случиться, эти десять тысяч долларов – тьфу! Думаю, надо поговорить с адвокатом.

– Жаль, папы нет рядом. Можно было бы у него спросить...

– У твоего отца? Уж он-то вряд ли сможет дать нам совет, как предъявить иск против крупнейшего клиента его фирмы.

– А кто сказал, что надо предъявлять иск?

– Я. Раньше надо было думать. Неудивительно, что они рассыпаются в щедротах, обещаясь оплатить нам ущерб за утраченное имущество и счета за лечение. Только заметь, никто из них ни слова не сказал о будущем. Понятно, они готовы оплатить очевидные физические повреждения, возникшие в результате аварии, и расходы по обеззараживанию, но у нас нет ни малейшей гарантии, что они понесут ответственность за то, что с нами может случиться через год, пять или десять лет после аварии. Думаю, если не подсуется насчет иска сейчас, потом в случае крайней надобности мы от них уже ничего не добьемся. Нам нужен адвокат, никак не связанный с «Нэшнл-Моторс», и такой у меня на примете, кажется, есть.

Он бросился к телефону, но, к своему изумлению, его не обнаружил. На его месте желтела бирка с пометкой, что телефонная компания уведомлена о необходимости заменить телефонный аппарат за счет «Нэшнл-Моторс».

– Сволочи! – процедил Барни.

– Кажется, в спальне остался телефон, я сама видела. Попробуй позвонить с него. Этот был всего лишь параллельный. А кому ты собираешься звонить?

– Одному университетскому приятелю. На Эда Маршака, блистательного молодого адвоката, думаю, вполне можно положиться: уж ему-то хватит храбрости потягаться с «Нэшнл-Моторс». Чем больше я об этом думаю, тем тверже убеждаюсь, что сейчас без судебного разбирательства нам никак не обойтись, если мы хотим иметь гарантии на будущее.

На третью ночь Барни с трудом поднялся с постели – и в ванной его вырвало. У Карен симптомы проявились куда сильнее, и случилось это в середине недели. Головные боли, слабость и тошнота. Впрочем, спустя первые четыре дня Барни как будто полегчало, а ей стало только хуже. Но были и другие различия. В отличие от Барни, у нее симптомы ожоговой болезни уже не проявлялись. Он страдал бессонницей, а ее все время одолевала сонливость, она уже не переносила запаха кофе и сигарет и часто сидела перед телевизором, склонив голову над чашкой чая или потягивая из нее. Ей снились кошмары: что она беременна, что вместо симптомов, присущих будущей матери, у нее пробуждаются подростковые фантазии из прошлого, которые выплескиваются из-под ее ночнушки вместе с маленькой подушечкой... что вдруг приходят ее родители и с ужасом видят, что с нею происходит.

Она разрывалась между ненавистью и жалостью к Барни. А на кого

еще ей было пенять? Не на науку же или прогресс. И не на «Нэшнл-Моторс». Хотя Барни и договаривался с Эдом Маршаком о предъявлении им судебного иска, они там были уж больно безликие, чтобы вешать на них вину. Стоило ей вспомнить, что это Барни занес заразу в их дом и в ее тело, как она начинала ненавидеть его.

Отныне она заводилась с пол-оборота. До аварии они спорили и ругались меж собой на чем свет стоит, но теперь, не имея больше сил воевать друг с дружкой, они просто кричали и швырялись вещами, чувствуя себя все хуже. Неужели она всегда была такой слабой, как тряпичная кукла, и валилась с ног при малейшей смене настроения, буквально засыпая на ходу, потому как не хотела противостоять тому, что происходит с ней и вокруг? Она смутно помнила, как в детстве ее, совсем еще девчонку, водили к врачу, потому что она ходила как сонная муха.

Дни сменяли друг друга с мрачным однообразием. Думая с утра о грядущей ночи, она видела бесконечный бело-песчаный пляж, спускающийся к морю, и каждый шаг в сторону ночи давался ей с большим трудом, вызывая сильнейшую одышку, при том что глаза засоряло песком. Но когда она погружалась в ночь и оглядывалась, за спиной виднелась только узкая белая полоска – шириной несколько футов, не больше, но ей уже было до нее не дойти и не дотянуться. День уместался в полудюжину шагов, и между рассветом и морем не было ничего.

Лишь однажды – может, во сне? – пляж был кое-где устлан черными водорослями, мягко ласкавшими пальцы ее ног, а дальше стелился как будто голый песок. Но, когда она подходила ближе, из него вырастали громадные кучи черных водорослей, облеплявшие ей плечи. Она хваталась за голову и бросалась прочь, обвешанная ламинариями, которые быстро обугливались на солнце. Той ночью она пыталась утонуть во сне, но ее выловили и вернули в утро в сети из ее же собственных черных волос.

Когда она проснулась, они были на подушке и постели – она пронзительно закричала и заметалась от зеркала к зеркалу, но потом в конце концов решительно взяла себя в руки, через силу остановилась у большого зеркала и бесстрашно сорвала с головы оставшиеся пряди. Оказавшись совершенно лысой, она спустила с плеч ночнушку и так и застыла перед зеркалом, точно голый манекен с разведенными руками. Она стояла в витрине магазина, мимо сновали люди, женщины смущались, узнавая в ней свое отражение, – розовое и безволосое. Мужчины оглядывались на ее ноги, бедра, живот, груди, лицо и вперивались в язвенную корону на испещренной синими прожилками коже головы. Язвы чесались с давних пор, но она терпела зуд, боясь вычесать все волосы.

Теперь же она рьяно сдирала струпья, и у нее по лицу и шее струилась кровь.

Барни ужаснулся, войдя в спальню и застав Карен в таком виде.

– Боже мой, что это? Что случилось? Почему ты не позвала меня?

– Теперь лепи меня, дорогой. Истекающую кровью, лысую как колено Венеру, восходящую из радиоактивного моря.

– Держи себя в руках! Ты же знала, такое должно было случиться. Они сказали – дело это временное. – Он сорвал с постели простыню и набросил ей на плечи.

– Что, не знаешь куда глаза деть? – рассмеялась она. – Я тебе не какая-нибудь глиняная Венера. Видишь разницу между статуей и натурщицей? На, полюбуйся, как кровит, когда я скребу вот здесь...

– Не надо! – Он удержал ее за руку. – Пожалуйста, перестань! – Он схватил ее за сцепленные вместе руки и притянул к себе. – Нет сил смотреть на тебя в таком виде. Понимаю, ты винишь меня в том, что случилось, да я и сам, видит Бог, уже тысячу раз проклял себя за это. Но нужно жить. Нельзя опускать руки и пасовать перед обстоятельствами.

Она заметила, что на глаза у него наворачиваются слезы, и поняла – ему больно смотреть на нее в таком виде. Она испытывала странное ощущение от его цепкой хватки: ей казалось, что он удерживает ее в своих крепких объятиях точно в смиренной рубашке, потому что не хочет, чтобы она изуродовала себя, а не потому что любит ее. Она не сопротивлялась, даже когда он подхватил ее на руки и перенес на постель. И когда достал из комода свежее полотенце и стер кровь с ее лица и плеч.

– Язвы заживут через пару недель, – сказал он, – а через полгода отрастут и волосы. И ты снова станешь красивой, как всегда. Я же знаю, как ты относишься к своим волосам, и они еще у тебя будут. Ну а пока купим тебе парик.

– Не надо мне никакого парика.

– Да почему? У многих женщин существуют проблемы с волосами, и они носят парики, хотя об этом никто не догадывается. Тут уж положиись на меня.

– Ты стараешься меня изменить, – процедила она сквозь слезы. – Я же видела, что ты сделал со своей глиняной фигурой там, внизу. Я видела, что ты сделал с моими глазами. Ты превращаешь меня в кого-то еще. И какой парик, по-твоему, мне годится? Светлый? Рыжий? В кого ты хочешь меня превратить?

– Я возьму за образец твои же волосы, – сказал он. – И превращать тебя в кого-то там еще вовсе не собираюсь.

- Больше не следи за мной, не хочу.
- А ты не будешь расчесывать раны?
- Нет, обещаю. Только уходи, оставь меня одну.

Он собрался было уходить, но задержался и подобрал с постели прядь ее волос.

– Для парика самое оно – такие красивые волосы, думаю, еще поди поищи.

Он слабо улыбнулся, но она отвернулась и не поворачивалась, пока за ним не закрылась дверь. Ей хотелось, чтобы он знал, как она себя чувствует, но как ему было это понять? Она и сама точно не знала, что с нею происходит, а что говорит он или другие, ей было все равно. Некое тревожное чувство подсказывало ей, что она умирает. Глядя на себя в зеркало, она понимала, что должны были ощущать женщины, обривавшие себя наголо перед тем, как лечь в постель с врагом. Волос у нее не стало. Она не понимала почему, но так или иначе это означало, что Барни ей враг.

Он нашел постижера^[20], изготовил гипсовый слепок с Венеры точно по ее размеру и заказал парик. Поначалу Карен не смела к нему прикоснуться, но однажды, когда Барни не было дома, ей стало до того любопытно, что она не удержалась и достала его из коробки. Просто взглянуть. Потом примерила, но ей показалось, что к ее голове прилипла какая-то дохлая зверушка, и она тут же сорвала его. Несколько раз она прикасалась к нему – и наконец надела снова и даже попробовала его расчесать. Что ж, Барни старался ей помочь и делал все возможное, чтобы облегчить ее муки, хотя сам страдал не меньше.

В конце концов, дабы скрасить бесцветную череду дней, Карен стала его носить. Но из дома она не выходила, пока не поняла, что надо бы показаться доктору Лерою, поскольку она заметила, хотя еще не пропустила ни одного приема, что ее цикл изменился – стал короче и слабее. В последний месяц он длился только полдня. И в этот раз сопровождался только спазмами. И хотя Карен понимала, что такие проявления, как все уверяли, могут быть следствием всего лишь сильного недомогания, она стала задумываться, почему же ее симптомы настолько отличаются от симптомов Барни: это ее отвращение к мясу и кофе, бессонница, странное набухание груди... – и начала подозревать, что физические изменения у нее связаны не только с действием радиации.

Доктор Лерой пребывал в нерешительности. Поначалу он, как и Барни, рассуждал о случаях, когда у легковозбудимых женщин наблюдаются все характерные признаки беременности, вызванные их психосоматическим состоянием. Но получив результаты лабораторных анализов, он позвонил

ей и попросил приехать.

Она не сообщила Барни, куда собралась. Большую часть времени он проводил с Гэрсоном. На прошлой неделе они получили новую машину, и она поехала на ней. До Детройта было всего-то полчаса езды, и прежде ей случалось проделывать этот путь довольно часто, но сейчас она вела машину точно во сне: та ехала как будто сама по себе, и ей даже показалось, что, когда она повернула руль, чтобы съехать в проезд, прежде чем попасть в тот, где ей нужно было выйти, машина вроде как не захотела ее слушаться.

Эти районы в центральной части города представляли собой злобные гетто, и она всегда объезжала их по шоссе, не обращая на них внимания, а если и обращала, то лишь тогда, когда видела, как тамошняя детвора глазееет на нее через проволочные изгороди на переездах. Теперь же, как ни странно, Карен очень захотелось проехать по этим улицам, выйти из машины и пройти среди этих ребятишек. Ей захотелось снять с себя парик, показать им свои язвы и сказать: «Мне тоже плохо. Жизнь моя так же отравлена. И страдаю я не меньше вашего». Но машина не послушалась, и ей пришлось остаться на шоссе и оттуда, взяв вверх и сделав дугу, выехать на автостраду Лодж. Внизу Карен разглядела кладбище старых автомобилей, грузовые парки, стоянки подержанных автомобилей и торговцев запчастями, обосновавшихся в закутках, примыкающих к детройтским эстакадам; дальше она выехала на клеверную развязку и двинулась на север, по направлению к Фишер-билдинг, где располагались кабинеты врачей-специалистов.

Карен удивлялась, отчего, приезжая раньше столько раз в Детройт, она никогда не обращала внимания на шоссе, проносившее ее мимо этих трущоб и всех этих потерянных, одиноких людей, – и почему заметила то и другое только сегодня. Однако, несмотря на удивление, она понимала: это случилось потому, что только сейчас она стала догадываться – отныне жизнь ее уже никогда не будет легкой.

Карен механически поставила машину на стоянку и словно во сне прошла через богато убранное здание к украшенным золотой лепниной лифтам. Она не помнила, как назвала лифтеру нужный этаж, но тут какая-то девица, глядя на нее в упор, спросила, хорошо ли она себя чувствует. Она кивнула и направилась к кабинету доктора Лероя.

Доктор Лерой пригласил ее сразу же, хотя в приемной ждали еще две женщины. Они сердито нахмурились, и Карен подумала, как же он это им объяснил. После осмотра он сел перед нею, а не за стол, и взял ее руку в свои старческие мягкие, сухие ладони и посмотрел ей в лицо сквозь свои

темные очки.

– Вы были правы, – сказал он. – Я бы никогда не поверил. Даже не знаю, что сказать, – с чего начать, – но вы понимаете, в чем проблема...

– Я задумалась об этом совсем недавно. Потому что не понимала, действительно ли я беременна. По утрам у меня нет ни тошноты, ни каких-то других признаков. Вот я и подумала – может, сонливость и отвращение к таким вещам, как мясо и кофе, у меня связано с психосоматическим состоянием, или же это симптомы лучевой болезни. Но у меня было какое-то предчувствие. Что же теперь будет?

– Нам так мало известно о воздействии радиации на зародыш человека. Понимаете, в этой области пока еще никто не проводил никаких опытов. А в литературе все описано довольно схематично.

– Я смогу родить ребенка? Он выживет? Будет нормальным?

Доктор долго молчал, потом запустил пальцы в свои каменно-серые волосы.

– Помните про мутации, возникшие в результате приема талидомида? [\[21\]](#) Так вот, сейчас похожая ситуация, и даже если зародыш выживет, его генетическая структура может измениться. Честно сказать, я сильно удивлен, что вы вообще забеременели. Все так необычно. Как по-вашему, когда это случилось?

– Месяца за два до аварии, кажется, на озере Торч. Трудно сказать, я же на самом деле никогда не считала свой цикл. Вы же сами знаете, он у меня вообще нерегулярный. Так ведь случилось же, а тут еще радиация – и что теперь?

Доктор вздохнул, как будто боялся, что она спросит его об этом, и нерешительно повел плечами.

– Возможно, ничего. А может, ребенок будет не совсем такой, как все дети. С каким-нибудь дефектом. Умственным или физическим. С какой-нибудь обычной мутацией – к примеру, заячьей губой... расщепленной кистью... или...

– Хватит. Все ясно. Может, мне сделать аборт?

Он снял очки, обнажив бледно-голубые глаза на испещренном морщинами и очень усталом лице.

– Мне бы хотелось дать вам добрый совет. Вам обоим будет легче, если я скажу, что другого выхода нет. Но решать за вас я не вправе.

Она была благодарна ему за такие слова. Потому-то она и прониклась к нему доверием с самого начала. Он смиренно подводил своих пациентов к краю мрачной бездны познания и честно признавался, когда чего-то не знал.

– Тут, конечно, не может быть правильного или неправильного решения, – продолжал он, – лучшего или худшего. Но в любом случае дело это рисковое и не самое приятное. В подобных случаях женское чутье может помочь много больше, чем мнение навязчивого специалиста.

Ее руки, лежавшие на коленях, будто чужие друг другу, встречались, замирали в нерешительности, соприкасались и сжимались в напряжении.

– Какие у меня еще варианты?

– Захотите оставить ребенка, возникнет высокая вероятность выкидыша, причем в любое время, а на вашем сроке это совсем небезопасно. Если доносите до полного срока, возможны осложнения, связанные со свертыванием крови, и роды могут привести к критическому положению. Должен сказать, что вы в полном праве не рисковать собственной жизнью, к тому же с проведением аборта не возникнет никаких затруднений. Хотя вы сейчас и слабы, думаю, даже в вашем состоянии не будет ничего страшного, если вы примете решение прямо сейчас.

– А если позже?

– Чем дольше откладывать, тем страшней.

– Но смогу ли я... потом... позднее... иметь детей?

Доктор Лерой потер свои обтянутые прозрачно-бледной кожей руки и, нахмурившись, уставился на них.

– Сомневаюсь. После облучения вы пока оба останетесь бесплодными. Надолго ли, трудно сказать. Может, на какое-то время, а может, навсегда. Впрочем, принимая во внимание все обстоятельства, думаю, это маловероятно. Но, разумеется, при наличии новых лекарств... – Он пожал плечами.

Карен откинулась назад, чувствуя, как у нее дрожат губы.

– Не очень-то радостная картина.

Доктор развел руками, показывая, что тут уж ничего не попишешь.

– Вы же сами хотели знать худшее.

Она сглотнула, силясь не расплакаться. На что бы она ни решилась, все без толку.

– И впрямь, хуже некуда.

– Да неужели! – резко проговорил он. – Вы оба могли умереть.

Она не нашла, что ответить, тогда он, взяв ее за руки, чтобы как-то утешить, продолжал:

– Будь я уверен, что вы еще сможете родить, я рискнул бы сам принять решение и посоветовал бы вам сделать аборт. Но в сложившихся обстоятельствах выбор остается за вами. Захотите прийти ко мне еще раз с

мужем, чтобы все обсудить и с его участием, что ж, буду рад...

– Нет уж, пусть он пока ничего не знает. – Эти слова вырвались у нее еще до того, как она поняла, чтоё говорит. – Сперва я должна сама все обдумать и решить. – На мгновение она взяла себя в руки и добавила: – После того что случилось, потом навряд ли будет возможность даже кого-то усыновить. Выходит, или сейчас, или никогда. Так?

– Если б я мог хоть чем-то помочь.

– Сколько у меня времени, чтобы принять решение?

– Особо не затягивайте. С каждой неделей положение будет все менее стабильным. Сейчас вы, если точно, на четвертом месяце. Стало быть, крайний срок – еще месяц.

3

Мысль о том, что ему придется отслеживать все свои шаги, приводила Барни в ужас с самого начала. Разве мог он упомянуть все места, где бывал, да и как он мог теперь смотреть в глаза людям, которых заразил?

– Представьте себе, что это эпидемия и мы с вами заблаговременно ее заблокировали, – посоветовал ему Гэрсон. – Чем раньше мы выявим каждый ваш контакт, тем больше у нас шансов предотвратить ее дальнейшее распространение. Начнем с перечня мест, где, как вам помнится, вы бывали после аварии. Последовательность пусть вас не беспокоит. Мы отрядим несколько команд, и они будут работать одновременно. Вряд ли стоит ожидать, что вы вспомните каждое место, где бывали, и каждого человека, с которым общались, но, как только мы приступим к делу, у вас непременно будут возникать ассоциации с тем или иным местом, где вы были до или после, по каким улицам ездили и с кем разговаривали. Да не волнуйтесь вы так. Люди думают, что они не в силах вспомнить и половины мест, где им случалось бывать, и тем не менее вспоминают почти все. Вот и вам предстоит пережить подобный опыт.

Первое, что припомнил Барни, – похороны деда, но ему совсем не улыбалось снова навещать кладбище. В конце концов, радиоактивная пыль вряд ли чем навредила бы покойнику (да и как эта самая радиоактивная пыль могла попасть на Теофила Шутарека?). Потом он вспомнил, что на похоронах были и другие люди и что поблизости от могилы, вокруг которой он топтался, трудились кладбищенские уборщики. Их тоже надо бы упомянуть. Не ему решать, кого не включать в список. И он рассказал Гэрсону про похороны.

Барни с Бендиксом сидели спереди в белом автофургоне, а Гэрсон с Макнайтом ехали сзади. Они неплохо ориентировались в Хамтрамке, и, памятуя о том, что там тоже находится автосборочный завод, Барни подумал – может, Радиационный контроль уже успел перешерстить весь город раньше? Когда они прибыли на кладбище Пресвятого Креста, Барни понял, что едва ли вспомнит, где расположена дедова могила.

– Можем уточнить в конторе.

– Между прочим, фамилия у него была не Старк, а Шутарек. Теофил Шутарек.

– Он был отцом вашей матери?

– Нет! – бросил Барни. – Моего отца.

Он заметил, как Гэрсон поднял брови, и, несмотря на решимость держать себя в руках, обиделся – и принялся объяснять, зачем изменил свое имя и фамилию с Бронислава Шутарека на Барни Старка.

– Понимаю, – сказал Гэрсон.

Ну почему он должен всегда объяснять свои поступки и защищаться?

– Да что вы понимаете? Сами-то небось никогда не меняли имя, чтобы добиться чего-то в жизни. Откуда вам знать, что это все равно как подрубить себе корни, а потом всю жизнь думать, правильно вы поступили или нет?

– Я хотел сказать, что понимаю ваши слова, а не чувства. Может, неправильно выразился. Простите, если вас это задело.

– Просто нервы, – объяснил Барни. – Когда я сменил имя, отец отрекся от меня – сказал, чтоб ноги моей больше не было в его доме. Он все принимает слишком близко к сердцу. Но свято место пусто не бывает, и его тут же занял мой двоюродный братец Стефан. Так что теперь отец называет своим сыном Стефана. Беда в том, что после похорон он отправился куда-то пропустить стаканчик, а я с матерью и двоюродным братом пошел домой.

– Да уж, возвращаться в прошлое далеко не всегда приятно, – заметил Гэрсон. – За три недели человек может много чего сделать, при том что он совсем не горит желанием, чтобы об этом узнал кто еще. Ладно, все, что мы узнаем, останется строго между нами.

Барни понял, на что он намекает.

– Вы имеете в виду другую женщину.

– Такое порой случается. Мы же имеем дело с людьми.

– И с радиоактивностью.

– Да.

– Что ж, простите, если вас огорчу. Только вы ошибаетесь.

– Придется поспрашивать. Сами понимаете.

Барни воспринял его слова как напоминание, что это не игрушки и не увеселительная прогулка, – он по достоинству оценил холодную сдержанность Гэрсона. И на душе у него полегчало. Гэрсон велел ему немного подождать, а сам направился в контору разузнать, где расположена нужная им могила.

Он испытывал странное чувство, стоя среди всех этих могил, – одна из них, поблизости, была свежевырытая, – ожидая возле кучи земли и зная, что где-то здесь, среди тысячи мертвецов, лежит его дед и что он заразил место последнего упокоения старика. Гэрсон вернулся с опознавательным кодом: 7-С-423-15, – означавшим седьмой сектор, северную часть, четвертый участок, вторую секцию, третий ряд, могилу номер пятнадцать. Барни удивился, что эти сведения хранятся на какой-то перфокарте. И среди всех этих цифр последняя была самая значимая.

– Если нет желания, можете с нами не ездить.

Барни хотел поехать с ними.

– Если я уже взялся за это дело...

Автофургон, рокоча, медленно двинулся по главным аллеям между могилами – и наконец подъехал к нужному месту. Когда они вышли, какие-то люди с любопытством уставились на белый автофургон с фиолетовым трехлопастным винтом в желтом кружке. Барни воспринимал его уже не как трехлопастной винт, а как фиолетовый цветок – трехлепестковую фиалку-мутанта. Может, зеваки подумали, что это белый катафалк, украшенный новым религиозным символом – трехлопастным крестом? Почему бы и нет? Разве люди не делают богов из вещей, помогающих при родах, меняющих жизнь или вызывающих смерть? Почему бы не поклоняться Рентгену, новоявленному радиационному богу? Незримому и завистливому богу, избегающему шума и гама, – тому самому, который, вместо того чтобы метать с небес громы и молнии, втихую рассеивает свою гибельную пыль. Когда-нибудь он вылепит статую бога Рентгена, разбрасывающего своей дланью пыль, сеющего семена смерти и перемен. А у ног его будут страдать люди, распятые на трехлопастных крестах, – символах Облучения, Разрушения и Смерти.

Когда Бендикс с Макнайтом, в капюшонах и опущенных масках, вышли из автофургона и направились к третьему ряду, пятнадцатой могиле, люди, пришедшие почтить память своих усопших родственников и возложить на соседние могилы цветы, подались в стороны. В руках у Бендикса был дозиметр, а на плече у Макнайта висел дезактиватор.

На могиле Теофила Шутарека стояла маленькая деревянная памятная

табличка. Устанавливать надгробие было еще рано: сперва должна была уплотниться земля. Барни вспомнил, как на похоронах ему захотелось самому вырезать могильный камень для старика. Дед Тео всегда гордился творениями своего внука. Старик любил рассказывать детишкам сказку про дровосека и кабана, и как-то раз, когда он закончил свой рассказ, Барни (ему тогда было девять лет) вылепил из глины фигурку того самого кабана из сказки. Дед Тео изумился и стал всем ее показывать, приговаривая: «Бронислав вырастет и станет большим художником – великим польским скульптором». А когда отец Барни поднимал его на смех, старик кричал: «Не надо держать меня за старого маразматика. Внучок мой Тео будет вырезать из каменных глыб памятники вроде статуй на Варшавской площади или в Краковском музее. Это будет лучше, чем возиться с машинами-развалюхами. Уж он-то прославит фамилию *Шутарек* на века».

Да-да, в тот самый день, видя, как гроб со стариком опускают в могилу, и бросив в нее горсть земли, в то время как могильщики засыпали ее лопатами, он и решил, что сам высечет надгробие – барельеф с фигурками героев любимых сказок старика – и вырежет на нем, в углу, фамилию Шутарек: вот бы старик порадовался. Да только отец воспротивился. Потому как решил, что Барни им больше не родня, раз взял себе другое имя.

Об этом он тоже думал, поглядывая через могилу на отца, который избегал его взгляда, и видя, как его огромные мускулы бугрятся под тесной курткой, собравшейся складками у белого ворота сорочки, застегнутого на пуговицу на его могучей шее. Если бы не мать, Барни ни за что не пошел бы на похороны.

Потом отец отдал Стефану ключи от старенького «Доджа» и сказал: «Отвези ее домой. К ужину меня не ждите». И, даже не поприветовавшись с Барни, он грузно заковылял прочь. В душе у Барни проснулись старая злость и обида, но, глядя, как отец едва передвигает ноги, он сменил гнев на милость: ведь его отец потерял своего отца.

Стефан, с ключами от машины в руках, посмотрел на Барни, потом на его мать, и какое-то время они втроем стояли молча. Наконец мать сказала: «Поедем к нам, хоть поешь». И Барни, зная, что отца дома не будет, поехал. Тогда он решил, что все равно сделает деду Тео памятник и надпишет его, потому что ему этого очень хотелось – хотелось сделать дедушке Тео что-нибудь приятное, и плевать, что там себе думает отец: когда-нибудь он все поймет.

Но сейчас, наблюдая, как Бендикс с Макнайтом обследуют свежую могилу с помощью счетчика Гейгера, Барни уже ни в чем не был уверен.

Он слышал, как пощелкивает счетчик, и видел, как Макнайт, наклонившись, собирает лопаточкой землю с края могилы. Тут он вспомнил, как стоял и ждал, когда могилу засыпят доверху, прежде чем направиться к автостоянке, где уже собрались все остальные, а потом опустился на колени и, прикоснувшись к земле, придавил ее рукой. И таким вот радиоактивным «прикосновением Мидаса»^[22] заразил место последнего упокоения деда.

Наблюдая за ними, он с трудом подавил спазм в горле. Загрязнение обнаружилось и там, где он стоял, когда опускали гроб, – сзади могилы и с одной ее стороны (напротив того места, где находился его отец), а еще на автостоянке, где он вышел из машины.

Один из очевидцев, следивший за процессом дезактивации, в конце концов подошел и спросил, что здесь происходит.

– Всего-навсего отбираем пробы почвы, – объяснил ему Гэрсон. И заверил, причем достаточно громко, чтобы слышали и все остальные, что это обычное дело. Перехватив же исполненный отвращения взгляд Барни, он как будто разозлился и, отведя его в сторонку, прибавил, обращаясь уже к нему: – Что ж, в некотором смысле так оно и есть. Мы берем пробы почвы – обычное дело. Скажи я по-другому, они бы насторожились и...

– Ну да, конечно, – усмехнулся Барни.

– А что хорошего, если начнется паника? – рявкнул Гэрсон. – Сами знаете, в кого превращаются люди, когда боятся того, чего не могут увидеть или понять.

– Они могут принять меры предосторожности. Провериться.

Гэрсон покачал головой.

– Это не поможет им избавиться от страха. Они потеряют голову, а это, уверяю вас, куда хуже, чем если бы они подверглись пусть и малому воздействию радиации. Лучше никого лишний раз не будоражить. В конце концов, узнают они что-нибудь или нет, не важно, – в таком случае, зачем их пугать?

И так, подумал Барни, рассуждает человек, который еще недавно именно этим занимался. Впрочем, ему виднее. Да и кто он такой, Барни Старк, чтобы осуждать действия Радиационного контроля?

– А теперь, – предложил Гэрсон, – если не возражаете, давайте наведемся домой к вашим родителям, куда вы отправились прямо отсюда. Хотите, можете подождать внизу, в автофургоне, пока мои люди со всем управятся. А хотите, можем сперва отвезти вас к вам домой.

– Я должен повидаться с ними, – сказал Барни. – Сейчас время обеда, и отец должен быть дома. По крайней мере, с вами и вашими молодцами он

уж точно не спустит меня с лестницы...

В ответ Гэрсон промолчал. Он кивнул и посмотрел прямо перед собой, как будто где-то там маячил выход из создавшегося затруднительного положения. Барни успел заметить, что человек он был добрый и отзывчивый, хотя тесных отношений со своими подчиненными не строил. Вот бы вылепить его голову: крупный нос в одной плоскости со лбом, срезанный (но не дряблый) подбородок, надменные глаза, излучающие почти орлиный взгляд. Впрочем, он не должен казаться суровым даже в приглушенном свете. Пусть лучше будет мягкий, но целеустремленный и пристальный.

Когда автофургон остановился перед отчим домом, Барни даже не шелохнулся. Руки сделались липкими, грудь стеснило. Последний раз, не считая дня похорон, он был здесь лет десять назад. После всех этих скитаний по стране, после всех этих дней и ночей, исполненных мечтаний о возвращении домой, он наконец вернулся – и только затем, чтобы сказать родным, что он принес им порчу.

Гэрсон его не торопил – в конце концов Барни выбрался из автофургона и повел их ко входу в дом рядом с химчисткой. Над звонком висела маленькая картонная табличка с именем *Казимир Шутарек*, выведенным давно выцветшими чернилами. Барни хотел было нажать на кнопку звонка, но замешкался. Только теперь Гэрсон проявил настойчивость и, подавшись вперед, надавил на кнопку вместо него. Барни и тут мысленно согласился с тем, что его сопровождающий принял верное решение, – в противном случае он развернулся бы и ушел.

В ответ послышался лязг автоматически отпирающейся нижней двери – Барни быстро повернул дверную ручку, не дожидаясь, пока смолкнет трезвон. Бендикс с Макнайтом выдвинулись вперед, держа перед собой дозиметр, – судя по его звуку, лестница была чистая. В узкой передней было темно. Квартира его родителей располагалась в верхней части лестничного пролета, и он стал ждать, когда его мать подойдет к перилам и, перегнувшись через них, окликнет: «Кто там?» В руках она неизменно сжимала метлу, словно собираясь вымести прочь любых незваных гостей. Как же она ненавидела эту квартиру!

Когда его отец с каким-то своим дальним родственником решил заняться подержанными автомобилями – скупать всякий автохлам на запчасти, она стала умолять его купить заодно какой-нибудь домишко под Хамтрамком, чтобы они могли туда перебраться. Она стыдилась соседства с химчисткой и мечтала о доме, где собирались бы гости, о заднем дворе,

где игрались бы внуки, о садике, где летом можно было бы устраивать пикники. Но отец отказался приобретать в собственность дом. Хотя его авторазделочное предприятие процветало. (Когда Барни любовался неореалистическими скульптурами из металлолома, он всякий раз улыбался, ловя себя на забавной мысли, что творения его отца вполне могли бы занять достойное место в музеях, причем даже раньше, чем его собственные.)

– Мам, это я. Барни. И не один.

На мгновение она отпрянула, потом снова перегнулась через перила и нервно прошептала:

– Отец дома. Тебе сюда пока нельзя. – Она посмотрела назад, словно боясь, не заглядывает ли муж ей через плечо. – Зачем пришел? Знаешь ведь, он же опять умом тронется.

– Мам, людям, которых я привел, нужно здесь кое-что проверить. Это ненадолго. – Барни тоже говорил шепотом, словно стараясь оттянуть минуту, когда отец поймет, что он здесь. Он почувствовал отчетливый запах тушеного мяса.

– Кто там еще – Стелла?

Барни был уже почти на верхней площадке лестницы – и не мог не разглядеть изумление на лице отца. «Застань его врасплох! – велел он себе. – Веди себя как можно естественнее».

– Мистер Гэрсон, позвольте представить: мой отец, Казимир Шутарек, и моя мать.

В дверях показался Стефан, гонимый любопытством узнать, что происходит, – Барни приветствовал и его.

– А это Стефан, мой двоюродный брат. Преподает обществоведение в школе, здесь же, в Хамтрамке. Живет у моих родителей.

Гэрсон тут же оказался рядом, коротко кивнул, отвесил низкий поклон и щелкнул каблуками.

– Здравствуйте, мистер и миссис Шутарек! Штефан! Позвольте представить моих помощников: мистер Бендикс и мистер Макнайт. Смеею заверить, мы не отнимем у вас много времени и больших неудобств, надеюсь, не доставим. Ваш сын был достаточно любезен, согласившись нам помочь. Дело службы. Не позволите ли мне и моим помощникам пройти к вам вместе с нашим оборудованием? Премного благодарен!

Гэрсон быстро и учтиво взял дело в свои руки, и через несколько мгновений семья Шутарек была дружно препровождена в гостиную. Несколько раз отец Барни – здоровяк, неуверенно переминавшийся с ноги на ногу, в подтяжках, тугих, точно подпруга, – порывался спросить, что

происходит, но Гэрсон, действовавший спокойно и естественно, сказал, что в свое время им все объяснит, чем вывел их всех из себя. Наконец старик не выдержал.

– Что здесь творится? Хватит трепать языком – лучше скажите, кто вы такой и почему ворвались в мой дом? – И, тыкая пальцем на Барни, прибавил: – Я же сказал, чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Гэрсон расстегнул свою сумку и на мгновение блеснул значком следователя по особо важным делам.

– Мистер Шутарек, позвольте объяснить. Ваш сын находится здесь, чтобы помочь нам... и обществу. Произошла, чтоб вы знали, серьезная штука, и дело требует, чтобы здесь находился не только он, но и вы в полном составе.

Он переводил взгляд с одного лица на другое, как бы призывая семейство Шутарек к пониманию, – в конце концов отец Барни сдался и, плюхнувшись в кресло, обратился в слух. Мать затаилась за кухонной дверью и в страхе поглядывала из-за нее на облаченных в белые комбинезоны Бендикса и Макнайта.

– Чтоб вы знали, у нас в радиационной лаборатории при Научно-техническом и опытно-конструкторском центре в Элджине, – сказал Гэрсон, – произошла необычная авария. И, хотя ваш сын работает совсем в другом отделе, он оказался к ней причастен – не по своей воле, а потому, что состоял в тамошнем автомобильном пуле. Знаю, это трудно понять, но дайте мне пару минут, и я постараюсь все объяснить.

Барни был потрясен, с какой ловкостью он обрисовал ситуацию людям, не имевшим никакого понятия ни о радиоактивности, ни об источниках радиации, и при этом ни разу не показал своего превосходства над ними. Когда прояснился смысл таких слов, как «радиация» и «радиоактивная пыль», отец встал и в задумчивости провел пальцем по седым усам; Стефан выглядел напуганным. Только по хмурому взгляду матери можно было понять, что им не все понятно.

– Вы говорите про радиоактивные осадки? – спросила она.

– Как оно было в Японии? – спросил его отец. – С тем дерьмом в бомбе, от которого у них образовались ожоги?

– Не совсем, мистер Шутарек. Даже если радиоактивная пыль и попала сюда случайно, то, конечно же, в самом незначительном количестве. В квартире, вероятно, с ней никто не контактировал... а может, ее здесь и вовсе нет. И наша работа как раз и состоит в том, чтобы все проверить ради вашей же безопасности и предупредить ее распространение.

Отец Барни избегал его взгляда все время, пока Бендикс с Макнайтом

обследовали их и квартиру с помощью счетчика Гейгера. И когда тот впервые начал размеренно пощелкивать, отец подскочил как ужаленный, но Гэрсон успокоил его и растолковал все про нормальный радиационный фон. И вдруг старик повернулся к своей жене и ткнул кулаком ей в лицо.

– Видишь, что бывает, когда ты меня не слушаешь? Это ты втихомолку привечала его за моей спиной...

– Не надо вешать на нее собак! – воскликнул Барни. – Это было сразу после похорон. И сюда я заглянул только на минуту.

Отец метнул в него полный отвращения взгляд – и рот у Барни вдруг как будто забился песком.

– И ты еще смеешь мне что-то вякать! – презрительно усмехнулся он. – Я еще раньше говорил тебе, чтоб ты забыл дорогу в дом Шутареков. Ты брезгуешь нашей фамилией. Может, я и не вправе советовать моему сыну, что делать, куда податься или как себя называть, но в свой дом я волен приглашать того, кого хочу, и вовсе не желаю, чтобы кто-то пробирался сюда украдкой, у меня за спиной. Если б не эта ваша *радиопыль*, я так ничего бы и не узнал.

Заслышав резкое потрескивание счетчика Гейгера, все разом повернулись. Диван, где в тот день сидел Барни, был заражен.

– Похоже, частиц здесь совсем немного, – заметил Бендикс.

Он достал ножницы и принялся вырезать на подлокотнике ткань кружком.

Мать Барни взвизгнула, как будто в нее вонзили иголку.

– А кромсать обязательно? – осведомился Барни. – Может, проще стереть?

Бендикс покачал головой.

– Невозможно. Частицы могли проникнуть под ткань.

Барни припомнил, что этот французский, с чуть изогнутой спинкой диван, обшитый розово-золотистой парчой, был предметом ее гордости и радости. В доме его называли не иначе как «музейным экспонатом», – сидеть на нем не разрешалось никому. А если и разрешалось, то лишь самым дорогим гостям и только по особым случаям, – и тогда, в день похорон, мать сама усадила туда Барни. Странно, что он про это забыл: ведь сидеть на запретном диване – а ему это запрещалось с малолетства – было совсем неудобно. И вот мать бросилась было к дивану, чтобы уберечь его от кромсания, но Стефан ее удержал.

– Мой диван! Любимый мой диван!

– Дырку, наверно, можно залатать, – сказал Барни.

Но не успел он договорить, как Макнайт наткнулся на другие следы –

там, куда Барни прислонялся спиной, и Бендикс тут же принимался срезать лоскут за лоскутом со спинки, сиденья и подлокотников, передавая загрязненные куски ткани Макнайту, который убирал их в контейнер с рисунком в виде фиолетового трехлопастного винта. Когда с этим было покончено, розово-золотистый диван стал напоминать Барни порченное животное с изъеденной язвами шкурой.

Мать рыдала в объятиях Стефана, а отец сверкал на Барни глазами.

– Вот, значит, какие следы ты за собой оставляешь. Еще раз предупреждаю, чтоб глаза мои тебя больше здесь не видели, иначе удавлю вот этими руками.

– Уверяю вас, мистер Шутарек, ваш сын ни в чем не виноват. Пыль занес к нему в машину...

– Оставьте свое мнение при себе, мистер Как-вас-там. Закругляйтесь и выметайтесь из моего дома.

Отец аж побагровел, и, глядя на его сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, Барни понял, что он, того и гляди, обрушит их на кого-нибудь.

Больше никаких следов в квартире Гэрсон и его люди не обнаружили.

В конце концов проверка была проведена, сотрудники собрали все свое оборудование и уже были готовы распрощаться. Барни посмотрел на мать, но она отвернулась, взяла Стефана под руку и оперлась на нее.

– Прости, – проговорил Барни.

– А теперь убирайся! – сказал отец.

– Я к ней обращаюсь.

Заслышав это, отец, с багровым лицом, двинулся прямо на него.

– Я сказал – вон из моего дома! Сначала ты пятнаешь мое имя, а потом мой дом. Чтоб я тебя больше здесь не видел!

Стефан встал между ними.

– Не спорь с ним, Барни. Мы все очень переживаем. Я тебе позвоню.

Все эти годы, отдаляясь от них, Барни мечтал, что в один прекрасный день станет знаменитым скульптором и это послужит оправданием той жизни, которую он выбрал, и тех решений, которые принял. Он даже думал, что, когда у них с Карен родится первенец, они позовут его родню на крестины и это положит конец их вражде. И вот на тебе...

Бендикс с Макнайтом направились к выходу, и Гэрсон взял Барни за руку.

– Идемте. У нас еще много дел.

Барни кивнул, развернулся и бегом пустился вниз по лестнице, зная, что больше никогда сюда не вернется.

Той ночью он лежал в постели, не смыкая глаз, и вспоминал, как однажды в детстве они подрались со Стефаном. Кротким Стефаном, который всего боялся после того, как его родители погибли в автомобильной катастрофе. Его двоюродным братом и другом. Барни тогда думал, что ему больше никто не нужен, даже родной брат. Стефан стал для Барни самым близким другом – таких у него больше никогда не было. Но как-то раз отец Барни высмеял его «девчачье увлечение скульптурой», язвительно заметив, что Стефан-де предпочитает заниматься настоящими мужскими делами и это куда лучше, чем все дни напролет месить глину. А через несколько дней Барни затеял со Стефаном ссору из-за какого-то пустяка, и они подрались. Сколько же им тогда было? Лет двенадцать? Тринадцать?

Ему стало трудно дышать, когда он снова увидел все это сейчас, в темноте. Они пихались, обзывались, все больше распаляясь и совсем теряя голову. Вокруг собрались соседские мальчишки – они кричали: «Врежь ему! Врежь!..» – а Барни со Стефаном все пихали и обзывали друг дружку... и тут Барни неожиданно наскочил на Стефана, со всего маху хватил его кулаком и сбил с ног, высвободив из себя все силы, – это было сродни взрыву, который опустошил его. Стефан упал и ударился головой о бордюрный камень, и кровь, хлынувшая из его раны, залила тротуар. Барни еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь падал вот так – замертво. Он стоял и шатался, испугавшись, а вдруг и впрямь убил двоюродного брата, и в нем боролись противоречивые чувства: ему хотелось помочь и в то же время сбежать, – мышцы его вдруг напряглись, и он вздрогнул, как будто сзади его кто-то схватил.

Почему он тогда посмотрел на небо? Кого думал там увидеть?

Сейчас, в тусклом свете, едва пробивавшемся сквозь шторы, он смотрел на свои руки и чувствовал то же напряжение и ту же подступающую дрожь и судороги в мышцах. В тот день с ним что-то случилось. С тех пор он уже не мог бить в полную силу. Что-то неизменно удерживало его. После этого ему приходилось драться с другими мальчишками, и всякий раз, когда он нацеливался ударить, сзади или изнутри что-то сдерживало его и ослабляло удар. И его уже стали побивать те, над кем он прежде одерживал верх. Сколько бы он ни злился, доводя себя до белого каления, сколько бы ни старался выплеснуть наружу всю свою ярость, ему нипочем не удавалось разойтись в полную силу – освободиться от нее целиком. В последнюю минуту он всегда пасовал и, пасуя, боялся все потерять. Он ощущал какой-то животный страх перед своей собственной силой, и необузданный нрав – в точности как у его отца

– сдерживал его и в прочих делах, за какие бы он ни брался. В занятии скульптурой, полных переживаний отношениях с другими людьми и, наверное, даже в сексе.

Сейчас, хотя Стефан и занял его место в отчем доме, сроднившись с его родителями, Барни не питал к нему ненависти за это. Стефан вырос и стал добропорядочным человеком, но он так и не женился, и не покинул гнездо Шутареков. Барни точно знал – Стефан даже ни разу не ночевал где-то еще. Такое впечатление, что, когда он обрел новых родителей взамен собственных, ему было страшно их бросить.

Стефан ходил в Хамтрамкский муниципальный колледж, потом учился в университете в Детройте, а когда получил диплом учителя, поступил на работу в неполную среднюю школу здесь же, в Хамтрамке. У него не было ни любимой девчонки, ни просто подружки, и все эти годы, с тех пор как Барни сменил имя, повздорил с отцом и стал жить своей жизнью, он непрестанно задумывался: что же за страх мог удерживать тридцатилетнего малого в положении истинно детской зависимости от новообретенных родителей – неужели тот самый страх, что пробудился в нем после той драки? Быть может, в тот день, когда Барни огрел Стефана кулаком, он убил что-то внутри него, оставив лишь живую физическую оболочку? О господи, хоть бы это было не так!

Барни закрыл глаза и постарался выбросить из головы неотвязную картину: мать с отцом сидят в своей квартире, а рядом с ними – Стефан. Глупо заикливаться на этом. Он сам тому причиной – благодаря своему нраву и упрямству. Отныне Стефан их единственно желанный сын. Так зачем думать о них? Господи, до чего же больно было ему видеть, как Стефан утешает его мать, как он встает между ним и отцом, когда старик разошелся не на шутку, – словно он, Барни, был чужаком.

Сейчас ему очень хотелось расплакаться. Он чувствовал, как изнутри на него что-то давит, силясь высвободиться. Он, конечно же, расплакался бы, если бы мог, потому что слезы переполняли его, и избавился бы от них, потому что они так и просились наружу. Слезы очистили бы его – и ему сразу полегчало бы. Но дать им волю он не мог! Его всегда что-то одергивало. «Сам виноват», – проговорил он, обращаясь сперва к стенам, а затем к потолку и наконец к подушке. Но ни утешения, ни помощи ждать было неоткуда, и Барни уставился в темноту, понимая, что отныне ни он никого не назовет отцом, ни его самого так уже никто не назовет, а сам он уже никого не назовет сыном, так же как и его самого так уже никто не назовет.

Нескончаемые разъезды по местам, где он успел побывать за три недели после аварии и перед дезактивацией, казались одним сплошным кошмаром: приходилось снова и снова переживать одни и те же события, встречаться с одними и теми же людьми, повторять одни и те же слова, проходить одними и теми же путями.

Радиоактивность обнаружилась на автозаправках, где Барни останавливался, заправлялся и пользовался туалетом, в ресторане «У Алекса», где они обедали вечером, когда Карен вытащила его в город на балет в «Масоник-темпл» (незначительное количество радиоактивной пыли было выявлено в центральном проходе, бельэтаже, третьем ряду от перил, а также на зрительском кресле, и Макнайту пришлось срезать четырехдюймовый образчик его кожаной обивки).

Радиационному контролю приходилось что-то уничтожать, а что-то изымать, оставляя взамен пострадавшим владельцам бланки заявлений о выплате страхового возмещения, которые им надлежало направить в главную контору в Толидо, штат Огайо. Попутно Гэрсон объяснял людям, что после того, как все будет закончено, заявления пострадавших будут рассмотрены, их сличат с отчетами, которые он отошлет вдогонку, и потом компьютер рассчитает суммы причитающихся выплат. Все расходы предстояло оплатить «Нэшнл-Моторс» (разумеется, за счет страхового покрытия), при том, что полная дезактивация исчислялась суммой около миллиона долларов. Заметив на лице Барни удивление, Гэрсон пояснил, что Бендикс с Макнайтом а также люди, приступившие к работе с Карен, высокооплачиваемые технические специалисты и что в настоящее время другие команды проводят в Элджине вторичную очистку. Он подсчитал – на то, чтобы выявить каждого, с кем Прагер вступал в первичный и вторичный контакты, и на то, чтобы установить контакты каждого, кто заходил в кабинет Прагера, уйдет больше месяца.

К середине четвертого дня разъездов по местам, где он мог наследить, Барни вконец обессилел и ездить больше не мог. Ожоги выступили у него уже на груди и правом боку. Врач в больнице дал ему целебные мази и болеутоляющие таблетки и отправил его домой – в постель, заверив, что через пару недель эти первичные симптомы пройдут.

Гэрсон положил ему на постель магнитофон, велел наговаривать полезную информацию на пленку.

– На случай свободных ассоциаций. Вдруг еще вспомните какие-

нибудь места, где обедали, или людей, с которыми встречались до и после. Так мы сможем проверить все, что в свое время пропустили.

– Вы хотите сказать – все, что вы пропустили, так и фонит?

Гэрсон пожал плечами.

– Если будете все время держать это в голове, точно рехнетесь. Смотрите на это дело так. Если радиоактивность где и осталась, то совсем в небольшом количестве, к тому же маловероятно, чтобы в тех же общественных местах обнаружили смертельные или даже опасные дозы. Мы обследовали каждый дюйм в домах и местах, где вы бывали. Ну а если вы уже ничего не можете поделать, лучше воспринимать все по-философски.

Врачи, предупреждавшие Барни о том, что у него могут вскоре образоваться катаракты, заверили его, что удалить их можно будет без труда. Так что ни о какой безвозвратной потере зрения речь не идет. И все же Барни часто подходил к окну и разглядывал деревья, корни, облака и здоровенный фигурный камень, приглянувшийся ему в прошлом году на озере, – он притащил его домой и установил сбоку от подъездной дорожки; он запоминал линии и формы, обратив внимание на изогнутый вяз, – его ствол раздвоился четкой буквой «V», образовав причудливый выступ-отросток, который зажил сам по себе. С вяза упал листок, и, провожая его взглядом, Барни почувствовал, что хочет есть. У него не было времени запомнить все формы, пространства и движения, и он проклинал себя за то, что потратил столько лет на модели Нэта Уинтерса, развивая чужие идеи, тогда как у него самого осталось столько незаконченных работ и не воплощенных в жизнь идей, – все, что он хотел и должен был довести до ума, прежде чем его время истечет.

Что ж, подумал он, у тебя есть немного времени, пока ты еще что-то видишь, пока перед тобой все разом не померкло. Он представил себе, как у него будут развиваться катаракты. Сначала предметы станут расплываться, потом вокруг огней начнут образовываться радужные круги, дальше огни будут мало-помалу тускнеть, и так пока цвета не размажутся и не станут дымчатыми. Пройдет не один месяц, но так оно и будет.

А до тех пор он может посвятить все свое время скульптуре. Когда же в глазах все померкнет, можно будет работать на ощупь. Уж если Бетховен мог сочинять музыку после того, как оглох, если Мильтон^[23] мог писать после того, как ослеп, если Ренуар мог рисовать кистью, которую привязывали к его руке, значит, и он, потеряв зрение, сможет лепить из глины.

В последнюю неделю июля, когда Барни был снова на ногах и ему полегчало, Гэрсон сообщил ему новость: Макс Прагер хочет с ним повидаться.

– Сам-то он как?

– Схватил большую дозу, – сказал Гэрсон. – Думаю, долго не протянет.

– Зачем он хочет меня видеть?

– Полагаю, больше некого. Я навещал его пару раз – похоже, у него совсем нет друзей.

– Даже не знаю, что ему и сказать.

Помолчав какое-то время, Гэрсон сказал:

– Вы вините его за то, что случилось с вами и вашей женой?

– А кого мне еще винить?

– Вы же не вините себя за то, что заразили других?

– Это другое дело.

Барни не мог объяснить, почему это другое дело – по какой причине. Все, что он знал, так это то, что за случившимся стоит Прагер, строивший из себя героя, а они с Карен из-за него страдают.

– А вам не приходило в голову, что, если бы он не обезвредил те самые гранулы, уже погибла бы уйма народу?

Барни злило, что Гэрсон вынуждает его оправдываться.

– Конечно, приходило, но толку-то.

– В морской пехоте мы представили бы его к награде, – заметил Гэрсон, сняв очки и тщательно протерев стекла носовым платком. – Странно, до чего предсказуемы люди. Вы скульптор, художник, а ведете себя, как все, с кем мне доводилось общаться сотни раз в разных странах мира, – от горничных и простых рабочих до политиков и ученых. Когда вы обижаетесь на что-то, чего не в силах уразуметь, вам непременно хочется найти виноватого. Вы у меня первый художник. И я думал, вы не такой, как все.

– Послушайте, я сам болен. Получил ожоги, помните? И потом, ему что, станет легче, если он узнает, каково мне сейчас?

Однако через два дня Барни пошел. Слова Гэрсона заставили его задуматься о собственных ощущениях, и он постарался себя убедить, что Прагер ни в чем не виноват точно так же, как и они с Карен. И все же, стоило Барни подумать о Прагере, как у него напрягались мышцы плечей и рук и закипала кровь. Он всю жизнь ужасался взрывному нраву отца, и вот теперь сам ведет себя не лучше – чисто интуитивно, бессознательно, на мышечном уровне.

По дороге в отдельную палату к Прагеру, на четвертом этаже, Барни

заметил, что на третьем собрались люди – мужчины с цветами, коробками конфет и радостью в глазах. На табличке значилось: «Родильное отделение», и стрелка указывала направо. А ниже, рядом с огнетушителем, виднелась другая табличка – такие обычно висят на стенах зданий, лестничных площадках и в коридорах. Барни обратил на нее внимание, когда закрылась дверь лифта: он увидел стрелку под тремя треугольниками – оранжево-черным знаком, указывающим путь в радиационное убежище.

Он не был готов к тому, что на него произведут столь жуткое впечатление опухшее, красное лицо Прагера и его совершенно лысая голова.

Из одной его руки, покрытой волдырями и нарывами от страшных ожогов, торчала иголка с пластиковой трубкой, подсоединенной к перевернутому вверх дном флакону с какой-то бесцветной жидкостью. Другая рука и все тело были скрыты под простыней, натянутой на раму, – так, чтобы она не соприкасалась с телом.

– Барни... ты пришел... – проговорил Прагер свистящим голосом, едва шевеля губами, словно боялся, как бы у него на лице не растрескалась маска.

– Как ты, Макс?

– Х-хорошо... Вот только малость поджарился на солнышке. А ты неплохо выглядишь... Я... боялся... за тебя... и твою жену. Но вид у тебя прекрасный.

– Мы в полном порядке. Врачи нам почти ничего не говорят, но, думаю, когда симптомы пройдут, мы поправимся окончательно.

– Черт возьми... я рад... – тихо проговорил он. – Ты даже не знаешь, как часто я думал о вас... почему все так плохо... представлял себе, как вы, наверно, ненавидите меня.

– Не говори ерунду.

Но слова застряли у него в горле.

Прагер посмотрел на него задумчиво и, вздохнув, вздрогнул.

– Не думал я, что так наслезу. – Его голос зазвучал громче, и Барни показалось, что он, преодолевая боль, пытается все высказать как можно быстрее. – Не думал. Уж ты мне поверь. Простите меня... оба... пожалуйста. Не держи на меня зла, Барни...

– Ну да, мы так и думали, все вышло случайно. Чего уж тут прощать. В этом никто не виноват. Черт, Гэрсон сказал, что в морской пехоте тебе дали бы медаль за то, что ты сделал. И потом, разве я сам не наследил? Мы с Гэрсоном и его командой объездили всю округу и проверяли людей, которых я нечаянно заразил. Винить тут некого. И прощать не за что.

Прагер молча взглянул на Барни: глаза его лучились теплом. Не поворачивая головы, он отвел взгляд в сторону и уставился в потолок, словно не смея больше смотреть Барни в лицо. Он хранил молчание и только хрипло дышал.

– Врешь!

Барни не стал возражать. По выражению его лица и по услышанным словам Прагер понял, что тот все еще считает его виноватым. Старик был слишком близок к смерти, чтобы поверить в обратное.

– Прости, Макс. Хотелось бы соврать. Даже не знаю почему.

Барни хотелось, чтобы Прагер понял, через что ему пришлось пройти. Бред какой-то. Ему хотелось, чтобы Прагер простил его за то, что невозможно простить.

Но Прагер на него уже не смотрел.

– Я приду еще, – сказал Барни. – Тебе что-нибудь нужно?

Прагер ничего не ответил и все глядел в сторону, как будто Барни уже ушел. Барни задержался на мгновение, потом встал и стал ждать, когда Прагер обратит на него внимание.

– Пока, Макс! Я совсем запутался. Дай срок, и, может, я сам во всем разберусь.

Никакого внимания.

Барни, спотыкаясь на ходу, вышел из палаты, его лицо полыхало от замешательства и злости. По какому праву старик заставил его почувствовать себя виноватым? И почему он вдруг превратился в виновного? Ну и черт с ним! Прощение – это вам не возвращающаяся туда-сюда поливальная установка на лужайке. Хорошо рассуждать о христианском милосердии, да только прощение, облеченное в одни лишь слова, отдает нехорошим душком, если оно не исполнено искренности. И он не мог заставить себя проникнуться сочувствием к Прагеру только потому, что тот был при смерти. Ему бы этого очень хотелось, но, черт возьми, он чувствовал, как у него напряглись мышцы, и вполне осознанно старался держать ладони открытыми, чтобы они ненароком не сжались в кулаки. Будь Прагер его родным отцом, подумал Барни, он дал бы ему в морду, даже лежащему, потому что, когда ты не можешь постичь умом причину, породившую у тебя чувство вины, ты прибегаешь к физическим средствам, к тому же, в конце концов, он сам страдал ничуть не меньше Прагера.

По пути вниз лифт опять остановился на третьем этаже, в кабину зашел сияющий малый и предложил Барни сигару.

– Мальчик! – радостно проговорил он. – Восемь фунтов, две унции ^[24].

– Сочувствую, – бросил Барни, не обращая внимания на сигару, и со всей силы надавил на кнопку первого этажа, где помещался вестибюль.

Малый таращился на него с раскрытым ртом и сигарой в руке, застывшей в предлагающем жесте, и отозвался, лишь когда дверь лифта открылась в вестибюль:

– А что вдруг так?

Но Барни был уже на выходе – в проеме вращающейся двери.

Когда Карен стало лучше, Радиационный контроль отрядил к ней команду из трех человек. Старшим среди них был Джош Чемберлен, коренастый, средних лет мужчина с тяжелой одышкой, как будто дело, которое ему поручили, и впрямь было ему в тягость. Она так и не разглядела его глаза за линзами очков, а он держался спокойно и с чувством собственного достоинства, когда они приступили к своей «охоте на мусор»^[25].

Его помощники были моложе. Стэн, тот, что повыше (с колючим взглядом и настороженной ухмылкой), до войны играл в баскетбольной команде при колледже. А дегазатором, по его словам, он заделался еще в армии, потому как только так мог выбиться в люди. Марти был голубоглазый красавчик, впрочем, без тени смазливости; то и дело смеряя ее взглядом, он всякий раз искал встречи с ее глазами, и она тоже нет-нет да и посматривала на него, довольная тем, что еще способна привлечь к себе внимание молодого парня.

Джош Чемберлен намеревался побывать в супермаркете «Фуд-Райт» после закрытия. Они зашли в магазин после того, как его покинул последний покупатель, – при виде людей в белых комбинезонах с капюшонами управляющий и кассирши бросили свои подсчеты и стали таращиться на них во все глаза. Чемберлен объяснил, в чем дело, – управляющий воззрился на него с глупым видом.

– Что вы сказали? Радиоактивное – чего?..

– Не суть важно, – ответил Чемберлен. – Мы быстренько здесь все проверим и уйдем.

– Вообще-то говоря, я не имею права...

– Послушайте, если мы сейчас здесь не проведем проверку, придется звонить шерифу и требовать, чтобы он закрыл магазин. На карантин. Хотите?

– Нет, конечно, нет. Надеюсь... мы сами договоримся. – Он нервно усмехнулся. – Пока я не увидел миссис Старк, думал, что ваши молодцы собираются ограбить магазин. Эта экипировка...

Чемберлен кивнул.

– Что ж, бывает. Мы тут долго не задержимся.

Стэн с Марти, начав осмотр с противоположных концов магазина, сошлись в центре. Все было чисто, пока дозиметр у Стэна не защелкал возле одной из касс. Марти достал ватную палочку и провел ею между кнопками кассового аппарата. Кассирши, наблюдавшие за происходящим, всполошились не на шутку.

– Спокойно, девушки! – сказал Чемберлен. – Крохотная крапинка вроде этой большой угрозы не представляет. Одна из вас, должно быть, подцепила ее с банки или коробки, и, когда выбивала чек, та отцепилась и упала между кнопками аппарата. Но ничего страшного. Кто-нибудь из вас заметил у себя на пальцах ожоги? В общем, мы не знаем, как давно эта крапинка сюда попала, и если кто из вас обнаружил у себя ожоги или если кого будет тошнить в течение ближайших двух недель, свяжитесь с кем-нибудь из Службы радиационной безопасности в Центре. Там сообразят, как с вами быть.

Карен заметила на лицах девушек негодование. Ей хотелось им объяснить, что она такая же невинная свидетельница, как и они, но по их возмущенным лицам она поняла, что лучше придержать язык.

В химчистках Элджина, в магазине женского платья Хекшера, в соседнем «Кофейном уголке», равно как в других местах, которые они проверили за несколько следующих дней, ничего подозрительного обнаружено не было. Однако в салоне красоты «У Мартино» они все же наткнулись на радиоактивный след – им было помечено кресло, в котором Карен сидела, когда делала себе укладку.

Мистер Мартино и его сотрудницы пришли в ужас и не успокоились, пока Джош не объяснил им все так же, как сделал это в супермаркете. Взгляды, которыми они обдали Карен, были исполнены отвращения и злости, и это ее напугало.

Мистер Мартино, утирая себе лицо, запричитал:

– Моя дочь... она же беременна... она приходила сюда делать прическу и сидела в том же кресле, после миссис Старк. А вдруг она тоже заразилась?

– Мы пошлем кого-нибудь к ней домой, если дадите адрес, – заверил его Чемберлен. – Хотя маловероятно, чтобы...

– Боже мой! Боже мой! Что она наделала? Вдруг с моим внуком или внучкой что-нибудь случится? – Он воззрился на Карен. – Если с ними что-нибудь случится, я...

– Думайте, что говорите! – рявкнул Чемберлен. – Вы не вправе

обвинять ни миссис Старк, ни вашу дочь, если и она заразила кого-нибудь. Вы должны сказать спасибо миссис Старк за то, что она соблаговолила пойти с нами и проверить все эти заведения. Не многие соглашались нам помочь.

Но мистер Мартино и слышать ничего не хотел: он весь кипел от ненависти.

– Не смейте сюда больше приходить. Распространяйте вашу чертову заразу подальше отсюда.

Карен чувствовала, что вот-вот расплечется. У нее на глаза уже наворачивались слезы, но показывать слабость перед ним ей не хотелось. Она отвернулась и выбежала из салона.

По дороге домой Карен чувствовала себя глубоко подавленной и никак не отвечала на заверения Чемберлена, что ничего опасного ни в супермаркете, ни у Марино обнаружено не было и что, даже если кто-то и вступил в короткий контакт с радиоактивностью, ему это будет стоить самое большее ожога, который в конце концов заживет. Но она думала о другом. Не сегодня-завтра им вздумается провести актеров из труппы летнего театра. Они там, конечно, репетируют «Гедду Габлер» без нее, но ведь она была на самых первых репетициях и многие к ней прикасались – в особенности Дейл, когда пробовал заигрывать с нею за кулисами.

В тот вечер он набрался, зажал ее в углу, обхватил руками и попытался поцеловать. Он лапал ее, запустил руку ей под платье, полез под бюстгальтер, но она изловчилась и оттолкнула его. И вот, вспомнив, что следы радиоактивной пыли обнаружились у нее на груди, она подумала, что, если он подцепил от нее заразу и передал ее кому-нибудь еще – к примеру, своей жене или какой-нибудь другой женщине, к которой прикасался, и при мысли об этом ей сделалось не по себе.

Чемберлен сказал, что собирается проверить всех членов труппы и побывать у них дома, а потом провести дезактивацию в зрительном зале Муниципального колледжа, прежде чем там начнется следующая по расписанию репетиция. Он довольно неуклюже пытался убедить ее быть с ним начистоту.

– Это все равно как доверительность между врачом и пациентом, – уверял он. – Так что ничего не бойтесь и сообщите нам, с кем и где вы бывали еще. Люди порой боятся признаться, где или с кем они бывали, – хотят, чтобы это оставалось в тайне. Но обещаю, мы в Радиационном контроле обязуемся всецело оправдать ваше доверие.

– Вы на что намекаете?

– Ровным счетом ни на что. Но мы обязаны проверить каждый контакт.

– Значит, так же, как с теми, кто мог подхватить венерическую болезнь? Проверить все связи, как у какой-нибудь шлюхи, и установить, сколько человек она успела заразить?

Он был поражен и смущен.

– Ничего это не значит, – сказал он. – Опрашивать – моя работа. И ничего такого я не имел в виду.

– Надеюсь. Простите меня за подобный тон. От всего этого невольно чувствуешь себя виноватой и сгораешь от стыда только из-за того, что к кому-то прикоснулся. Ладно... вот вам верная наводка – Дейл Уэкслер, наш актер, наверняка что-нибудь подцепил... как-то вечером он пытался за мной приударить за кулисами.

Чемберлен кивнул и сделал себе пометку.

– Хорошо, об этом, как я сказал, никто не узнает. Вашему мужу мы тоже ничего не скажем.

– Черт бы вас побрал! Да мне без разницы, узнает он или нет. Мне нечего скрывать. Когда вы так говорите, я чувствую себя виноватой за то, чего не делала. Можете раструбить об этом по всем воскресным газетам, мне все равно.

Однако, когда они высадили Карен у ее дома, она чувствовала, что лицо у нее горит от стыда.

Карен собиралась сказать ему, что беременна еще до того, как поссорилась со своими родителями. Зная, что они вернулись из Калифорнии еще неделю назад, она, однако же, выразила приятное удивление, когда мать позвонила ей в субботу и предупредила, что они с отцом хотят провести ее сегодня вечером. Никаких обедов, заверила мать, мы только на минутку. И, как бы между прочим, она спросила, что значат все эти слухи насчет радиоактивности? Неужели?..

Никакой опасности нет, заверила ее Карен. Дом осмотрели самым тщательным образом. Радиоактивной пыли нет и в помине.

Когда она сообщила Барни, что они скоро приедут, он хватил кулаком одной руки по ладони другой.

– Боже мой, они в обход суда засылают к нам старика Брэдли, чтобы тот нас обработал. Решили договориться с нами через твоего папашу.

– Он никогда не пошел бы на такое.

– О, да неужели? Или, может, я ошибаюсь? Да он за милую душу упек бы нас в тюрьму, лишь бы поладить с «Нэшнл-Моторс». Если я не прав, охотно попрошу у него прощения. А сам я готов простить его за всех вдов и сирот, которых он уговорил пойти очертя голову на мировую с ними, откажись он выступать на их стороне против нас. Так ведь справедливо?

– Ты всегда имел зуб на моих.

– Неправда. Я всегда уважал твоего отца... он человек с положением, люди его уважают. Когда я порвал со своими, то по дурости понадеялся, вдруг он и в самом деле станет относиться ко мне как к родному, не то что мой отец.

Но Карен его едва слушала: на мгновение ей показалось, что у нее внутри что-то зашевелилось, и она поднесла руку к животу. Рановато для шевелений. И все же она этого ждала. Хотя вида пока не показывала. Теперь же, когда у нее прошли симптомы лучевой болезни – они оказались более легкими, чем у него, – она всего лишь спокойно ждала. Даже не верится. Тепло. Как будто пузырьки воздуха рвутся наружу. Ей хотелось, чтобы он тоже это знал и так же спокойно ждал вместе с нею, но, скажи она ему прямо сейчас и возникни между ними ссора, он может использовать ее

как повод не принимать ее родителей.

– Давай отложим этот разговор, – тихо предложила она. – Ты же не знаешь, зачем он хочет приехать и что собирается сказать. Так что не стоит горячиться загодя. Ложись и отдыхай, пока они не заявились.

Спокойствие, с которым она ушла от ссоры, приятно удивило его. Казалось, Карен стала увереннее в себе, хотя и скрывала это. Когда она села в кресло, Барни вдруг заметил, что она вернулась к жизни. Лицо помолодело, сыпи на шее как не бывало... но больше всего поражало спокойное, даже доброе выражение ее глаз.

– И что же сказала тебе мать? Может, происходит что-то, чего я не знаю?

Она нежно пожала его руку.

– Давай не будем сегодня ссориться. Я не хочу, чтобы они видели тебя слабым и измученным. Ложись и побереги силы.

Барни хотелось съязвить в ответ, но доброта Карен удержала его.

– И то верно. Поберегу голос на потом.

Наверху свет, косо пробивавшийся через окна спальни, резал ему глаза. Барни неуверенно шагнул вперед и задернул шторы. Лежа на спине в постели, он потянулся, тяжело вздохнул и попробовал угадать, что же она от него утаивает.

Его разбудил шум машины, остановившейся на въезде к дому. Барни с трудом сел, сиюсь совладать с головокружением и тошнотой. Они так мучили его, несмотря на короткие передышки, что он боялся спать. Цена пробуждения была ужасна. В темноте он нащупал ногами ботинки и заправил рубашку в брюки. Ему хотелось посмотреть, как Джейсон П. Брэдли переступит порог его дома, хотелось разглядеть в нем признаки страха и отвращения. Чета Брэдли станет их первыми гостями за последние три недели с лишним (с тех пор как к ним случайно заглянул ничего не подозревавший книжный торговец – он принялся распинаться о том, что каждой американской семье нужна энциклопедия из любви к детям, даже если их пока нет и они планируются в скором или отдаленном будущем, но Барни выставил его вон), и ему не терпелось увидеть их реакцию на случившееся. Он поднес руку к волосам, пригладил их назад и пожалел, что дал себе труд побриться. Ему хотелось выглядеть опустившимся. Ладно, пусть принимают таким, какой есть.

Когда Барни спустился, Карен была уже у двери – встречала у входа родителей. Джейсон П. Брэдли, высокий и сухопарый, несмотря на свои пятьдесят восемь, с волнистыми седыми волосами, держался важно, глядя на мир с высоты своего преуспевания. Барни видел его редко, и то издали –

на фоне книг, обшитых дубом стен и больших кожаных кресел в их доме в колониальном стиле. Он и сейчас выглядел так же, как всегда, словно притащил с собой ауру из книг и кожи.

Лаура Брэдли тоже выглядела неплохо: хотя она уже давно убрала морщины с шеи и подбородка – не без помощи пластической хирургии, на лице у нее было слишком много пудры и помады, как будто для того, чтобы ее было видно издалека. Она прибавила в весе, а когда сбросила на кресло платок, обнажились ее белые дряблые руки. И тем не менее от глаз Барни не ускользнуло, что Карен унаследовала от нее: черные волосы и зеленые глаза. Карен в свои пятьдесят наверняка выглядела бы точно так же, если бы жила той же беззаботной жизнью, что и ее мать.

Лаура Брэдли вошла осторожно, словно старалась не запачкать подол.

– О, солнышко мое родное! О, малышка моя, какой ужас тебе, наверно, пришлось пережить. Просто кошмар! Ты же не знаешь – когда Денис Энгстрем позвонил нам в Лос-Анджелес и рассказал, что случилось, мы чуть с ума не сошли. Джейсон рвался домой, но как раз тогда он занимался тем, что вводил того жалкого адвокатишку в курс дела по поводу всей этой кучи исков на компанию. Ужасный тип – под ногтями черное, ботинки вечно грязные, представляешь? Ну да ладно, теперь мы здесь. А вся эта новенькая мебель и шторы довольно милые. Должна сказать, мы искали твою сестрицу по последнему адресу, но ее уже простыл и след. А нового адреса она не оставила. Как сквозь землю провалилась – пропала бог весть куда. Уж очень не повезло ей с соседками – одна из них сказала нам, что она даже лежала в больнице. А когда вернулась за вещами, ее было не узнать. Ох, доченька моя! Та женщина сказала еще, что она обратилась в какую-то новую религию или что-то в этом роде. Представляешь? Наша Майра?

Барни хотел было сказать, что представляет, однако она тут же перешла на другую тему. Теща у него была такая шустрая.

– Ты должна рассказать нам все-все, – сказала она. – О, солнышко, у тебя такой усталый вид. Тебе больно? Джейсон, ты только посмотри!

Но Джейсон П. Брэдли смотрел на своего зятя. Подумав, он протянул ему руку. Барни почувствовал, какого усилия ему это стоило, и пришел в ярость.

– Лучше не надо, – проговорил он. – Радиоактивная пыль – штука непредсказуемая. Может быть где угодно. Так что не стоит рисковать.

– Какой ужас, Барни! – воскликнула Карен. – Не слушай его, папа. Наш дом проверили сверху донизу. Так что у нас все совершенно чисто.

– Если только они не занесли что-нибудь с улицы, – заметил Барни. –

Зараза гуляет по всему Элджину, да будет вам известно, и все благодаря таким, как я.

Отец Карен смотрел на него совершенно невозмутимо, хотя по его исполненному горечи тону прекрасно понимал – им здесь не рады. Лаура Брэдли старалась сохранять хладнокровие, но, несмотря на все старания, принялась нервно озираться по сторонам.

– Смех, да и только, и ты это знаешь, – сказала Карен, настойчиво приглашая мать в столовую. – Не слушайте его. Он же художник, вот у него и разыгралось воображение. Папа, давай я тебе налью чего-нибудь.

Ее отец охотно согласился, однако он не смог удержаться и сказал-таки зятю свое веское слово:

– Все это пошло тебе во вред даже больше, чем ты думаешь, Барни. Развязности и ехидства тебе и раньше было не занимать, но сейчас ты переплюнул самого себя. Сходил бы лучше к психиатру.

– Что ж, пока я не могу себе этого позволить, – усмехнулся Барни. – Но если «Нэшнл-Моторс» прислала вас сюда с каким-нибудь заманчивым предложением, может, я и...

– Барни!

– Все хорошо, солнышко, – сказал Брэдли. – Вам обоим пришлось пережить нелегкое испытание.

– И в вашей жалости нам нет нужды!

– Речь не о жалости.

– Да бросьте, папочка, вы же прибыли сюда не с дружеским визитом? Давайте начистоту. Вас послал Энгстрем, чтобы нас обработать, ведь так?

По смущенному лицу отца Карен все поняла.

– Папа!

– Энгстрем, да будет тебе известно, никуда меня не посылал. Он хотел прислать кого-нибудь другого. Но я сам вызвался с вами поговорить, потому что решил, пусть уж лучше вы услышите это от меня, чем от кого-то постороннего. Как бы то ни было, в ваших же интересах, да и в их тоже, поскорей все уладить.

Карен отвернулась, и Барни понял, что ей не по себе. Теперь-то уж она наверняка поняла – в этом мерзком городишке им совершенно не на кого положиться. Но ему очень хотелось, чтобы она знала – отныне они остались совсем одни.

– Ну конечно, – усмехнулся он, – им и нам очень даже выгодно уладить все по-быстрому. Так что там мистер Энгстрем говорил насчет разумного соглашения, созревшего у совета директоров? И что же, по их разумению, должно в конечном счете удовлетворить двух бедолаг, которые

подверглись радиационному облучению не по своей вине, а исключительно по их милости? Давайте поглядим... Итак, в физическом плане – болезнь, тошнота, чертова диарея, немоть. Вдобавок врачи говорят, что нас – ну, по крайней мере меня – ждет ухудшение зрения и в довершение всего катаракты. Вот на этом глазу у себя я обнаружил пятно. Это очень больно, когда слишком много света, и днем приходится зашторивать окна, поэтому у нас тусклое освещение, чтоб вы не удивлялись. Конечно, когда катаракты вполне себе созреют, придется лечь на операцию, правда, в таком обессиленном состоянии, как у меня, операция может...

– Она вряд ли так уж необходима, – заметил Брэдли.

– Да что вы! Как раз наоборот, необходима, смею вас уверить. Потому что нам надо прикинуть весь размер ущерба, прежде чем мы решимся пойти на какое-то разумное соглашение. А дальше лейкоз или рак костей – и такое возможно. Если я не буду особо переживать и перестану работать, то еще какое-то время протяну. Карен, понятно, тоже. А стало быть, поддержка нам еще как нужна. Не говоря уже о том, что теперь мы оба бесплодны и полноценной семьи нам, так уж выходит, не видать как своих ушей. В смысле – мы не сможем произвести на свет ребенка. И в какую же сумму прикажете нам оценить тот прискорбный факт, что отныне мы лишены всякого права иметь детей?

– Ну хорошо, хорошо! – Брэдли положил очки на стол. – Тебе определенно все это не по душе.

– Вам следовало бы завести детей до этого, – заметила Лаура, обращаясь к дочери. – Ведь я предупреждала, затягивать с детьми неразумно. Помнишь, я говорила?..

– Секундочку, дорогая, – настойчиво прервал ее Брэдли. – Я пытаюсь ему растолковать, что такое поведение ни к чему хорошему не приведет.

– А как, по-вашему, я должен себя вести?

– Это не только не облегчит ваше положение, а напротив, только все осложнит. Ты должен смотреть на вещи...

– Осложнит? О чем это вы?

– ...реалистично. Ведь ты не ребенок и не поденщик какой-нибудь. Ужасная трагедия оборвала твою карьеру, но ты же знаешь, что такое деловой мир. У обывателя складывается странное, чисто голливудское представление, будто бы у гигантских корпораций можно отсудить громадные денежные суммы. И это расхожее заблуждение. Но ты же не глупый малый.

– Неужели?

– И наверное, знаешь, что они, к примеру, могут откладывать

рассмотрение обязательственных исков лет на десять-пятнадцать, раз за разом, и у тебя не будет никаких шансов выиграть дело, когда оно дойдет до суда.

– Да, знаю. Свидетели умирают, а материалы дела и доказательства куда-то пропадают. – Он торжествующе улыбнулся Карен. – Брэдли обрабатывает нас. Ты только посмотри, как твой отец старается.

Брэдли казался невозмутимым.

– Ты не первый год в «Нэшнл-Моторс» и знаешь – тот, кто идет на сотрудничество с компанией, в итоге выигрывает.

Но Барни наблюдал за Карен. По мере того как ее отец говорил, она, видимо, все больше отдалялась от него. Как будто видела его в первый раз, и не в домашней обстановке или на какой-нибудь вечеринке, а на арене с окровавленным мечом.

– Так поведайте, что там ждет нас в итоге, – сказал он. – Нам не терпится послушать. Правда, дорогая?

Карен отвернулась. Ее отец понял, что происходит.

– Думаю, лучше отложить этот разговор. Может, даже стоит поговорить с вашим адвокатом.

– О нет, папочка, – спохватился Барни. – Говорите-говорите, пожалуйста. Шутки в сторону. Иногда я и впрямь становлюсь хамоватым – это все от боли и тошноты.

– Нам лучше уйти, – сказал Брэдли. – Ясное дело, не надо было сюда приезжать.

– Папа, это правда, что они прислали тебя уговорить нас пойти с ними на мировую?

Джейсон Брэдли хмуро посмотрел на дочь.

– Я позволю себе не отвечать на твой вопрос. Идем, Лаура.

Лаура Брэдли, кажется, вздохнула с облегчением. Завернулась в шаль и вскинула подведенные брови.

– По правде, я поражаюсь вашему поведению. Что же касается лично вас, молодой человек, вы, похоже, совсем потеряли уважение к родителям своей жены. В конце концов, мой муж старался для вас.

Барни, прислонясь к стене, вертел в руках бокал. Он с трудом скрывал удовольствие, видя, что старик задет за живое, да еще как.

– Нет, я не забыл, что он пристроил меня на работу благодаря своим связям. Но ведь я, по-моему, уже тысячу раз расплатился с ним за эту услугу.

Брэдли повернулся, направляясь к выходу, но Барни его удержал.

– Пока вы еще здесь, может, все-таки скажете, что же, в конце концов,

они там, в компании, собираются нам предложить? Вы же приехали не просто так, в гости. Мы хорошенько все обдумаем и дадим вам ответ.

– Да, папа, что они предлагают, на самом деле? Может, что-нибудь такое, что позволит нам жить-поживать, не зная ни забот, ни хлопот?

– Дорогая, ты же не думаешь...

– Скажи, что они предлагают, – прошептала она, – и хватит строить из себя *радетеля*.

На полпути к двери – его жена уже переступила через порог – Брэдли обернулся.

– Они намерены поступить на редкость благородно. Я много думал о вашем недостатке. За отсутствием доказательств халатности...

– Значит, они купили всех лаборантов.

– ... что было засвидетельствовано независимыми экспертами-испытателями.

– Стало быть, доказательства Радиационного контроля в расчет не принимаются. Ведь это они поставляют изотопы.

– Ты что, собираешься поставить все на карту ради того, чтобы докопаться до истины? Подумай о Карен.

– Убирайся! – дрожащим голосом проговорила Карен. – И больше не приезжай. Никогда.

– Погодите! – вступился Барни, кладя руку ей на плечо. – Давай послушаем их предложение. Наверно, мы поспешили. В конце концов, он мог уговорить их пойти на честную сделку.

– Барни, я не желаю...

– Тшш! Говорите, папочка.

Брэдли помедлил, потом пожал плечами.

– Позавчера совет директоров обсуждал положение дел на особом совещании. Их юристы все тщательно рассмотрели, и меня уполномочили предложить вам... – слова давались ему с трудом... – пятьдесят тысяч долларов.

– Пятьдесят?

– Каждому. Каждый из вас получит по пятьдесят тысяч.

– А мы готовим иск на пятьсот тысяч. Так вот почему вы заявили прямоком сюда, а не к нашему адвокату. Передайте вашим друзьям в «Нэшнл-Моторс», что хоть мы и хватили радиации, но из ума еще не выжили. Скажите им, что за сотню тысяч нас не купишь...

– Подожди, Барни. Ведь он сказал про пятьдесят тысяч. А не сто. Пятьдесят мне и пятьдесят тебе, к тому же, думаю, они включили сюда и пятьдесят тысяч за ребенка.

Поначалу Барни решил, что она просто разделяет его гнев, судя по тому, что у нее дрожал подбородок, а на глаза навернулись слезы.

– Я хотела тебе все рассказать при первом же удобном случае. У нас будет ребенок, нам надо думать о будущем, и на такое соглашение мы пойти не можем. Ребенок может родиться с пороками развития. Может, ему понадобится пожизненная опека. И кто будет ее оплачивать, если мы согласимся на такую мизерную сделку? О нет, им придется убедить присяжных. К тому же, думаю, ты не станешь возражать, что наш адвокат сумеет вызвать сочувствие у судей.

Не успел ее отец проронить и слова, как она уже взбежала вверх по лестнице.

– А теперь оставь нас. Нам не нужна твоя помощь. Я никого из вас больше не хочу видеть.

Она хлопнула дверью в спальню наверху, и грохот эхом разлетелся по всему дому.

– Надо было сказать нам раньше, – проговорил Брэдли. – Я же ничего не знал.

– Я тоже, – вторил ему Барни.

– Это меняет дело. Ты должен с ней поговорить.

– По-моему, на сегодня с нее хватит.

Придерживая дверь, Барни наблюдал, как они неспешно бредут к своей машине. Они оставили ее у обочины с другой стороны улицы, решив не заезжать на двойную подъездную дорожку, как делали обычно. Поступь у них была медленная, усталая; голова и плечи у Брэдли поникли – от прежней надменной осанки, какая была у него, когда он только вошел в дом, не осталось и следа.

Когда они уехали, Барни поднялся наверх – все обсудить.

– Не сегодня, – всхлипнула Карен. – Слишком много было сказано за один вечер. Не хочу ни о чем думать. Давай ложиться. Я просто хочу лечь спать.

Но заснуть они не могли – ни она, ни он. Перед тем она напичкала себя снотворным, и ночь превратилась для нее в калейдоскоп кошмарных видений – кружение в мрачном тоннеле, кишасщем мерцающими призраками с когтистыми лапами, непомерно огромными головами, выпученными глазищами и чешуйчатой кожей, и все они злобствовали на нее за то, что она родила их такими уродами.

Барни крутился и ворочался, пока за шторами не забрезжил серый рассвет. В конце концов, отказавшись от дальнейших попыток заснуть, он спустился вниз заварить себе кофе. Значит, она не шутила насчет

беременности. Но почему сейчас, когда сама мысль об этом казалась издевательством? Разве она имеет хоть мало-мальское представление о том, как радиация воздействует на плод? Затем, вспомнив склонность доктора Лероя к прямоте, он решил, что она знает, чего можно ждать.

Понятно, ей не хотелось сообщать эту новость таким вот образом. И все же было здорово посмотреть на изумленные лица четы Брэдли.

Когда Карен спустилась вниз, вид у нее был измученный и бледный. Барни разглядывал ее фигуру, когда она ставила себе на стол чашку с блюдцем. А по ней и не скажешь. Да, она раздалась в талии и груди у нее округлились. Какой же он был дурак, что раньше ничего не замечал! Он думал только о том, что творится с его собственным здоровьем, а на то, что происходит с нею, не обращал внимания.

– Значит, через три месяца я наконец-то стану счастливым папочкой.

Не глядя на него, она вставила пару ломтиков хлеба в тостер.

– Выходит, тебя тошнило не из-за радиации, как я думал, а на самом деле из-за этого самого.

– Нет, Барни, не только из-за радиации. А из-за того и другого. И тошнило меня не так чтоб уж очень. По-моему, беременность каким-то странным образом помогла мне справиться с этими симптомами.

– Когда это будет? Или тоже секрет?

– В конце декабря, – спокойно сказала она, не желая рассердить ни его, ни себя. Ей было стыдно, что она ошеломила родителей столь неподобающим образом.

– И кто же отец?

Не успел он спросить, как тотчас пожалел.

– Прости, глупость сморозил.

– Да уж.

– Но скрывать от меня такое дело было не меньшей глупостью. Ты же давно все знала.

Карен пригубила кофе.

– Точно узнала только месяц назад. Доктор Лерой надеялся, что я расскажу тебе сразу, но мне хотелось сперва самой хорошенько все обдумать. И решить для себя – рожать или нет.

– Но почему мне-то ничего не сказали?

Еще неделю назад он выложил бы ей все начистоту, но теперь, учитывая ее страхи и смятение, ему следовало вести себя поделикатнее. Сейчас обидеть ее – раз плюнуть.

Со вздохом у нее сковало дрожью мышцы горла.

– Не хочу пока, чтобы на меня давили. Сначала мне нужно понять,

чего я хочу сама, то есть на самом деле. Не то чтобы я должна чего-то хотеть, ожидать или о чем-то догадаться. Я хочу понять, чего хочет все мое существо, что со мной было и что будет. Если я это пойму и приму, то, чего бы там ни случилось, все будет в порядке.

– Ты ждешь какого-то знака?

– Внутреннего. Изнутри себя. Я думала, это может произойти во сне, но мне снятся только кошмары. Когда я была девчонкой, засыпала прямо на ходу. Несмотря на все неприятности и страхи, я ложилась спать и во сне видела эльфов и фей, и они подсказывали мне, что нужно делать. Знаешь ты или нет, а ведь они водили меня к психиатру из-за того, что я так много спала. И вот той сказки больше нет. А есть только жуть. – Она смущенно посмотрела на Барни. – Раньше я никому этого не рассказывала. По правде сказать, мы с тобой никогда не откровенничали меж собой.

– Не хватало времени.

– Нет, не поэтому. Просто всегда что-то мешало. Если честно, между нами и близости-то никогда не было. Потом, я стеснялась. И если б не эта авария, ты поднял бы меня на смех.

Он взял ее за руку, и она прильнула к его ладони.

– Я боюсь, Барни. А чего – точно не знаю.

И тут глаза у нее распахнулись от удивления.

– Что с тобой?

– У меня появилось странное чувство.

Он приблизился к тому месту, где она сидела.

– Ты вся в напряжении.

– Нет. Внутри меня как будто бьют крылья. Это малыш.

– Может, показалось? Когда ты стала это чувствовать?

– На четвертом или пятом месяце. Это называется первыми признаками шевеления плода. Мне страшно, Барни.

– Может, ничего страшного. Просто у тебя разыгралось воображение. Ты мало спишь, а после вчерашнего неприятного разговора...

Представив себе живое существо внутри нее, он испугался. Надо что-то делать – но что? Страх заставил его осознать, что он человек взрослый, и тем не менее все это казалось ему довольно странным. Почему он так мало знает о беременности и родах?

– В твоем положении это может быть все что угодно – газы или... что с тобой?

Карен поднесла руку к губам.

– Надо решаться, – проговорила она, тяжело вздохнув. – Внутри меня что-то живое, и оно растет, а я не знаю, что делать. – Она встала и

направилась в гостиную. Он двинулся было следом за нею, но она удержала его. – Я хочу побыть одна. Пожалуйста, Барни, мне нужно подумать.

Он стал возражать, но, увидев решимость на ее лице, сдался.

– Ладно. Если понадобится, я буду внизу.

Спустившись в мастерскую, Барни сорвал влажное покрывало с Венеры. Теперь он видел разницу. Конечно, Карен прибавила в весе. Груды стали больше, чем были, когда он только начал ее лепить. Он прикоснулся к ее плечам. И кто же это – Карен или Майра? Теперь он терялся в догадках. Если ему удалось соединить их в одном целом, значит, на самом деле получилась ни та и ни другая, а совершенно новая женщина. Если же не удалось, значит, ничего не попишешь.

Ему не хотелось, чтобы она рожала. У них и без ребенка проблем было выше крыши. А бороться со всем белым светом у него не было сил. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое, чтобы он мог превозмочь боль, если дело его и впрямь табак. Все советы врачей сводились к одному. Не перетруждайтесь, больше отдыхайте, не нервничайте. С самого начала ему очень хотелось ребенка – теперь же все наоборот.

* * *

Сидя на диване, Карен смотрела, как детишки играют на лужайке через улицу, и размышляла, о чем сейчас думает Барни. Он уже не хочет ребенка – это ясно как день, но что бы он сказал, если бы ребенок все же родился? Сейчас, после того как она поговорила с разными людьми, ей впервые подумалось, что такое возможно. Надо было решаться прежде, чем об этом еще кто-то узнает. И как ее мать почувствовала, что она должна родить? Лаура Брэдли любила себя больше всего на свете, и видеть, как портится ее фигура – сначала из-за Майры, а потом из-за Карен, наверное, было для нее совершенно невыносимо. Но, как бы там ни было, она подарила своему мужу двух здоровеньких дочурок.

Утешением ей всю жизнь служил один непреложный факт, касавшийся ее семьи. Люди приезжали в Эджин и уезжали, рассеивая свое потомство по белу свету, дома строились и сносились, но для трех поколений Брэдли здесь находился их родной дом. Она была привязана к этому месту – здесь же должен родиться и вырасти ее ребенок.

Карен встала и направилась к двери, что вела в мастерскую.

– Барни!

– Спускайся сюда.

Карен спустилась и увидела, как он работает над Венерой – добавляет глины, увеличивая ей грудь и талию.

– Не чересчур ли?

– Ты все решила, – проговорил он.

– Я хочу ребенка.

Барни отложил стек^[26] и вытер руки полотенцем.

– Не надо скоропалительных решений. Давай все обсудим.

– У меня это единственная возможность иметь собственного ребенка.

Он уже здесь – растет внутри меня.

– И вырастет уродом.

Карен отвернулась, и Барни пожалел, что это сказал.

– Я должна воспользоваться такой возможностью, – прошептала Карен. Она присела на край стула и напрягла спину, силясь сдержать дрожь. – Он существует, что ни говори. Он мой, каким бы ни был, и я буду его любить.

– А я не обещаю.

– Я этого и не жду.

Говоря эти слова, Барни добавил глины в область живота и принялся быстро обрабатывать глиняную массу, округляя скульптуре живот, отчего он сделался даже больше, чем у Карен.

Она усмехнулась.

– У меня же не такой большой.

– Вижу, – вполне серьезно согласился он, – но теперь ты кажешься мне именно такой. А я леплю все так, как себе представляю.

– В таком случае я больше не желаю ее видеть, – сказала она и, повернувшись, направилась к лестнице.

Он уродовал свою Венеру – превращал в какой-то невразумительный образ, и все из-за нее.

– Оно и понятно. Ты же не хочешь смотреть правде в глаза. Тебе подавай твой сказочный мирок. Ты думаешь, твоя жизнь изменится...

– Наша жизнь. Говорят, младенец привлекает удачу.

– За такую цену мне и целый мир без надобности.

– Ты что же, так и собираешься прожить всю жизнь здесь, в своем мирке незаконченных вещей?

– Это несправедливо. Ты же прекрасно знаешь, было время, когда я умел все заканчивать. Но тогда для меня было важнее ощущать глину и наблюдать, как она обретает перед глазами ту форму, какую ты увидел мысленно. Тогда я жил радостным предвкушением конечного результата, а

сам результат меня совсем не беспокоил. Самым главным для меня было работать с глиной, чувствовать, как она во что-то превращается – обретает некую форму в моих руках. А результат должен был получиться сам собой – о нем я не думал, и это меня никогда не беспокоило. Я все так же спускаюсь сюда лепить потому, что привык работать руками. Возможно, это внутреннее побуждение – возиться с глиной, придавать ей ту или иную форму, хотя я знаю, в конечном счете из этого ничего не получится, потому что я стал слишком требовательным, слишком придирчивым к себе.

– Ты же всегда говорил, что не тебе судить свою работу, что твое дело – творить, а оценивать, хорошо это или плохо, – удел всех остальных.

Барни сказал со смехом:

– Звучит как поучение неоперившегося художника. По молодости ты придумываешь себе кучу правил, даешь себе и другим мудрые советы, как жить. Но художник вправе пренебрегать оценками, если он постиг суть разницы между хорошим и плохим, правильным и ложным. Нет, мне все так же необходимо ощущать глину. Я должен работать. Хотя работа мне уже давно не в радость, я, по крайней мере, все еще могу работать. Человек может всю жизнь заниматься делами и похуже.

– Ну хорошо, я не скульптор. Я всего лишь женщина и собираюсь жить в обществе людей.

– Твоя воля. – Он добавил немного глины на щеку Венеры, придавая выражению ее лица больше решимости, – скорее, как у нынешней Карен, нежели у ее сестры. – Это же твоя жизнь.

– Часть ее. Остальное – твоя. – Она двинулась вверх по лестнице. – Пойду готовить обед. Проголодаешься – поднимайся.

Когда Карен ушла, Барни почувствовал себя опустошенным. Он сел и несколько минут разглядывал форму напротив. Потом смочил в раковине покрывало, накрыл им скульптуру и медленно пошел наверх.

Комиссия по атомной энергии объявила о начале расследования почти через три месяца после аварии. Заметка затерялась среди более важных объявлений на страницах *«Элджин-Сити Ньюс»* и *«Дейли Пресс»*. В обеих газетах приведены одинаковые сообщения:

Элджин, 20 августа (срочно). Комиссия по атомной энергии завершила расследование аварии в “Нэшнл-Моторс”, повлекшей за собой распространение радиоактивной пыли в городе Элджин. Как сообщил сегодня на пресс-конференции директор Службы радиационной безопасности доктор Эдгар Макмаон, утечка радиоактивного вещества произошла в результате разрушения дефектной гранулы иридия-192.

Во время аварии радиоактивное вещество незаметно проникло из “горячей” лаборатории через трубопровод вентилятора в небольшой соседний кабинет, где она попала на обувь старшего лаборанта Макса Прагера, который перенес ее в автомобиль Барни Старка, скульптора, изготовителя глиняных моделей из Отдела художественного конструирования.

Позже мистер Старк перенес пыль из своего автомобиля к себе домой, распространив ее и по всему городу.

В течение последнего месяца сотрудники Службы радиационной гигиены вместе с работниками Службы радиационного контроля из Огайо произвели дезактивацию в различных местах Элджина, Хамтрампа и центральной части Детройта. Хотя специалисты все еще работают в Элджине, начальник выездных бригад Луис М. Гэрсон заверил журналистов, что большая часть радиоактивного вещества уже удалена.

Мистер Энгстрем из Научно-технического и опытно-конструкторного центра и Э. М. Дженселл из КАЭ в совместном заявлении объяснили, что подробности аварии скрываются для того, чтобы обеспечить Службе радиационного контроля возможность работать беспрепятственно, что было бы весьма затруднительно в случае, если бы вышеупомянутые подробности были оглашены преждевременно. Мэр Финни заверяет жителей Элджина в том, что в настоящее время общественной безопасности больше ничто не угрожает».

Барни не был готов к тому, что после публикации этих новостей город охватит массовая истерия. Телефон начал трезвонить спозаранку, и им с Карен приходилось по очереди отсылать всех звонивших в справочную Службы радиационного контроля. Однажды августовским утром, обещавшим, по заверениям Мичиганской торговой палаты, погожие выходные, местные радио- и телевизионные ведущие объявили, что телефонные линии по всему городу перегружены: телефоны обрывались в редакциях газет, городском Отделе здравоохранения, мэрии, Торговой палате, Службе парковки – у всех, кто мог располагать хоть какими-то сведениями об аварии или дать полезный совет.

«Скажите, куда обратиться за лечением или что мне делать? Я сидел в автобусе рядом с парнем, который, насколько мне известно, работает в “Нэшнл-Моторс”...»

«Послушайте, я пытаюсь дозвониться битый час. В конце прошлой недели я проезжал мимо Центра, и мне хотелось бы знать... Так вот, у меня вдруг случилась перегрузка аккумуляторной батареи, хотя ничего подобного у меня раньше не было. Где мне выяснить, попала эта гадость в мою машину или нет? Может, я подцепил ее колесами или чем еще...»

«Я точно знаю. Мы гостили у Боба Халлека, а его родственник работает в “Нэшнл-Моторс”. И теперь вот у меня болит грудь. Причем обе. Как будто в меня воткнули радиоактивные иголки...»

«Но ведь это срочно. У меня есть совершенно секретная информация. Это все происки коммунистических агентов – они гонятся за мной уже целый год...»

Какой-то домохозяйшке хотелось узнать, не опасно ли ей теперь прикасаться к наружному подоконнику. Какой-то отпускник осведомлялся, не заражены ли озера в округе. У какой-то дамы собака стала вести себя странно. Может, она подцепила радиацию от других собак? Это все из-за радиации, спрашивал какой-то фермер, стоит такая погода – не по сезону?

Десятки звонков поступали из соседних городов: люди справлялись о возможном «выпадении» у них. (Один мужчина, звонивший по параллельному телефону из своего бомбоубежища, где он затаился с женой, тещей, четырьмя детьми и винтовкой, чтобы отгонять непрошенных гостей, желал знать, будет ли объявлено, что опасность миновала и можно выбираться на свет божий.)

Каждый, кто был знаком с сотрудниками Научно-технического и опытно-конструкторского центра, а также Отдела художественного конструирования или кто лично знал Старков и видел, как к ним приезжают автофургоны Службы радиационного контроля, теперь считали своим долгом позвонить им домой и выразить свое соболезнование по поводу случившегося. Ну как вы там?.. И что, по-вашему, будет дальше?.. И надо ли чем-нибудь помочь?.. И – ну да – вот еще что. Глупость, конечно, но мы были у вас дома месяца два назад, – помните? – так, может... Понимаете, у нас же дети и мы сидим как на иголках – что, если... ну, вы, конечно, понимаете...

Да, конечно. И единственное, что остается, так это обратиться в Отдел здравоохранения или Радиационный контроль и обследоваться. Следы радиоактивности большей частью удалены, и в КАЭ заверили, что вряд ли кто-то из посторонних, кого не обследовали, мог подвергнуться серьезному

заражению. А мэр выступил с обращением к горожанам, в котором призвал всех вести себя примерно, сохранять спокойствие, не обращать внимания на неправомерные заявления от неуполномоченных граждан и пресекать всяческое распространение панических слухов. Так что самое лучшее – пройти обследование. Быстрый медицинский осмотр, и только. Да, это безболезненно. Нет, совершенно бесплатно.

Радиационный контроль оборудовал в Элджине с полдюжины пунктов осмотра и призывает всех звонивших посетить означенные пункты и пройти обследование в ближайший же день. Накануне ночью начали ставить ограждения. К шести утра они опоясали зараженный квартал и охватили несколько соседних. На Главной улице образовалась дорожная пробка – и автомобили разворачивали на площади Нэшнл-Моторс. Распространялись листовки с резолюцией, выпущенной накануне Муниципальным советом Детройта и призывавшей во всем довериться Комиссии по атомной энергии, Радиационному контролю и «Нэшнл-Моторс».

Однако, невзирая на все успокаивающие заверения, без паники все же не обошлось.

Отдыхающие из приозерных коттеджей, вынужденные задерживаться довольно надолго, чтобы пройти осмотр, в конце концов спешно сворачивались и уезжали восвояси. Даже после того, как выяснялось, что у них все «чисто», они все равно боялись общаться с кем бы то ни было из местных.

Вокруг имевшихся в продаже счетчиков Гейгера возник небывалый ажиотаж. (Хотя Ассоциация по поддержке прав потребителей в Детройте предупреждала, что некоторые недобросовестные производители наладили многотысячные поставки устаревших или бракованных счетчиков Гейгера, причем по чрезмерно завышенным ценам, люди считали так: лучше иметь хоть что-нибудь, что щелкает, чем не иметь ничего. Счетчик стал своего рода талисманом.) Состоятельные жители Элджина возмущались: что это еще за радиоактивность, против которой бесполезны их дорожные противорадиационные убежища и меры гражданской обороны. Никакие воющие сирены не предупреждали о том, что кто-то разносит радиоактивную пыль на своей одежде.

На Уинн-стрит, в центре города, после того как кто-то к кому-то слегка прикоснулся, возникла потасовка. Люди перестали пожимать друг другу руки, на улицах появились лица в медицинских масках. Поначалу гнев горожан был направлен против «Нэшнл-Моторс» – каждое утро Научно-технический и опытно-конструкторский центр подвергался варварскому

разрушению: там выбивали окна, стены разрисовывали непристойностями, на подъездные пути и в искусственный пруд посреди территории сваливали мусор. Когда вандалы дошли до крайности, «Нэшнл-Моторс» объявила о консервации Центра. Все исследования переносились в лаборатории Хейзел-Парка^[27] и университет Восточного Мичигана. Тогда жители Элджина нашли себе новую жертву. Добраться до Макса Прагера оказалось несподручно – тогда кто-то вспомнил, что радиоактивную заразу разнесли по городу Старки и они все еще в городе.

Однажды вечером у них в гостиную разбили камнем окно и чуть не заделли Карен. Осколком стекла Барни порезало лоб. Он выскочил на улицу – и увидел только фары уезжающей прочь машины. Когда машина проезжала мимо уличного фонаря, он заметил в ней людей, сидевших сзади и спереди, однако номера машины не разглядел.

– Это не дети какие-нибудь, – крикнул он, – а вполне себе взрослые.

Его душила ярость. Хотелось схватить кого-нибудь за горло. Он до того разозлился, что готов был убить любого, но не сразу – из пистолета или ножом, – а забить так, чтобы смерть была мучительной. Он хватил кулаком по дверному косяку – сперва одной рукой, потом другой и молотил до тех пор, пока не отступил и не повалился обратно на диван.

Карен увидела, что к камню привязана записка. «Убирайтесь прочь из Элджина, – прочла она, – иначе мы вас спалим».

– Этого я и боялся, – прошептал Барни. – Они не отстанут, пока мы не уедем.

Через неделю к ним в окно угодил еще один камень, а потом их дом дважды пытались поджечь. После второй попытки мэр, Финни, сообщил им, что отдал распоряжение начальнику полиции, чтобы тот приставил к их дому охрану в форме. Это всего лишь временная мера, извинился мэр, пока все не уляжется. Он думал, Старки, рано или поздно, продадут дом и уедут из города, как другие сотрудники Научного центра.

– Мы не можем, – сказал ему Барни, – во всяком случае, пока не решится наше дело.

Мэр Финни кивнул, изобразив лучшую из своих предвыборных улыбок – с полуприкрытыми веками, как будто он счастливо кивал кому-то во сне.

– Слышал, компания предложила вам неплохую сделку. Думаю, вы будете рады поскорей выбраться из этой передраги.

– Не знаю, что вы там слышали, – сказал Барни, – только нам они предложили всего ничего. Мы с радостью продали бы дом и уехали отсюда сегодня же, но адвокат посоветовал нам не торопиться.

Барни показалось, что мэр того и гляди заснет на диване с застывшей на лице улыбкой, но тот фыркнул и поджал свои пухлые губы.

– Я слышал от зятя мистера Энгстрема, что вы, ребята, пытаетесь сорвать изрядный куш на этом деле и вам плевать, что по решению суда Центр могут прикрыть и куча здешнего народа может оказаться на улице.

– Что за ерунда!

– Такие ходят слухи. Поговаривают даже, будто Центр может переехать на юг, куда уже перебрались и другие компании.

– Да бросьте, вы не хуже меня знаете, что все это чушь. Центр откроют сразу, как только утихнет вся эта шумиха.

– Так-то оно так, да только многие беспокоятся о своей зарплате и считают, что за ее потерю в ответе вы, хоть и отчасти. По-моему, вы совершаете большую ошибку, не желая продать дом и убраться куда-нибудь в другое место.

– На прошлой неделе мы разговаривали с агентом по продаже недвижимости.

Финни снова кивнул. Он слышал и об этом. Очевидно, у мэрии налажена прямая связь с каждым агентом по продаже недвижимости в Эдджине. Город Эдджин славился тем, что вел учет всех потенциальных приобретателей недвижимости, в точности как в Гросс-Пойнте^[28], где действовала хорошо отлаженная «Пойнтская система» учета и контроля недвижимости, так что любая сделка изучалась здесь чуть ли не под микроскопом мэра, достославнее которого в Эдджине еще никогда не было.

– В таком случае, – недовольно проговорил Барни, – вам должно быть известно и другое: агент сообщил нам, что покупать наш дом никто не желает, поскольку люди боятся, что он все еще радиоактивный.

– Ну, это не совсем то, что слышал я. Лестер Парксон сказал мне, что выставил этот дом по справедливой, хоть и несколько заниженной цене, учитывая сложившиеся обстоятельства. – Он огляделся кругом с одобрительным видом, как бы по достоинству оценивая заботу хозяев о своем доме.

– По справедливой цене? – Барни понимал, что следует держать себя в руках, ведь он разговаривает с самым влиятельным человеком в городе. Но внутри у него все кипело – ему хотелось размазать эту сонливую улыбку по его роже, увидеть, как эта улыбка сменится изумлением, яростью, болью, как слетит маска с этого обрюзгшего лица с глазами-буравчиками. – Двадцать тысяч долларов, по-вашему, справедливо? Да у нас одна только закладная на пятьдесят тысяч. Мы в долгах по гроб жизни.

– Что же, по вашим словам, вы понесли ущерб вследствие

радиоактивного заражения. И компания предлагает вам заключить с ней хорошее, выгодное соглашение.

Впервые брови у него пошли вверх, а улыбка была готова исчезнуть, но Финни в конце концов только пожал плечами.

– Что ж, это ваше... решение (Барни подумал, что он хотел сказать «роковое»), хотя не думаю, что вы поступаете разумно. Начальник полиции Боннард пришлет к вам полицейского, и тот будет дежурить здесь круглосуточно – по крайней мере, несколько дней, – а за это время, возможно, все уляжется. Но вы должны иметь в виду – в дальнейшем он не сможет охранять вас постоянно. Штат полицейских в Элдджине не очень большой.

– Я попрошу у него разрешение на оружие.

Мысль была дурацкая, тем более что Барни никогда не посмел бы им воспользоваться, – он просто бравировал.

– Нет. Даже не думайте, что начальник полиции пойдет на такое, – сказал Финни. – Нам вовсе не нужно, чтобы какой-то парень, обиженный на всех и вся, разгуливал по городу с заряженным пистолетом. Полагаю, это ни к чему. Мы сыты этим по горло со времен массовых беспорядков.

После ухода Финни Барни позвонил начальнику полиции и выяснил, что выдать ему разрешение на ношение пистолета, как и предупреждал Финни, означало бы способствовать нарушению общественного спокойствия.

Невзирая на протесты Карен, Барни отправился в магазин спортивных товаров – в центре Детройта, где его никто не знал, и купил двуствольный дробовик, а также пару коробок с патронами. Он не охотился ни разу в жизни – и в последние дни несколько раз выезжал в лес, чтобы потренироваться в стрельбе по деревьям и жестянкам, благо частенько видел такое в вестернах, и тренировался до тех пор, пока не почувствовал, что в случае необходимости сможет запросто управиться с дробовиком.

– Все образуется, когда уляжется паника, – уверяла его Карен, – и когда снова откроется Центр. Через две-три недели люди и думать забудут об этом.

Однако Верн, хозяин автозаправки, где они покупали бензин и масло, попросил их впредь заправляться на другой станции, потому что он теряет своих постоянных клиентов, которые боятся, что радиоактивная зараза попала из новой машины Старков на бензонасос. Барни начал было с ним спорить, и малый согласился, что никакой беды нет, но клиенты, заметил он, народ далеко не всегда здравомыслящий. И пока люди боятся подцепить заразу, они будут шарахаться от его заправки как черт от ладана, а у него, в

конце концов, четверо детишек и на подходе пятый. Барни швырнул деньги ему в лицо.

Заведя машину, он так сильно сжал руль, что Карен подумала, уж не решил ли он дать по газам и сбить парня. Она коснулась руки мужа – он бросил на нее дикий взгляд и медленно двинулся обратно домой.

То же самое было в супермаркете «Фуд-Райт»: мистер Харкнесс посоветовал им отныне делать покупки в другом месте, – а потом и в молочной Нортон отказались доставлять молоко к ним домой. Вслед за тем им позвонил разносчик газет – он извинился и сказал, что другие его клиенты боятся, как бы он не подхватил радиоактивную пыль на веранде у Старков, если будет подходить к их двери и брать с них еженедельную плату. Он готов бросать газеты им на лестницу с велосипеда, как делал всегда, – но согласны ли они раз в неделю посылать на почту чек в уплату за доставку газет? Им все больше приходилось закупаться за городом и дважды в неделю – ездить за продуктами в центр Детройта.

Лишь немногие присылали им сочувственные записки. А одна дальняя родственница Карен из Гросс-Пойнта даже прислала им посылку с фруктами. Звонил Нэт Уинтерс – интересовался, может ли он чем-нибудь им помочь. Наблюдая, как Барни разговаривает по телефону, Карен сперва замечала, что он держится настороженно, словно пытается угадать тайный умысел звонящего, но когда выяснялось, что это всего лишь проявление заботы, Барни сразу смягчался.

Единственными, кто заглянул к ним домой, была престарелая чета из соседнего квартала: мистер и миссис Лош, семидесятилетние бухгалтер-пенсионер и его женушка, частенько махали им рукой с передней веранды, когда Карен или Барни проходили мимо. Как-то жарким вечером они нагрянули к ним с самым что ни на есть официальным визитом: она была в бело-голубом ситцевом платье, украшенной цветами соломенной шляпе и белых перчатках, а он – в костюме и галстук. Они принесли домашнее печенье и банку смородинового желе. По словам мистера Лоша, они хотели заглянуть раньше, чтобы спросить, не нужна ли им какая помощь.

Карен пригласила их в дом и предложила остаться на чай. Сначала она боялась, что Барни рассердится и скажет в ответ что-нибудь язвительное, но он завел с мистером Лошем разговор о погоде, африканском просе, падении облигаций займа, выпущенного школьным округом, а она обсуждала с миссис Лош рецепт приготовления печенья и заодно получила совет, как делать смородиновое желе. Через час, когда старики ушли, Карен разревелась, и Барни пришлось ее утешать.

– Я хочу быть такой же, как они, Барни, когда состарюсь. Такой же

доброй и отзывчивой.

Она заглянула ему в лицо, но мысли его, казалось, уже витали далеко-далеко, а в глазах читалась печаль.

Барни пережил ранние стадии тошноты и кровавой диареи и, всецело отдавшись работе, поборол все возраставшую слабость и депрессию. Он начал трудиться над несколькими новыми проектами, и самым главным была скульптура, которую он задумал много лет назад, – сморщенная фигура Старого морехода^[29], с торчащим длинным пальцем и выразительным лицом, удерживающего свадебного гостя и рассказывающего ему свою душещипательную историю. Барни давно решил, что альбатрос, обвивающий шею старика, был бы слишком нарочитым образом. А излишняя символика была ему ни к чему. Он хотел, чтобы образ выглядел истощенным, – но не костляво-бессильным, а олицетворяющим сильнейшую внутреннюю напряженность через согбенную шею, с лицом, озаренным животворно-трепетным чувством преодоления всепоглощающей муки, – он хотел, чтобы старик, рассказывающий свою историю, выглядел надрывно живым и чтобы он удерживал внимание свадебного гостя своим «сверкающим глазом».

Этот образ и желание сотворить его снова завладели помыслами Барни, как это было в первый раз, когда он еще учился в школе. Его учитель английского, обожавший Кольриджа, зачитывал отрывки из его поэмы вслух, и Барни до сих пор помнил его голос, исполненный чувства, которое он силился сдерживать. Потом он про это забыл – вспомнил только спустя годы, когда однажды промозглым вечером на площади Кадиллак к нему пристал какой-то пьяница в морском бушлате и вязаной шапке, – он попросил у него скрежещущим голосом денег на выпивку, посетовав, что уже давненько застрял на берегу. Барни сунул ему десятку – и в тот же вечер сделал первые наброски Морехода.

Но они ему не понравились. Исполненные муки черты лица и рука все никак не хотели оживать. Что он тогда знал о страдании, жажде, зное и отчаянии? Он отложил наброски в «долгий ящик» и думать забыл про них, сосредоточившись на понятных образах (за «Низвергшегося акробата» он получил премию Детройтского института, а за «Обессилевшего бегуна» удостоился стипендии университета Восточного Мичигана). И вот забытый образ вновь бросил ему вызов, как будто Барни сам вдруг познал жажду старика, почувствовал, как сгорает его плоть, и ощутил, что значит затеряться в безвременье, когда вчерашний день и завтрашний рассыпаются в прах, точно иссохшаяся глина – в его ладонях.

Но все было не так-то просто: то, что он видел мысленно, в жизни не получалось; образ упрямо не складывался, как и в случае с Венерой; голова и ноги выходили какими-то чужими – в конце концов он в отчаянии отбросил в сторону все наброски и макеты и стал усиленно вспоминать образ того одинокого моряка, который остановил его однажды на улице; ему хотелось снова проникнуться настроением, которое он испытал в тот раз, когда впервые услышал поэму Кольриджа.

Сначала Барни по привычке с головой ушел в работу, забыв про время, боль и все на свете. Берясь за новую вещь, он всегда чувствовал возбуждение, предвещавшее состояние сосредоточенности, завершенности восприятия и целенаправленности в жизни. Конечно, приятно сознавать, что вещь, которую ты закончил, получилась, но куда важнее начать то, что владело тобой долгое время, и понимать, что дело спорится. Так было и с Мореходом: на него ушло почти две недели. А потом стало происходить что-то ужасное. Реалистичная форма смотрелась неправдоподобно. Фигура выглядела кособокой, узловатой, и всякий раз, когда он переделывал Морехода, тот нравился ему, только если его тело получалось вытянутым. И все же причудливые формы выходили гротескными, вымученными. Временами они до того искажались, что не было никакого смысла продолжать работу. Даже когда Барни видел, что лицо и тело выглядят правдоподобно, его все равно одолевали сомнения, которые ему было трудно понять или преодолеть.

Однажды у Барни все никак не выходило лицо Морехода – и вдруг его рука непроизвольно изменила у него форму рта, придав ему выражение лютой ненависти. Незадача. Теперь это был не многострадальный Мореход. А грязный старик, ненавидящий весь белый свет. В страхе Барни схватил резец и исполосовал лицо вдоль и поперек. Ему сразу стало не по себе, ноги подкосились – и, не ухватись он за спинку стула, непременно рухнул бы на пол. Держась за стену, он побрел наверх, и, когда поднялся в гостиную, Карен при виде его испугалась.

Весь дрожа, Барни опустил в кресло. Он чувствовал, что силы внезапно оставили его. Как будто выбили заглушку – и вся энергия вышла вон.

– Может, позвонить врачу?

– Сейчас оклемаюсь. – Такое с ним бывало и раньше, но стоило ему перевести дух, как слабость проходила и он снова был в порядке. Однако так плохо ему еще никогда не было. Неужели то же самое чувствуют старики, когда оказываются при смерти? Да уж, дело дрянь. – Скоро пройдет, – заверил он ее. – Не беспокойся.

Но врачи объяснили, что это результат накопления радиации в костях, и предупредили – ему следует готовиться к тому, что подобные приступы будут повторяться все чаще.

Сначала Барни старался больше узнать о воздействии радиации: он часами просиживал в Публичной библиотеке Детройта и обзванивал профессоров из мичиганских университетов. Того, что он мог вычитать из книг и понять, было недостаточно, остальное же носило слишком технический характер: монографии по радиационной биологии, основанные на обследовании людей, пострадавших от радиоактивного облучения высокой интенсивности, – жертв сильнейших взрывов, как в Японии, и погибших в результате аварий в испытательных центрах и при разгоне ядерных реакторов, – а также материалы по освидетельствованию жителей Маршалловых островов^[30], основанные на исследовании радиоактивных осадков, выпавших вследствие ядерных испытаний в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, равно как и работников, обслуживавших ядерный реактор, который взорвался в Айдахо-Фолс^[31]. Однако ничто из вышеупомянутого не шло в сравнение с их случаем. То, что постигло его и Карен, больше походило на одну из мелких производственных аварий; впрочем, сведений о них было очень мало – вроде происшествия с работницами часовой фабрики, у которых, после того как они наносили радиевую краску на циферблаты часов, обнаружились признаки радиационного отравления.

Барни начал задумываться – сколько же народу, работавшего на компании, где использовались радиоактивные изотопы, подверглось облучению и к старости заработало себе рак? И сколько болезней, принимавшихся по неведению за обычные заболевания крови и костей, на самом деле было вызвано радиоактивным облучением? Сведений о последствиях производственных аварий было опубликовано так мало, что он стал подозревать, уж не виной ли тому тайный заговор между правительством и промышленными компаниями, призванный замалчивать все подобные случаи.

Как-то вечером, в конце августа, Карен услышала, как к их дому подъехала машина. Она отдернула штору в спальне и увидела, как из такси выходит женщина с чемоданом. Через мгновение-другое раздался звонок в

дверь. Она быстро надела платье и спустилась вниз, кликув Барни и сказав ему, что к ним кто-то пожаловал.

– Может, ребятня, – крикнул он в ответ из подвала. – Не открывай.

– Там женщина с чемоданом.

Он подошел к лестнице и посмотрел на нее снизу вверх.

– Кто такая?

– Не знаю.

В дверь снова позвонили.

– Ладно, открой и пошли ее куда подальше, – крикнул он. – У меня полно дел.

– Я боюсь.

– О господи! – Барни поднялся по лестнице и, протиснувшись мимо нее, включил на веранде свет.

– Кто там?

– Здесь принимают усталых путников? Это Майра.

– Майра! – воскликнул он. – Карен, это Майра!

Он нащупал дверной шпингалет, чувствуя, как к голове и груди приливает кровь. А когда она вошла в дом, он воззрился на нее в полном недоумении. Если бы не голос, он нипочем бы ее не узнал.

– Карен! – позвал он, хотя в этом не было никакой необходимости, поскольку сестры уже бросились навстречу друг другу.

Барни понял, что застыл на месте с широко раскрытым ртом, но поделаться с собой ничего не мог. У Майры была короткая стрижка, на лице ни тени косметики, и выглядела она сильно постаревшей, исхудалой и разбитой. Ее твидовый костюм смотрелся грузновато для августа, а бледные, как мел, чулки и плоские каблуки портили форму ее ног. Прежними остались лишь гортанный голос и голубые глаза, только теперь эти глаза казались выпученными и больно колючими.

– А ты почти не изменился, Барни, – сказала она в ответ на его нескрываемое удивление. – Повзрослел, подустал, но все равно я тебя узнала. Прочла вот об аварии на последних полосах *«Лос-Анджелес таймс»*. А в Детройте, бьюсь об заклад, об этом напечатано на первых полосах. Ребята, да вы, никак, здесь прославились.

Барни принял у нее чемодан, заметив, что он из дешевенького фиброкартона и с ремнями, и отнес его в гостиную.

– Обесславились, ты хочешь сказать. Мы опасно радиоактивные Старки. Отравители славного города...

– Пожалуйста, Барни, позволь ей сесть. И не начинай.

– Но ведь прославиться и обесславиться не одно и то же. Это я так,

для ясности.

Майра потрепала Карен за щеку и улыбнулась.

– Чудно выглядишь. Беременность тебе к лицу.

– Но как ты узнала?

– Позвонила из аэропорта маме, чтоб узнать ваш адрес. Ты выглядишь просто великолепно. Уму непостижимо.

– Она цветет и пахнет, – вторил ей Барни.

– Беременность оказывает целебное действие на тело женщины, – заметила Майра, пристально разглядывая сестру. – Чудо творения.

Тут Карен спохватилась и сказала:

– А как насчет перекусить? Ты, наверно, умираешь с голоду.

– У меня с собой есть что пожевать. Кое-какие фрукты и орехи, а вот от стакана холодной воды я бы не отказалась.

Барни всматривался в ее улыбку, спокойное лицо и ярко-голубые глаза, которые ничуть не изменились.

– Ты какая-то не такая, – сказал он.

– Да уж, мне много чего пришлось пережить со студенческих времен, я, можно сказать, прошла через очистительный огонь. И знаю, что значит страдать. А когда прочла о том, что случилось, то поняла, что нужна тебе с Карен. Мне хочется вам помочь, если позволите.

Барни не проронил ни слова, а Карен встала и взяла ее руку.

– Конечно, мне нужен кто-то рядом, но кто может быть лучше родной сестры? Ты останешься у нас.

– Ты уверена? А то я могу остановиться у ребят в Детройте, из Миссии.

– Не глупи, – сказала Карен. – Мы хотим, чтобы ты была с нами.

Майра ожидала, что скажет Барни, и он увидел, как у нее ввалились щеки, а взгляд стал настолько напряженным, что смотреть ей в глаза было мучительно. Он тут же смутился. Ему хотелось знать, что с ней случилось. Однако что-то настораживало его: если она превратилась в своего рода фанатичку, вовлекать ее в их жизнь – штука опасная.

– Даже не знаю, – сказал Барни. – Мы живем тут, как в осаде.

– Значит, у вас тем больше оснований, чтобы с вами был кто-нибудь, на кого можно было бы положиться, – заметила она.

– Тогда они и на тебя повесят ярлык «заразная».

– Мне плевать, что там скажут другие. И вам мешать я не буду. Мне просто хочется помочь вам с Карен. И если через пару дней вы поймете, что я вам обуза, я уйду. А если от меня будет хоть какой-то прок, я останусь и буду жить у вас столько, сколько нужно.

– Да какая еще обуза – глупости. Ты же не станешь мешать ему работать, а мне будет с кем поболтать, если он уйдет куда-нибудь проветриться. Идем наверх – покажу тебе гостевую комнату.

Барни молча посмотрел на них обеих, пожал плечами и направился вниз.

Майра проводила его взглядом, и они двинулись наверх.

– Куда он пошел?

– В подвал, к себе в мастерскую. Теперь только скульптура его и волнует. Ему надо два раза в неделю наведываться в больницу – на обследование. Врачи говорят – будет беречься и делать то, что предписано, тело справится с приступами, которые его одолевают. Они уверяют, что о лучевой болезни теперь многое известно. А он ходить к ним отказывается. Работает в подвале не покладая рук.

– Может, так ему лучше, чем тебе кажется, если он чувствует, что от врачей нужно держаться подальше.

– Что ты имеешь в виду?

– Может, в нем возобладал инстинкт самосохранения.

Карен, достававшая простыни из бельевого ящика, замерла на месте.

– У нас лучшие врачи в Мичигане.

– Может, вам обоим куда нужнее врачи, которые лечат душу, а не тело?

Карен смотрела на нее какое-то время в недоумении.

– А ты изменилась. Даже не верится, что ты прежняя Майра.

Рассмеявшись, сестра взялась помогать ей заправлять постель.

– В некотором смысле я действительно не та, какой была раньше. Можно сказать, я родилась заново. Только сейчас мне не очень хочется об этом говорить. Пока для тебя это только слова, а я хочу, чтобы они кое-что значили. Со временем мне хотелось бы стать твоей наставницей.

– Мне неприятно это говорить, – заметила Карен, – но за последние несколько месяцев я научилась быть очень даже самостоятельной. Так что я тебе уже не младшая сестренка-неумеха.

– Ясно, – сказала Майра, – благодаря моему собственному горькому опыту я понимаю, чтоё пришлось пережить вам с Барни. Не то, что мне, конечно, – не облучение, но бывает зараза и похлеще. Наставник же помогает страждущему пройти через чистилище. А я там побывала. И знаю.

Майра прошла вслед за Карен в другую спальню, убедительно рассуждая о том, что взаимное общение – штука необходимая, равно как и взаимное разделение страданий, через которые они прошли.

– Это единственное, что помогает пережить боль и осмыслить ее. Из

всех земных существ только люди способны делиться болью со своими собратьями-человеками и разделять страдания, через которые все мы проходим по пути к бессмертию.

Все случилось слишком внезапно, и аргументы Майры звучали вполне доходчиво и резонно. Ее гортанный голос, сдержанное прикосновение руки, настойчивый взгляд – все это действовало ободряюще. Карен присела на кровать. Конечно, в этом нет ничего религиозного. Она всего лишь побудет рядом, чтобы было с кем поговорить, и только.

– Я рада, что ты приехала. Мне было так одиноко.

– Тебе не могло быть одиноко, дорогая. Не говори так.

– Но ведь Барни отдаляется от меня все больше. Ни о чем, кроме своей работы, он и думать не хочет.

– Я говорю не о Барни. – Майра улыбнулась и похлопала ее по руке. – Я имела в виду не в физическом смысле. – Но, заметив, как у Карен нахмурилось лицо, она заметила как бы вскользь: – Не бери в голову. Не будем вдаваться в детали. Главное – помнить, что ты должна совершить творческий акт – через веру – и привнести новое сознание в этот многострадальный мир. И я, будучи рядом, стану тебя наставлять. Теперь отдыхай, а я принесу тебе чашку теплого молока.

– Это необязательно.

– Слушайся старшую сестру, – сказала Майра, мягко, но настойчиво заставляя ее прилечь. – Я здесь, чтобы тебе помогать. А это значит, что все мелкие хлопоты ты должна перепоручить мне, чтобы самой отдыхать и готовиться к грядущим неделям. Ты отболела и нуждаешься в покое. Чтобы было время все хорошенько обдумать и восстановить душевные силы.

Она будет рядом – в некотором смысле это утешало. Карен прилегла на постель, кивнула. Майра улыбнулась и выключила свет.

– Отдыхай, размышляй и засыпай. В решающие мгновения нашей жизни мы открываемся для общения с мирозданием. Все в жизни происходит с нашего соизволения. Я принесу тебе что-нибудь перекусить на подносе.

– В этом нет нужды.

– Ш-ш! Тебе нужен отдых и покой.

Барни видел, что Майра стала членом их семьи. Поражаясь ее спартанской неприхотливости, он понимал, насколько сам, вместе с Карен, зависит от страсти потребления. Неужели вещи – главное в жизни? Неужто они подобны длинным-длинным поручням, помогающим удержаться на скользком откосе действительности? Майра готовила им по диетическим

рецептам, и ее стряпня пришлась было ему по вкусу, но после первых же двух вегетарианских обедов он обнаружил, что в них не было ни грамма мяса. Тогда он запротестовал, не желая больше есть пирожки на клейковине с соевым фаршем, и потребовал для себя мяса, по крайней мере раз в день, она сдалась и стала стряпать себе отдельно.

Майра неоднократно просила посмотреть, над чем он работает, но Барни всякий раз от нее отмахивался. Ему не хотелось это показывать никому – во всяком случае, пока. Он бросил «Восходящую Венеру» и теперь экспериментировал с Мореходом, ставшим одной из мелких фигур на его причудливо-жестокой картине. Барни не знал наверное, куда заведут его эксперименты: он целиком положился на волю своего воображения, радуясь тому, что создает все новые образы, и едва ли представляя себе, что каждый новый образ олицетворял для него некое обязательство, которое связывало его если не с миром людей, то, по крайней мере, с миром его работы.

Но его разбирало любопытство: что же случилось с Майрой. Жесткие черты ее преждевременно увядшего лица и включенные волосы, контрастировавшие со все такими же проникновенными голубыми глазами, восхищали его. Он не раз намекал, что желал бы узнать, что с ней все-таки случилось, но она неизменно уклонялась от разговора на эту тему. Ей как будто не хотелось быть неправильно понятой, она словно выжидала, давая понять: всему свое время.

Майра часто уходила вечерами из дома и подолгу прогуливалась, как потом объясняла, по знакомым местам, где выросла; она ничего не боялась и пропускала мимо ушей предостережения Барни, говорившего, что это небезопасно.

– Кому нужна такая дурнушка? Мне уже давно не докучают ухажеры своими непристойными заигрываниями. Им довольно одного взгляда, чтобы оставить меня в покое.

Как-то ночью, через пару недель после ее приезда, Майру доставила домой полиция. Лицо разбитое, правый глаз едва открывается. Пуговицы на жакете вырваны с корнем, блузка разорвана; верхний ее конец она придерживала рукой, на воротничке виднелась кровь. За нею гнались двое – они избили ее, когда она прогуливалась по какому-то пустынному кварталу Элджина.

Майра оправдывалась, а Карен не выдержала и всыпала ей по первое число:

– Надо было вести себя осмотрительнее. Или ты не знала, что женщине опасно разгуливать по здешним окрестностям... в одиночку?

Майра взяла мокрое полотенце, которое протянул ей Барни, и покачала головой.

– Откуда я знала, что они станут приставать? – Голос у нее задрожал. – Ведь я, известное дело, уже давно не красавица. И была уверена, что они...

– Дело не только в этом, – заметил Барни. – Всем известно, что ты живешь у нас. Об этом теперь знает весь город. К тому же иным подонкам, которые охотятся на женщин, гуляющих по темным улицам, все равно, как они выглядят и сколько им лет. Иным убогим скотам доставляет удовольствие стращать одиноких женщин. Может, они и не собирались тебя изнасиловать. Им достаточно было бы просто тебя попугать. Но другим ублюдкам этого было бы мало – они могли бы тебя и прибить.

Барни видел – его слова расстроили ее, но он и не думал униматься.

– Если ты надеялась, что, потеряв красоту и лоск, отвадишь от себя всяких там лихих молодцов, то ты глубоко ошиблась. Ты как будто испытывала себя, так ведь? Думала, никто не заметит, что ты женщина, хоть и нацепила на себя неприглядную личину. Что ж, должен тебя огорчить. Ты все еще очаровашка. Не такая эффектная, как раньше, но все равно привлекательная, как ни крути.

Майра зарделась и мельком взглянула на сестру.

Карен обратила все в шутку.

– Ты держи с ним ухо востро.

– Только не поймите меня неправильно. Я вовсе не собираюсь за тобой ухлестывать. Но что бы там с тобой ни случилось и как бы ты ни изменилась, ничто не испортило твою энергичную натуру. Когда тыходишь в комнату, от тебя словно бьет током, и это не спрячешь ни под короткой стрижкой, ни под мужеподобной одеждой.

Майра вся дрожала и была готова разрыдаться – Барни прикусил язык и с достоинством вышел из комнаты.

– Я *стала* другой, – тихо проговорила Майра, обращаясь к Карен, которая присела рядом и поднесла мокрое полотенце к ее опухшим от слез глазам. – Он ошибается. Я совсем не та, какой была прежде. Он ничего не понимает. О боже, их было двое. Один схватил меня сзади, разорвал жакет, блузку и начал лапать мне грудь, а другой запустил лапу под юбку. Мерзкие скоты. Зачем они так? Ведь я уже далеко не красавица. Будь я молодая и хорошенькая, тогда понятно: я бы знала, что у них на уме. О боже, неужели они теперь не оставят меня в покое?

Она расплакалась, и Карен попыталась ее утешить.

– Ну, будет тебе, все кончено. Да и выглядишь ты не так уж плохо. Подумаешь, синяк!

– Ничего не кончено. Они все только и ждут, как бы облапать, как бы избить. Они все одинаковы. Меня с души воротит от всего этого, Карен. Поверь, будь у меня нож, я прирезала бы обоих, посмей они только ко мне прикоснуться. Хоть бы они сдохли! Мне всю жизнь приходилось отбиваться от таких типов. Я-то думала, что могу спокойно ходить где угодно, как всякий свободный человек, – думала, мне больше никогда не случится попадать в такие передраги. И вот нате вам. Но тебе этого не понять. С некоторых пор я обрекла себя на страдания. Мне противно от мысли, что снова придется сталкиваться с уродами, которые марают все, к чему ни прикоснутся.

– Ты все представляешь в ложном свете, Майра. Да, таких уродов хватает. Мне тоже случалось с ними сталкиваться. Не так часто, как тебе, – в этом смысле мне повезло больше, ведь я, в отличие от тебя, совсем не красавица, – но и мне доставалось на свиданиях, и меня тискали в машинах, а когда дело заходило слишком далеко, приходилось и отбиваться. Но это была часть взросления. Большинство мужчин тоже вырастет. И далеко не все из них становятся такими.

– О, Карен, я вовсе не имела в виду Барни. Он не такой, как другие. Тебе повезло. Он из тех редких мужчин, которые не вгоняют меня в дрожь одним только взглядом. Он человек порядочный. Потому что занимается творчеством. И мыслит возвышенными категориями.

Карен улыбнулась.

– погоди минутку. Эдак мы с тобой далеко зайдем. По-моему, глупо делать обобщения по поводу любого мужчины. Конечно, Барни порядочный, но как скульптор он человек очень эмоциональный и земной. Может, ты не обращала внимания на то, как он смотрит на тебя. Я хочу сказать, не повторяй больше сегодняшней ошибки. Неужели ты не замечаешь, что он все еще тебя любит?

Карен отправилась к доктору Лерою с Майрой: Барни безвылазно сидел в своей мастерской. С сестрой, по его словам, она будет чувствовать себя как у Христа за пазухой, и, хотя Карен очень хотелось, чтобы он поехал с нею, она прекрасно понимала – сейчас лучше на него не давить. Она пыталась представить себе, каково это человеку, всю жизнь искавшему форму и свет, теперь бороться не только с болью, но и с мраком. Он старался выразить в скульптуре свой мир, старался нащупать руками некую форму и смысл жизни, которая вдруг пошла насмарку. Решив рожать, Карен поступила правильно. Теперь она жила предвкушением, наполнявшим ее существование смыслом и изменившим самый образ ее жизни, в то время как Барни тщился обрести все это в работе.

Карен была на шестом месяце, и теперь для поездки в центр, где располагался Фишер-билдинг, они с Майрой чаще пользовались скоростной автострадой; доктор Лерой измерил ей давление, вес, взял на анализ мочу и дал новые рекомендации по восприятию собственного тела. Потому что она видела, как меняется с каждой неделей, как страх уступает место удовлетворенности, когда она массирует себя, готовясь к кормлению грудью. Доктор Лерой заметил пятна у нее на бюстгальтере, хотя перед выездом Карен надела новый, и она смутилась. Выделения, призналась она, начались у нее месяц назад – вскоре после предыдущего осмотра, и это омрачало ее настроение не меньше, чем другие признаки беременности, поскольку напоминало о том, что в определенном – окончательном смысле она стала женщиной.

Доктор улыбнулся.

– Ну не расстраивайтесь вы так. Дело это совершенно обычное. И насчет груди не беспокойтесь. Вы восстановите форму. После грудного вскармливания происходят чудеса. Мне понятны ваши переживания – вернее, я принимаю их, не пытаюсь понять. Через этот кабинет прошла не одна сотня женщин, но я никогда не старался осмыслить ощущения, связанные с деторождением.

После осмотра, когда Карен уже одевалась, он осведомился, как дела у Барни.

– Не так хорошо, как хотелось бы. Его одолевают приступы тошноты и слабости, и он все глубже уходит в себя.

– Он наблюдается у врачей?

– Врачи из центра здоровья, в компании, уверяют, что необратимых повреждений у нас нет. Барни называет их проститутками от медицины и не желает слушать их советы. А у врача, которого нам рекомендовал адвокат, совсем другое мнение – довольно пессимистическое, как вы, верно, догадываетесь. В общем, Барни никому из них не доверяет. Он не верит ни в докторов, ни в медицину... по-моему, он даже не верит, что я беременна. Как ни странно, моя сестра тоже не доверяет докторам. Она уверяет, что родить можно, только пройдя через боль, – по ее словам, это неразрывно связано с мирскими страданиями.

Лерой пристально на нее посмотрел.

– Надеюсь, вы не прислушиваетесь к ее глупостям.

– Я всегда прислушивалась к ней, когда мы были еще девочками. По-моему, она думает, что я буду следовать всем ее советам без вопросов. А я думаю, что теперь мне хватит сил ей противиться.

– Хорошо. Прислушивайтесь к своей интуиции. Я отношусь с большим почтением к женщинам, знающим, как себя вести, когда они ждут ребенка. Особенно, – прибавил он, – когда они наблюдаются у хорошего акушера.

Карен радовали его беззаботность и вера в то, что все будет в порядке, – ей совсем не хотелось разделять мрачное настроение Майры по пути домой.

– Не ожидала, что ты настолько ограниченная, – сказала Майра. – Я-то всегда думала, что ты готова воспринимать новые идеи.

– О нет. Это ты у нас всегда как губка впитывала всякие новые идеи, ощущения и представления, – возразила Карен. – А у меня в голове были одни только свидания. И я с радостью наблюдала, как ты металась туда-сюда в сопровождении толпы воздыхателей.

– Похотливых воздыхателей, – уточнила Майра, глядя вперед. – Теперь-то я знаю, что всем им хотелось лишь одного – облапать меня где-нибудь в кустах или на заднем сиденье в машине. Они только притворялись, что интересуются моими делами.

– А ты думала, они евнухи? Ими руководили вполне естественные желания.

– Я никогда так не считала. Мне хотелось, чтобы они видели, что я не глупышка какая-нибудь. Хотелось, чтобы они разделяли мои мысли и мечты. О, какая же я была дура! Я чуть не умерла, но смерть ничто по

сравнению с тем, что было со мной, когда я поняла: ведь они всего лишь притворяются, что верят во все это, а на самом деле им нужна только моя плоть. Но нашлись великие учителя, которые указали мне путь. Если бы ты только позволила мне донести это знание до тебя!

– А с чего это ты вдруг так прониклась ко мне по прошествии стольких лет?

– К тебе с Барни – к вам обоим. Потому что вы страдаете. И это первый шаг. Моя задача – постичь страдание. Прочитав про радиоактивное заражение, я сразу поняла – вам обоим выпало пережить некий опыт, который должен подготовить вас к восприятию этого знания. И я подумала – это благословение свыше, оно позволяет мне привести мою родную сестру и ее мужа в Братство.

Карен почувствовала, что Майра прощупывает почву, пытаюсь угадать, как сестра отреагирует на подобный разговор. Майра приехала, чтобы заманить их в какую-нибудь новую религиозную секту; она была достаточно сообразительной (вернее, научилась быть таковой) и делала это не спеша, исподволь – так, чтобы их не спугнуть. Карен улыбнулась и покачала головой. В какой бы религиозной секте Майра ни состояла и какая бы у нее ни была на то причина, ее, Карен, это больше не интересует.

– У тебя нет такого чувства, что тебе нужна более глубокая вера?

– Теперь я все больше думаю о ребенке. Такой веры мне пока хватает вполне.

– Но ведь это только начало чего-то большего.

– Тогда позволь мне сперва начать. Я не из тех людей, что могут делать одновременно два дела. Не сбивай меня с толку. Мне и других забот хватает.

Майра молчала, и Карен пожалела, что огорчила ее. По возвращении домой Майра уединилась с книгой в своей комнате, а у Карен возникло сильное желание заняться уборкой. Она взялась за дело неистово, как будто только физический труд – чистка, полировка и подметание – мог дать ей ответы на все вопросы.

Позднее, тем же вечером, помогая Карен готовить обед, Майра вдруг спросила:

– А как насчет Барни? Я смогла бы ему облегчить страдания.

– Барни? Ты шутишь.

– Но ведь я действительно могу ему помочь. Многие художники, композиторы и писатели – а все они такие же творческие личности – вполне способны понять, что он переживает. Он не должен замыкаться в одиночестве. Если ты не возражаешь.

– Ну конечно, нет.
– Так от меня будет хоть какая-то польза, пока я здесь.
– У Барни есть свои, довольно строгие представления о религии и мистицизме. Он всегда решительно отвергал все, о чем ты говоришь.

– Ах, меня это не волнует, – сказала Майра. – Мои представления проистекают из вселенского источника. А он глубже любой религии или мистицизма. И омывает то, что имеет отношение к творческому духу, – любой художник это поймет.

Карен на мгновение смолкла, оценивая выражение глаз сестры.

– Я же говорила тебе, когда-то он был в тебя влюблен. Думаешь, это не помешает?..

– Это не имеет к делу никакого отношения, – резко выпалила Майра и чуть погодя, осторожно понизив голос, прибавила: – Ты стала куда красивее меня.

По тону Майры она поняла, что ее брак с Барни был чисто физическим. Карен вдруг задумалась, а не совершила ли она ошибку, – может, стоило попросить Майру оставить его в покое и перенацелить свое миссионерское усердие на кого-нибудь другого? Майра как будто испытывала себя – сможет ли убедить неопита; как будто она говорила – хоть я и уродина, все равно смогу вырвать его из твоего духовного мира.

– Хочешь, я уеду, – проговорила Майра.

– Вовсе нет. Ты же моя сестра. И чувствуй себя здесь как дома. Барни разумный взрослый человек. Я не претендую на его душу. Его мир – его работа. А мой – подготовка к родам. Если ты можешь ему чем-то помочь, я не вправе мешать.

Судя по разгоряченному лицу Майры, ошибки быть не могло. Карен показалось, что во время обеда Майра не сводила глаз с Барни. Неужели она сумеет его охмурить? Пока трудно было сказать, чем все обернется. Ладно, будь что будет, решила Карен, пусть она делает, что хочет.

– Я лягу пораньше, – сказала Карен. – У меня был трудный день.

Происходило что-то непонятное. За обедом Карен неотрывно наблюдала за Майрой, а Майра – за ним. Поначалу Барни подумал, что сестры собирались сообщить ему что-то насчет ребенка, но, поскольку за все время обеда ни одна из них не обмолвилась об этом ни словом, он решил, что Карен велела Майре о чем-нибудь его попросить. Но о чем? Карен дала это понять, сказав, что хочет лечь пораньше, и оставив их вдвоем. Скоро все выяснится.

Майра ушла в гостиную и села на диван, поджав под себя ноги.

– Барни, когда же ты покажешь мне свои работы, ну хоть что-нибудь?

– Не сейчас, – ответил он. – У меня еще ничего не закончено.

– Почему же?

– Я делаю то одно, то другое. Экспериментирую. И пока ничего не выходит. Меня все не устраивает – не то что раньше.

– А что такого, если я взгляну хоть одним глазком на то, что пока не доделано?

– Нет... знаю, это звучит глупо, только я не люблю, когда смотрят мои работы, пока они не закончены. Хватает одной одобрительной улыбки – и ты оставляешь все как есть, хотя можно было бы кое-что исправить. А бывает, один неодобрительный взгляд ввергает тебя надолго в депрессию.

Майру его слова, похоже, разочаровали, и он уже было согласился взять ее с собой в мастерскую. Помолчав немного, она вдруг подняла на него свои голубые глаза.

– Барни, с тех пор, как я здесь, нам почти не удавалось с тобой поговорить. Известно ли тебе, что случилось со мной после того, как я ушла тогда из дома?

– Почти ничего. Знаю только, что ты так и не вышла за него. Ваша матушка говорила, ты какое-то время пролежала в больнице, а после ударились в религию.

– Как думаешь, я изменилась?

– Да, в некотором смысле.

– Я приехала не просто так, Барни. Тебе никогда не приходило такое в голову?

– Ты говорила, что приехала помочь.

– Но не только таким вот образом. А кое-чем еще, – сказала она, обхватив руками свои колени, словно хотела свернуться в клубок. – Я чуть не умерла там, в Сан-Франциско.

– Я этого не знал. Думал, ты с головой ушла в свои дела. Сколачиваешь какой-нибудь союз рабочих-мигрантов или антивоенное движение – что-то в этом роде.

– Сначала так оно и было. Но довольно скоро все пошло прахом. Флойд меня бросил и вернулся к своей жене. Я тогда была беременна, сидела на игле, и вот осталась совсем одна в захудалом гостиничном номере. В ту ночь я умерла.

Барни не ожидал, что она вдруг станет исповедоваться. Он почувствовал себя неловко, но Майра продолжила свой рассказ, и ее голос, обволакивающий и убедительный как никогда, пленял его.

– Я никогда не забуду ту ночь, Барни. Шел дождь, и я была одна.

Думала покончить с собой, о чем наверняка думал и ты после аварии, но мне было страшно убивать нерожденного ребенка. И в том самом грязном номере, очнувшись от кошмара, я стала размышлять, что же теперь со мной будет. Куда податься? И тогда я услышала. Сперва мне почудилось, будто рядом что-то есть и оно окутывает меня, а когда услышала голос, то подумала, что кто-то зовет меня через дверь. Но за дверью никого не было. Потом я снова услышала его, тот же звонкий, низкий голос – он будто эхом растекался по коридорам. «Ищи Церковь!» – а потом снова: «Ищи Церковь!» Теперь ты знаешь, Барни, в кого я тогда превратилась. Я понимала – такое невозможно. Но это повторилось той же ночью, а затем следующей. И так раз пять. Пять благословенных раз. Пока я не сказала себе – раз нет другого выхода, может, стоит послушаться. Даже если голос звучит у меня в голове, может, он пытается меня спасти...

Майра смолкла – словно затаила дыхание, она вся горела и, пока говорила, преобразилась до неузнаваемости, хотя глаза ее полыхали все тем же ярким огнем, а рука простерлась вперед, будто удерживая мысль, которую она силилась облечь в слова...

– И голос показал мне, какой же я была дурой. Той ночью, сказать по правде, я бродила под дождем по центральным улицам Сан-Франциско и все искала церковь, про которую говорил голос. Большинство церквей было закрыто, и только одна оказалась открытой, и тамошний священник все допытывался, не желаю ли я исповедоваться.

Я знала – голос говорил совсем о другом. И тут я вспомнила, что он велел мне найти *Церковь* – какую-то особенную церковь, где поняли бы, отчего я страдаю, и пригрели меня без лишних разговоров. Я зашла в какую-то ночную забегаловку выпить кофе и рухнула там без сил. Помню только, как в мою кабинку подсел моряк, как он положил руку мне на бедро, а что было потом, ничего не помню. В себя я пришла через три месяца в психушке. И только тогда поняла, что за это время потеряла ребенка.

– Почему же ты нам ничего не писала и не звонила? Мы бы чего-нибудь придумали. – Барни вдруг невольно почувствовал себя виноватым.

– Да что бы вы придумали? То была моя Ночь Души. В отчаянии я и не думала, что ад может быть таким. Но тогда я не знала, что мне не придется страдать в одиночку. После того как я потеряла ребенка, меня, конечно, выводили и с помощью других наркотиков вывели из сумрачного состояния, и вот, оправившись, я вспомнила голос, который велел мне найти Церковь. И я снова отправилась на поиски...

Майра разыгрывала целую трагедию: она махала руками, мотала

головой, голос ее надрывался в возбужденном хрипе, и Барни поражался исходявшей от нее силе убежденности. Она положила ладонь на его руку, заглянула ему в глаза – и ее сила словно перетекла от нее к нему. Он ничего не понимал – только чувствовал себя виноватым при мысли о том, что Карен сидит там, наверху, в то время как между ее мужем и сестрой происходит нечто такое, чего ей ни в жизнь не понять...

– Выписавшись из больницы, я скиталась по всей Калифорнии, общалась с сотнями священников, пастырей, раввинов, йогов и мастеров дзен^[32]. А также последователями суфиев^[33] и арканистов^[34]. И все они, по их заверениям, знали правильные ответы. Все уверяли, что познали Бога-Нестраждущего. И вот однажды я нашла ее. Как-то утром я заблудилась в незнакомой части Лос-Анджелеса, и там, посреди квартала, мое внимание привлекло маленькое, неказистое кирпичное строение. Я подошла поближе, увидела над дверью маленький витраж и маленькую бронзовую табличку с надписью «Миссия мучеников» и поняла, что нашла ее. Я собралась с силами и позвонила в колокольчик, говоря себе снова и снова – да будет так, да будет так, и, когда мне открыл дверь седой старик, я уже кричала...

Барни стало больно, когда он представил себе, как Майра стоит у двери незнакомого дома в незнакомом городе перед незнакомым человеком – и плачет. Почему она не вернулась домой? Почему не вернулась к нему?..

– Звали его Брат Уоллес, – меж тем продолжала она, – и он пригласил меня войти. Когда я рассказала ему о том, что со мной случилось, и о своих голосах, он сказал, что я могу пожить несколько дней в Миссии, а там будет видно, то ли я искала для себя. И оказалось – то, Барни. То самое. Эта церковь не походила ни на одну другую на всем белом свете. Они назывались «мучениками», и не только здесь, в Соединенных Штатах, но и в Братстве по всему белому свету, будучи частью друг друга в огромном страждущем мире. Среди нас есть братья из Хиросимы, один бывший астронавт, облучившийся в космосе, выжившие узники нацистских концлагерей и сотни других – умирающих от рака и прочих неизлечимых болезней, и все они творческие или общественно активные люди, провозгласившие себя сопереживателями своей муки. И если ты откроешь свое сердце, пока не поздно, ты сможешь стать одним из нас...

Такого он никак не ожидал. Напористость голоса и взгляда, превратившие ее в истую фанатичку, отпугнули его...

– Что до меня, то уже поздно, – слабым голосом проговорил Барни. – Я привык бороться с трудностями в одиночку. А меняться слишком поздно.

– И в этом твоя ошибка, Барни. Я сама была такая. И в минуту

беспросветного одиночества почувствовала, как во мне зарождаются боль и страх, да, и в этом был свой смысл. Когда ты разделяешь и обретаешь что-то вместе с другими, это придает тебе невероятных сил и воодушевления. Я прошла через это, умерла от этого, а потом возродилась в обличье мученицы...

Слушая слова Майры о том, как ее посвятили в «мученические тайны», Барни чувствовал, как мало-помалу проникается ее настроением. Она была призывающей проповедницей, которая ищет, кого бы обратить в свою веру, и он готов был откликнуться на ее зов, но только отчасти. Она, верно, почувствовала, что ему хочется разом покончить со всем этим, и перешла на скороговорку, словно силясь пленить его своим истерическим голосом...

– Есть секреты, Барни, тайные пути, помогающие разуму совладать со страданием, сосредоточить боль в одной точке, собрать воедино весь свой опыт, а не растрачивать его впустую, и таким образом стать частью современного Мученического Духа. Неужели ты не видишь, Барни, что наша боль – это космическая боль? Мучения одного человека – твои, мои, Христовы – мучения каждой страдающей души, точно пульсирующий нерв, вступают в резонанс с другими нервами и передают боль всему вселенскому организму. Подобное деление озаряет тьму, и мы погружаемся во что-то более глубинное и чудесное, чем представляется одной паре одиноких глаз...

Барни встал и встряхнул головой, пытаясь ее очистить.

– Уже поздно. Я хочу спать.

– Неужели это для тебя ничего не значит?

– Значит, и хотелось бы услышать об этом побольше, – соврал он, – только не сейчас. Сперва надо обдумать то, что ты сказала.

– А мне еще много чего нужно тебе сказать.

– В другой раз.

Он не мог оттолкнуть ее вот так, сразу. Может, потому, что ему не хотелось ее огорчать? Или потому, что ему не хотелось снова ее потерять?

Майра медлила, словно боясь отвести его от себя.

– Еще одно слово, Барни. На тот случай, если тебе все-таки представится случай, даже если ты не веришь. Миссия Братства мучеников находится в самом центре Детройта. Там есть удивительный брат, художник, – брат Лука. Если бы ты как-нибудь наведася к нему, он наверняка просветил бы тебя лучше моего. Я всего лишь новообращенная, Барни, но все равно понимаю, чему сродни твое отчаяние. Сама прошла через это. И точно знаю, это и есть ответ, который ищешь.

Майра замолчала – по крайней мере, стих ее голос, но Барни видел, как она вся дрожит, будто крепко сжимает что-то, отчего у нее подрагивает каждый мускул. Она искала его глаза, пытаясь прочесть в них отклик на свои слова, но он смотрел в сторону, и внутри у него тоже все тряслось: он впервые испугался ее силы.

Когда совет директоров созвал совещание, чтобы выработать новое предложение по миролюбивому урегулированию спора, Эд Маршак, адвокат Барни, хотел, чтобы на том совещании присутствовал и его подопечный. Сначала Барни пришел в ужас. Ему не хватало смелости предстать перед толпой враждебно настроенных чужаков, собравшихся в одном зале. Но Маршак убедил его, что ему не придется ничего говорить, а его личное присутствие может повлиять на кое-кого из членов совета.

Когда они ехали с Маршаком по территории, принадлежащей компании, Барни размышлял, как последние три года он проезжал здесь каждый день, не замечая, по правде говоря, ничего вокруг. Теперь же перед его затуманенным взором окружающая местность обретала глубину полотен Ван Гога: чисто выметенные улицы, пышущие зеленью лужайки, окруженные рельефными изгородями и охлаждающими прудами с фонтанами, выбрасывающими в небо дугообразные белопенные струи, обрамляющие здания из стекла и железобетона. А через мгновение картина уже больше напоминала фанерно-пластиковый архитектурный макет некоего города будущего – ничего реального или долговременного: тонкие деревца с поверхностными корнями и здания за целлофаново-зелеными кустарниками.

Здесь наживали и теряли целые состояния, люди трудились и творили, внося свой посильный вклад в экономику и общество, но теперь он видел, что они были всего лишь жалкими игрушками – фишками в великой игре большого бизнеса, «Монополии успеха», в которую в любое время может вмешаться чья-то громадная рука и снести все фигуры обратно в коробку.

В конференц-зале Барни, как ему показалось, заметил отца Карен (или, может, кого-то, похожего на него?) – он сидел в дальнем конце стола, рядом с вице-президентом Энгстромом и целой когортой прочих адвокатов. Перед началом совещания кто-то раздал распечатанный на ротапринте отчет Службы радиационного контроля касательно распространения радиоактивного заражения. На четвертой странице отчета помещался

раздел «Ожидаемые последствия воздействия на персонал, не занятый в научных исследованиях». Строчки расплывались у Барни перед глазами, но Эд Маршак объяснил, что они по-прежнему стараются преуменьшить означенные последствия.

– Кажется, мы остановились на том месте, – громко проговорил он, обращаясь к собранию, – когда «Нэшнл-Моторс» изъявила желание перейти к практическому обсуждению. В настоящем отчете упоминается об имущественном ущербе и ожидаемых текущих физических последствиях аварии, произошедшей по халатности компании.

– В том-то все дело, – заметил чей-то незнакомый голос. (Это сказал явно не тесть, а разглядеть издали размытые лица собравшихся Барни не мог.) – Сейчас невозможно оценить будущие последствия, равно как и ущерб. К тому же нет явных доказательств...

– О, доказательства имеются, – вмешался Маршак, – и я уверен, когда суду будут предоставлены отчеты Службы радиационного контроля, мы сможем доказать, как далеко распространилась радиоактивная пыль, оказавшаяся и в доме мистера Старка.

Барни было трудно сосредоточиться на том, о чем они говорили. Струившийся в окна свет резал глаза – пришлось прикрыть их руками. Всем присутствующим, наверное, показалось, что он глубоко задумался. Эд Маршак был замечательным молодым адвокатом. Практичным, умным, энергичным. Он походил на бойца, и Барни им восхищался. Барни вскинул голову, когда какой-то представитель компании огласил самое последнее предложение по урегулированию спора. Сумма отступных увеличивалась вдвое: ему с Карен отписывалось по сто тысяч долларов каждому и столько же причиталось их будущему ребенку, если тот выживет. А если умрет, сумма урезалась в два раза. Барни рассмеялся, и все взоры обратились на него, но он снова прикрыл глаза руками.

Кроме того, они соглашались купить им дом по справедливой рыночной стоимости, но Маршак заметил, что 300 тысяч долларов плюс 90 тысяч за дом едва ли помогут урегулировать спор, принимая в расчет тот факт, что сумма иска о возмещении понесенного ущерба составляет один миллион долларов.

– Это нельзя рассматривать только в исчислении на сегодняшний день, джентльмены. В конце концов, с учетом затрат на лечение и пребывание в больнице, а также того факта, что мои клиенты отныне несут нестрахуемые риски, ваше предложение вряд ли покроет расходы по госпитализации и оплате услуг специалистов в случае, если у них обоих обнаружится лейкоз или рак костей. Вы просите моих клиентов подписать отказ от всех

будущих претензий, в то время как их будущее представляется не в самом радостном свете. У мистера Старка с каждым днем все очевиднее проявляются признаки физического и... ну да, физического истощения. В настоящее время его зрение подвергается изменениям, и врачи, как вам известно, прогнозируют, что через несколько месяцев у него возможно развитие катаракт и слепоты. А как насчет сокращения продолжительности жизни?

Кто-то из адвокатов противоположной стороны (нет, не Джейсон Брэдли, потому как Брэдли сидел за другим концом стола) заметил, что присяжные, как показывает практика, чаще всего не склонны ратовать за возмещение убытков, связанных с вероятными будущими последствиями, если не представляется возможным доказать, что последние являются прямым результатом несчастного случая.

Маршак выудил из портфеля пачку бумаг.

– Вот это недавно опубликовала Комиссия по атомной энергии Соединенных Штатов. Документ не секретный, и я намерен представить его как доказательство в суде. Это двухгодичный отчетный доклад «О радиоактивном выпадении и промышленном загрязнении», подготовленный для представления на слушаниях Конгресса по данной теме перед Объединенным комитетом по атомной энергии. Под подзаголовком «Научно-изыскательская деятельность: исследования на людях» приводятся выводы, основанные на изучении данных касательно жертв облучения и сравнительного числа людей, не подвергавшихся радиоактивному облучению, с целью выявления последствий, влияющих на сокращение средней вероятной продолжительности жизни при воздействии прямого радиоактивного облучения. В данном случае речь, разумеется, идет о ядерных взрывах, однако мы можем привлечь специалистов, которые докажут, что эти результаты вполне сравнимы со случаями и другими формами радиационного воздействия.

В означенном докладе сказано, что лейкоз наблюдался у выживших в среднем чаще, чем в двух-трех случаях в сравнении с не подвергшимися облучению японцами, несмотря на то что число пострадавших, как показывает статистика, значительно увеличивается только при получении дозы радиации от пятидесяти рентген и выше.

А вот отчет о работе американских радиологов, практиковавших до тысяча девятьсот сорок пятого года, и в нем сказано, что смерть от лейкоза, соответственно, у этих медиков выше, чем у других медицинских специалистов и врачей общего профиля. А в этом отчете говорится, что, когда мышей подвергают быстрому и резкому радиоактивному облучению,

снижение средней продолжительности их жизни в процентном отношении зависит от ускоренного воздействия дозы облучения. Далее в отчете сказано... вот, позвольте привести точную формулировку: «Иными словами, по мере увеличения дозы облучения степень ее воздействия повышается со все возрастающей скоростью, которую трудно рассчитать по линейной гипотезе с применением простой прямой пропорциональности».

Барни не имел ни малейшего представления, о чем говорил Маршак, но было ясно – молодой адвокат подготовился основательно. Все это производило поразительно тягостное впечатление. Маршак, похоже, собрал убедительные доказательства, что, грозит им лейкоз или нет, срок их жизни все равно сократится, а насколько, это вполне поддается измерению, и это был их главный аргумент – самая суть дела. Все сводится к тому, что ценность имеют каждый день, неделя, месяц и год. Но ведь дни можно прожить по-разному – либо впустую, либо с пользой, не так ли? И кто может сказать, что они одинаково ценны? Стоит ли оценивать время одинаково, что бы вы ни делали? Или можно вычислить его среднюю величину? Равноценен ли день жизни Пикассо, успевающего создать настоящий шедевр за столь короткий срок, дню жизни дворника, единственно способного подмести опавшие листья? Дни молодости, когда вам семнадцать, ценятся куда меньше, чем дни старости, когда вы при смерти. Человек готов отдать все свое состояние, которое он копил годами, ради того, чтобы под конец урвать себе хотя бы еще недельку-другую жизни.

Маршак привел в качестве доказательства и результаты обследования художников, расписывавших циферблаты часов: его доводы строились на том, что в одном отчете окрестили как «бремя радия» и что данные по сохранению радия в организме человека теперь используются как стандарт, по которому измеряется степень воздействия других изотопов, при том, что тот же стандарт применим и к определению степени радиационного поражения и его клиентов.

Тут Барни не выдержал и сказал:

– Хватит с меня всей этой белиберды! Я хочу, чтобы компания опубликовала заявление в газетах, что она берет на себя всю ответственность за последствия случившегося.

Маршак хотел было его успокоить, но Барни оттолкнул его.

– Я серьезно, – не унимался он. – «Нэшнл-Моторс» слишком крупная корпорация и не сможет утаить свою вину, к тому же у нее нет на это никакого права. Я хочу, чтобы весь мир знал, что она виновата. Если она

это сделает, я приму последнее предложение. А нет...

– Сядь, Барни, – прошипел Маршак, – пока не наломал дров.

Барни услышал, как за громадным столом переговоров поднялись возгласы возмущения, как зашуршали бумаги и зашаркали ноги, а потом слово взяло одно из размытых лиц:

– Не стоило приглашать сюда моего зятя, мистер Маршак. Он художник и легко поддается своему прихотливому воображению.

– Воображению?! – вскричал Барни. – При чем здесь мое воображение? Или, может, это я сам, а не кто-то другой, виноват в том, что случилось? Так кто же должен за все ответить, любезный мой тестюшка? Я вам скажу. Вы и все, кто с вами.

– Пожалуйста, Барни, перестань!

– И не собираюсь, Эд, потому что речь идет о вине, и ее кто-то должен разделить. О вполне измеримой вине! – прокричал он, силясь заглушить их негодующие возгласы. – А бремя вины не менее тяжелое, чем бремя радия, о котором ты тут рассуждал. Вина накапливается у тебя в клетках мозга как ненависть к себе, и это приводит к раку разума и лейкозу души.

– Мой зять психически не здоров, это же очевидно.

– Неужели психически я не здоров больше, чем вы и все остальные в городе, – те, кто обвиняет меня, что я заразился радиацией, которую занесла сюда компания? А знаете, почему нас обвиняют? Я вам скажу. Потому что при виде жертвы люди чувствуют себя виноватыми, и это вызывает у них такую ненависть к себе, что это просто невыносимо. Поэтому под давлением чувства вины разум обращает всю свою ненависть на жертву, лишь бы скорее избавиться от ненависти к себе.

– Но мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать твои домыслы, кто в чем виноват, – заметил его тесть. – Мы собрались здесь для того, чтобы обсудить условия урегулирования спора.

– Ах, ну да, это же ваш конек, – сказал Барни, – но это имеет самое прямое отношение к делу, поскольку пункт о бремени вины теперь придется включить в соглашение. Видите ли, с вашей помощью мой разум уже поражен раком, но, вместо того, чтобы возненавидеть себя за то, что я сделал, мне удалось обратить свою ненависть в другую сторону, и теперь я ненавижу всех вас.

Среди собравшихся прошел ропот, и это подстегнуло Барни говорить быстрее: он боялся, как бы ему не заткнули рот.

– Почему же это вас так возмущает? Почему я не должен вас ненавидеть? Я говорю лишь о том, что пытаюсь освободиться от естественных вредных ощущений, вместо того чтобы обратить их во вред

себе. Вы же не станете отрицать, что человек, который притворяется, будто всех любит и ни к кому не питает неприязни, отвергает естественное чувство ненависти, восходящее ко временам Каина и Авеля.

– Барни, это только усугубляет дело.

– Вот именно, любезный мой тестюшка. Ваши благодетели сначала собираются возлюбить весь мир, а потом начинают ненавидеть себя – да уж, крепкие ребята. А слабаки оказываются в психушках. Наши психологи не любят говорить о главной потребности человека – ненавидеть. А знаете, кто докопался до правды? Я думал об этом все время, пока работал над скульптурой под названием «Жертвы». И я вам скажу – кто. Те, кто нашел выход, страхующий от злокачественного чувства вины и кто способен избавиться от него раз и навсегда, – ненавистники. Они-то и унаследуют землю.

Кто-то встал, как будто собираясь ему возразить, и в зале вдруг стало тихо. Это был Энгстрем.

– Молодой человек, – сказал он, – вы больны. Эта ваша ненависть разодрала на части нашу нацию – нацию, построенную на принципах милосердия и любви...

– Боже мой, неужели вы забыли, – воскликнул Барни, – что эта нация была основана на ненависти к англичанам и краснокожим? Или, может, вы забыли, как мы вступили в союз с русскими и китайцами, помогавшими нам ненавидеть наших врагов по «оси»^[35] во времена Второй мировой войны? И как было здорово, когда мы раз и навсегда избавились от этой ненависти, превратив наших врагов в друзей и возненавидев наших союзников. А потом, само собой, мы начали ненавидеть кубинцев и вьетконговцев^[36] и северных вьетнамцев. Милосердие и любовь – чушь собачья!

Неужели вас никогда не удивляла эта причудливая смена друзей на врагов и врагов на друзей и эта странная двусмысленность в трактовке таких понятий, как любовь и ненависть? Разве вы не видите? Мы не испытываем ненависти к народам или нациям потому, что они олицетворяют зло. Мы называем и считаем их злом, потому что нам нужно кого-то ненавидеть. И вы поступили точно так же, когда назвали меня злом. Вы со своей компанией дали себе право ненавидеть меня – человека, ставшего жертвой вашей халатности.

У вас, дельцов, врожденное чутье к таким вещам, как и у политиков, которые знают – народные массы объединяет и смущает не любовь или секс, не сила или страх, а общий враг. «Группы, ненавидящие вместе, и

держатся вместе». Хотя эти факты плохо вяжутся друг с другом, однако так оно и есть. Таким образом, вы выплеснули свою ненависть наружу. И теперь я ваш заклятый враг.

Барни стоял, раскачиваясь взад и вперед и глядя на собравшихся, – они сидели тише воды ниже травы, потрясенные нападками на своего руководителя, – но их лиц он не различал. Затем им овладело безнадежное ощущение слабости – он опустил на стул и закрыл глаза руками.

– Прошу прощения за моего клиента, – сказал Маршак. – Ему нехорошо.

– Не надо за меня извиняться, – пролепетал Барни, едва выдавливая из себя слова. – Ну их к черту.

На этом заседание закончилось – собравшиеся бесшумно ретировались.

3

Еще никогда Карен не видела Элджин таким прекрасным, как сейчас: дни стояли ясные, всюду кружила листва. Ей нравилось смотреть ранним утром в окно и наблюдать, как детвора идет в школу, а вечером возвращается домой, прижимая к себе газеты, чтобы передать их потом своим матерям. Она не помнила, чтобы когда-нибудь раньше была так счастлива, но радость ее всякий раз омрачалась, когда она вспоминала, каково сейчас Барни. Однако же мысли о том, что происходит у нее внутри, заставляли ее забыть про мимолетные угрызения совести.

Как-то вечером, в середине сентября, сидя с Майрой за кункеном^[37], Карен все никак не могла сосредоточиться на игре: она перебирала в голове различные сочетания имен, приходившие ей на ум. И вдруг, когда она начала комбинировать имена Джастин и Жюстина с фамилией Старк, она ощутила резкий толчок и удивленно вскрикнула.

– Что с тобой? – воскликнула Майра.

– Просто я почувствовала... ох! И вот опять!

Барни, находившийся в это время на кухне, прибежал с хлебным ножом в руке, словно собираясь дать отпор незваному гостю.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Шевельнулось. Я как раз думала про имена Джастин и Жюстина... и тут вдруг шевельнулось.

Она заметила в его глазах недоверие.

– Что шевельнулось?

– Младенец. Я перебирала в уме имена.

– Тьфу ты, черт! – Он швырнул нож на пол. – Ты напугала меня своим криком. Ты ведь и раньше чувствовала, как он шевелится.

– Только не так, как сейчас. Вот, приложи руку...

– Нет уж, спасибо.

Барни рухнул на диван и прикрыл лицо рукой.

Карен злилась на себя за то, что попросила его разделить с ней свое необыкновенное ощущение. Она вспомнила, что Барни и знать ничего не хотел об этом, словно, закрывая глаза на растущего, шевелящегося младенца, он пытался вычеркнуть его из своей жизни.

– Я все забываю, ты ведь просил не говорить тебе об этом... Только держать это постоянно в голове нелегко...

Ей не хотелось плакать, но на глаза у нее навернулись слезы.

– Прости! – сказал Барни. – У меня опять голова раскалывается, черт бы ее побрал. Я не хотел тебя обидеть. С моей работой что-то происходит, а что – никак не пойму, и это меня беспокоит. Кажется, все закончено – ан нет, не тут-то было. Уже почти неделю спускаюсь в мастерскую, все смотрю – и ничего не понимаю.

– Почему бы тебе не показать нам? – полюбопытствовала Майра, явно стараясь отвлечь их от разговора о младенце.

– Только когда закончу, не раньше, – отрезал Барни.

Карен попробовала предупредить ее взглядом, но Майра не обратила на нее внимания.

– Но ведь ты сам перед этим сказал, что у тебя, кажется, все закончено.

– Может, да, а может, нет. Только вам обоим это не понравится, а мне бы не хотелось видеть вашу реакцию, пока я сам не разберусь, что к чему.

– Он прав, – заметила Карен. – По-моему, нам не стоит вмешиваться.

– А вот и нет. Мы вовсе не собираемся высказывать свое мнение, – не унималась Майра, – пока не решим, что все закончено. Мы не переломимся, если оставим свои суждения при себе.

Барни рассмеялся, встал и принялся шагать назад и вперед.

– Бред какой-то. Неужели ты сможешь утаить свои ощущения? Вот моя жена навряд ли. У нее все на лице написано, даже когда она помалкивает. Дело в том, что ей, если честно, никогда не нравилось то, что я делал. Ей плевать на мою работу.

– Это неправда. Мне совсем не плевать, просто ты всегда изгонял меня из мастерской, как и из своей жизни. Так чего же ты хочешь? Я толком не видела ни одной твоей работы, кроме разве что Венеры, и то бог весть когда. Так что я вряд ли могу судить о том, на что мне не разрешали

смотреть.

– Ладно. Идем, сейчас посмотришь.

– Не беспокойся. Только не сейчас. Не надо было ничего говорить, чтобы тебя не расстраивать.

– Но я и правда хочу, чтобы ты посмотрела, – сказал он, хватая Карен за руку и увлекая ее за собой в подвал. – И ты, Майра. Сейчас все дружно и полюбуемся. Ну же!

– Только не сейчас, Барни, – взмолилась Карен. – Ты злишься на меня и на бог весть что еще. Я посмотрю, когда ты решишь, что закончил работу, и когда у тебя будет хорошее настроение.

– Ни о каком хорошем настроении больше не может быть и речи. И у работы не будет конца. Так что идемте – скажете, что вы думаете об этом, вы обе. Да что опять случилось?

Карен снова почувствовала – и прижала свободную руку к животу.

– Ничего, просто спазм. – Заметив, как помрачнело его лицо, она собралась с духом и направилась следом за ним в подвал. – Все хорошо, я с большим удовольствием посмотрю твою работу.

Он быстро открыл дверь в подвал. Она понимала – ему действительно хотелось, чтобы они обе увидели все прямо сейчас. Так почему бы и нет? Разве можно все время творить так, чтобы никто не знал, чем ты занимаешься и что переживаешь? Хотя Карен знала, что с годами Барни избавился от дилетантской потребности показывать незаконченные работы, чтобы услышать в свой адрес одобрение или совет и знать наверное, что другим нравится, прежде чем продолжать творить дальше; он тем не менее любил обсуждать этапы своей работы, пояснять, чем он, собственно, занимается, и опробовать свои замыслы на стороннем зрителе, при том что его совершенно не беспокоило, понимает ли их зритель или нет, нравится ли ему то, что он делает, или нет, – не беспокоило до тех пор, пока он не замечал ответную реакцию.

Последнее время он все свои переживания держал внутри себя, и это пугало. Так что сейчас ей следовало реагировать с крайней осторожностью. Времени высказывать откровенное критическое суждение не было. Пускай его критикуют другие – потом, а сейчас его нужно было всего лишь приободрить.

– Не так близко, – сказал Барни, открыв дверь в мастерскую и включив свет. – Это скульптурная группа, картина, – сперва ее нужно рассматривать в целом и только потом по частям.

Карен подождала, когда он установит две лампы по обе стороны от завешенной влажным покрывалом скульптуры, стоявшей на поворотном

столе посреди мастерской. Хотя в подвале было прохладно и сухо, Барни покрылся испариной. Карен пожалела, что это случилось сегодня. Ей будет довольно сложно утаить отрицательную реакцию. Да и Майре, пожалуй, тоже. Малейший знак неодобрения мог задеть его за живое, а этого ей совсем не хотелось.

– Итак, запомните, как только сниму покрывало, главное – первое впечатление. То есть вы должны его составить себе, прежде чем начнете реагировать на отдельные части или взаимосвязь фигур между собой. Как будто сначала вы смотрите издали. Так вот, даже если вам не понравится главная тема – я имею в виду людей и то, чем они занимаются, постарайтесь отнестись к тому, что видите, без всякого предубеждения, попробуйте ощутить ритм всей композиции и угадать способ, каким я пытаюсь обозначить пустое пространство и форму...

– Хватит уже тянуть канитель, давай, наконец, поглядим, – прервала его Майра.

Она не привыкла прятать свои чувства. Понятно, он тянул канитель, потому что боялся. Карен охотно подождала бы, пока он выговорится, но Майра всегда относилась с нетерпением к чужим слабостям.

– Ну ладно. Вот. Называется «Жертвы»...

Когда Барни сорвал покрывало, Карен постаралась сделать все так, как он велел, – увидеть композицию в общем, уловить ритм линий и всего целого, но не успела. Перед нею распахнулись лики, искаженные мукой и ненавистью. Это была сцена разгула людей, набросившихся на испуганную женщину, низвергнутую ими с пьедестала. Те же из толпы, кому не удалось до нее добраться, бросались друг на дружку.

Когда она двинулась вокруг композиции, перед ее взором предстали другие лики. Более мелкие фигуры в сравнении с теми, что обычно лепил Барни, – около четверти человеческого роста: однорукий попрошайка, которого побивает человек с молотком, ребенок, растоптанный под ногами. И посреди всего этого – перепуганная, повернутая в гущу толпы женщина в одеждах, изодранных вцепившимися в нее руками, голова ее откинута назад, на устах застыл крик, потому что когтистая лапа хватает ее за грудь. Каждый персонаж совершает что-то зверски жестокое по отношению к ближнему.

Картина напомнила ей одну порнографическую фотографию, которую ей однажды показали: на ней были изображены мужчины и женщины, переплетенные в сексуальных позах и проделывающие что-то непонятное друг с другом, причем никто из них не обращал никакого внимания на того, кто использовал его или ее как сексуальный объект сверху, снизу или сбоку:

руки, губы, половые органы – все сливалось в одну разнузданную цепочку. Карен поделилась тогда своим отвращением с Барни, а он в ответ только рассмеялся и сказал: по крайней мере, они слились в экстазе, а не отвернулись друг от друга. Когда же она возразила ему, заметив, что каждый из них пользуется и используется ближним, не заботясь о происходящем, при том что каждый же, думая только о собственном удовольствии, остается тем не менее в одиночестве, Барни ей ничего не ответил.

И вот он перенес форму и движение с той фотографии на свою скульптурную композицию, заменив сексуальную оргию на разгул жестокости. Карен силилась не выдать свое отвращение, но она почувствовала, что у нее внутри все сжалось так, что трудно было дышать.

– Прекрасно! – сказала Майра, обойдя скульптурную группу второй раз. – Ты ухватил самую суть человеческого вырождения и жестокости. Вся ненависть обрушилась на многострадальную женщину, которая попыталась возвыситься над человеческой природой, боясь стать плоть от плоти человечества. Но люди не желают оставить ее в покое. Они низвергают ее в толпу... и... лишают жизни.

Затем Барни повернулся к Карен, чтобы посмотреть на ее реакцию, и увидел, до чего же все это ей противно. Она не могла скрыть своего отвращения и ужаса, лишивших ее дара речи. И слова тут были ни к чему.

Он видел, как она силится совладать с собой.

– Тебе не понравилось?

Зачем он пытается ее разговорить?

– Ритм форм... удивительный... Столько движения!

– Думаешь, я не вижу у тебя на лице отвращение? Я пока еще не слепой. Единственное, что я не могу понять, – почему после всего того, что с нами случилось, после того, как нашу жизнь разорвали на кусочки и жители этого города отвернулись от нас, ты тем не менее не признаешь жестокость человека по отношению к своему ближнему. Неужели тебе так трудно взглянуть правде в лицо?

– Правде?

– А по-твоему, это неправда?

– Я такого не ожидала.

– Вы оба слишком взвинчены, – сказала Майра. – И это не на пользу ни тебе, ни тебе.

– Так чего же ты ожидала? Благоликую Мадонну с младенцем у фонтана и резвящимися вокруг них купидончиками? И это, по-твоему, правда? Ты думаешь только о том, что у тебя в животе. А что, если там

уродец? Ты выдаешь свое корыстное желание за материнскую любовь.

– Прости, Барни. Не знала, что в тебе столько ненависти. Вместе с болезнью ты выплескиваешь наружу все свое зло.

– Что ж, спасибо. По крайней мере, теперь я знаю, что ты думаешь о моей работе. Продукт извращенного ума в извращенном теле. И все же я кое-что тебе скажу. Мне плевать на твое мнение. Твоя голова так забита жизненными стереотипами и любовью, что ты напрочь забыла про радиоактивный кошмар, на который мы обречены, – не говоря уже об убийствах, зле и ненависти, превращающих весь мир в один сплошной кошмар. Глаза твои зашорены, и ты не видишь ничего, кроме пеленок, бутылочек и всех этих милых круглых мордашек из тошнотворных детских журнальчиков, которые тебе присылают.

Может, я и болен, да только болезнь открыла мне глаза на жизнь. Нет никакого доброго рога изобилия, ждущего, когда его кто-то подберет и изольет на нас, как уверяют все эти благодетели и сострадалыцы. И еще я скажу тебе. Майра права. Это моя лучшая работа. И силы и правды в ней куда больше, чем в иной музейной рухляди.

– Прости, Барни. – Она отвернулась словно для того, чтобы не слышать его крики, и направилась к выходу. – Прости.

– Мне не нужны твои извинения. Чтоб ноги твоей больше здесь не было. В следующий раз я скорее разобью свою работу, чем разрешу тебе на нее посмотреть. И не вздумай впредь подходить к моей мастерской.

Карен взбежала наверх, сокрушаясь, что, вместо того чтобы поддержать Барни и сделать ближе к себе, она вбила клин между ними. И это – сейчас, когда он был ей нужен больше, чем когда-либо. Может, ее глупые воспоминания о счастливых лицах и безмятежных позах, как у римских и греческих фигур, чьи копии Барни лепил в художественной школе, и Венера, над которой он трудился, действительно не годились для нынешних дней, но ведь и его яростные метания туда-сюда тоже никуда не годились.

Ей нужно было с кем-нибудь поговорить. Только не с Майрой. А с кем-то, кто ее непременно поймет. В ближайшее же время – может, на следующей неделе – она обязательно позвонит маме. Барни, конечно, это не понравится, но теперь ей хватает и других забот.

Карен включила свет и, глядясь в зеркало, прижала руки к подрагивающему животу. Тише, малыш, все будет хорошо. Странно видеть себя настолько располневшей и ощущать внутри себя растущую плоть от плоти своей и кость от костей своих. Хотя она никогда не писала ни книг, ни картин и не лепила из глины, она все равно творила – прямо сейчас. Она

попробовала представить себе зрительно комочек внутри себя, вспомнив отвратительные рыбоподобные формы из книжек по гигиене беременных, которые так не нравились Барни. Она вспомнила скрюченное тельце с тоненькими ручками и ножками, вздутым животиком и непомерно большой головенкой, как у какого-нибудь незрячего морского животного, будто болтающегося на другом конце удочки и крепко связанного с ее собственным чревом. Чем человечнее выглядел этот комочек, тем страшнее он казался.

– Ты будешь здоровенький, – прошептала она. Закрывает глаза и отвернулась от зеркала. – И все у тебя будет хорошо. Вот не буду ни о чем таком думать, и у тебя все будет хорошо. Только, пожалуйста, Боже милостивый, не дай ему умереть от всего этого. Дай одолеть эту ненависть и болезнь, пока еще не поздно.

И все же было жутко сознавать, что та несчастная в скульптурной группе, вся изодранная когтями и оборванная, не кто иная, как она сама.

Барни был рад, что Майре понравилось и что она как будто все поняла. Ему хотелось, чтобы и она разделяла его радость. Он пристально всматривался в композицию, медленно поворачивал ее то одной стороной, то другой, оценивая размеры и досадуя, что может одновременно объять взглядом все целиком лишь под одним углом за ограниченный промежуток времени; он щурился, стараясь собрать воедино линии и формы, потому что они расплывались у него перед глазами. Во-первых, он понял, что чего-то недостает в сцене с женщиной, кричащей от ужаса, поскольку ее хватает за грудь тянущаяся из толпы рука (рука Морехода, которому попрошайка выбил глаз). И тут Барни понял: не доставало второй руки рядом с ее лицом – руки человека с топором. Он забыл про Майру и взялся за сырую глину, скатывая, разминая шарики и придавая им форму руки, которая в конце концов приблизилась к губам женщины. Она кричит и одновременно силится укусить того человека. Причинять кому-то боль и в то же время самому страдать от боли – то, что надо. Таким образом круг замыкался.

– Знаешь, почему я назвал это «Жертвы»? – вдруг спросил он.

Майра подошла к нему ближе.

– Кажется, знаю. И с этой рукой ты попал в точку. Каждый из нас становится жертвой, как только делает своей жертвой другого. Каждый из нас служит инструментом, чтобы причинять боль другому и себе самому.

Почему же она это видит, а Карен нет? Майра стояла так близко, что он чувствовал исходящий от нее запах свежести и в какие-то мгновения видел ее такой, какой она была четыре года назад. Она не так уж

изменилась – и вызывала такое же волнение, как в былые времена, когда он представлял себя в ее объятиях. Ему захотелось обнять Майру, запустить руку ей под блузку и ощутить ее тело, о чем он мечтал все эти годы.

– Я лучше пойду, – сказала она.

– Погоди!

Но она уже собралась уходить.

– Это прекрасно, Барни. Ты воплотил то, что задумал и глубоко прочувствовал. Мне хотелось посмотреть, над чем ты работаешь, и теперь я больше, чем когда-либо, уверена – ты будешь и дальше искать смысл и цель страданий. Знаю, приди ты к нам, тебе удалось бы отыскать путь.

– Я всегда был сам по себе, – сказал Барни, подходя к ней все ближе.

– Вот именно, я и сама была такой же. В том-то вся штука. Боль, бессмысленная сама по себе, становится значимой, только когда мы сближаемся.

– Тогда почему ты отстраняешься от меня?

– Я имела в виду другое. И ты прекрасно это понимаешь.

Она ушла наверх, предоставив ему работать дальше, но, едва начав менять форму лица, так, чтобы обнажились зубы, готовые впиться в руку, он потерял всякий интерес к работе. Все его мысли обратились к Майре, какой она была в его студенческую пору, – он хотел ее отчаянно. И вдруг его глазам стало больно – ему показалось, что свет сделался тусклым. Он набросил на «Жертвы» покрывало и сбрызнул его водой. У него еще будет время поработать.

Следующая суббота выдалась для Барни удачной. Усталость, не отпускаящая все предыдущие недели, как будто прошла – ему захотелось выйти из дома, прокатиться на машине и оказаться среди людей, не знавших, что с ним случилось. Водить машину зрение пока еще позволяло: в глазах мутнело, но не так чтоб уж очень. После обеда, ничего не сказав ни Карен, ни Майре, он сел в новенький автомобиль и уехал из дому один.

Никуда определенно ехать Барни не собирался и не думал. Ему хотелось просто покататься, заглянуть в какой-нибудь знакомый бар в Детройте, где он сживал в пору своей холостяцкой жизни. Несколько таких баров помещались рядом с университетом, и еще парочка находилась в центре города – там он обыкновенно коротал досуг за стаканчиком, находя себе приятного собеседника. Может, в этот раз удастся сойтись с

какой-нибудь девицей. Еще недавно он чувствовал себя виноватым перед Карен даже при одной лишь мысли об этом, но теперь все прошло. После того как их обоих подвергли процедуре обеззараживания, они чувствовали такое взаимное отвращение, что им было неприятно даже прикасаться друг к другу. Они как будто все еще боялись подцепить заразу друг от друга.

Со скоростной автострады на Вудуардской развязке Барни хотел было свернуть к одному из баров по соседству с университетом – и вдруг понял, что дал маху. Ему там нечего было делать. Сам он уже давно не студент – и юные студентки его больше не интересовали. Тогда он повернул на юг и направился в центр Детройта. Там располагались уютная кафешка «У Тони», бары «У Лу Мартина» и «Багровый дворец». По крайней мере, кто-то из тамошних барменов и официантов наверняка вспомнит его по прежним временам. Волновали и воспоминания о девицах, частенько захаживавших в те места. Одна из них хоть на какое-то время могла отвлечь его от мыслей о Майре. На прошлой неделе он пытался взяться за работу, но его постоянно отвлекали фантазии о том, как он предается любовной страсти с Майрой. Может, вечерок с какой-нибудь девицей – незнакомой – и правда утолит его жгучую жажду плоти.

Когда Барни вошел в клуб, Тони Гриско сразу его узнал. Заведение было набито битком, и это навевало воспоминания о студенческих временах, душевных разговорах и симпатичных девушках. Последние годы он частенько думал о старых местах: заглядывают ли туда его старые друзья-приятели и знакомые девчонки. Давненько же он с ними не виделся. Хотя, даже когда его брак трещал по швам, ему казалось, что встречаться с прошлым не стоит. Барни знал – Карен сильно расстроится, если узнает, что он был с другой женщиной. Впрочем, сейчас они не испытывали никаких чувств друг к другу – их связывала взаимная зависимость от того, что с ними случилось, и только, – и он был волен искать любовных утешений на стороне. Ему хотелось простого сладострастия – обыкновенного секса с незнакомкой. Внешних форм и физических ощущений – больше ничего.

Барни робко примостился за стойкой – подальше от шумной компании, словно боясь, что тело его не выдержит гнетущего напряжения. Он отказался от места, которое предложил ему Тони, потому что там было слишком светло, а от яркого света у него болели глаза, и он присмотрел себе стул в дальнем темном конце стойки. От красно-зеленых огней и сверкающих зеркальным блеском бутылок за барменской стойкой кругом полыхали радуги – они сливались и пересекались в матовой дымке (эти радуги видел только он – из-за глазного давления, предвещавшего скорое

затуманивание зрения), образуя вокруг огней причудливо клубящиеся ореолы и скульптурные фигуры, слепленные из пространства и света. Надо будет попробовать воспроизвести эти радужные огни и назвать все это «Укромный уголок “У Тони”: Главная композиция».

– Что будешь пить, Барни?

Сощурившись и разглядев знакомые обводы шхуны на желтой бирке, он успокоился, убедившись, что смог-таки распознать неясные очертания кораблика.

– «Катти»^[38] с водой.

Когда Тони подал ему заказ, Барни принялся ощупывать бокал пальцами, чтобы ощутить его скользкую округлую форму, оставившую влажный контурный след на гладкой поверхности стойки. Последнее время он нередко проделывал подобные опыты, пытаясь с помощью прикосновения угадывать предметы только по их форме и текстуре.

Пригубив из бокала, Барни удержал обжигающее спиртное во рту, прежде чем сглотнуть. Потом пригубил еще. И еще. Давненько он не позволял себе пить столько. Вскоре он разглядел девицу, одиноко сидевшую за столиком у стены, слева от него. Он видел ее, когда чуть наклонял голову и мельком бросал взгляд через свое левое плечо. Она не смотрела в его сторону, и, прищурившись, он мог сфокусировать зрение на ней. Глаз не отвести: слабая пергаментная бледность, оттененная чернотой волос, губная помада, ярко полыхающая на фоне матово-белой кожи. Чертовски, до пресыщения, очаровательная, в черной кружевной накидке на белых плечах. Она оглянулась на него – он улыбнулся, кивнул и жестом показал на бутылки позади барменской стойки.

– Тони, повтори той даме то, что она пьет.

Тони покачал головой и нахмурился.

– Пустое, – прошептал он, – эта пьянчужка не для тебя. Пожалей свое время и деньги.

Барни кивнул и улыбнулся. Тони судил по старинке, не ведая, что одинокому, пропащему бедолаге негоже проявлять разборчивость.

– Валяй-валяй! – велел Барни.

Тони пожал плечами, плеснул в стакан что-то из бутылки с полки и отнес выпивку к столу девицы. Вернувшись, он сказал:

– Она хочет, чтобы ты с ней выпил. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал. Эта фифа может лакать всю ночь без передыху. С ней без штанов останешься.

Барни подхватил свой бокал и направился к незнакомке, протискиваясь сквозь теснящиеся тела. Подойдя ближе, он убедился, что еще недавно она

действительно была красавицей. Сексуальность, женственность, гладкая кожа – все это манило его, заставляя забыть про Майру. Черные волосы, оттенявшие бледность ее кожи, поразительно напоминали ему прежнюю Карен (морщинки на шее, вокруг глаз и рта выделяли участки плоти, тронутые временем), однако она все равно казалась ему привлекательной, и это тешило его надеждами.

– В наше время мужчина не часто заказывает выпивку к дамскому столу, – сказала незнакомка. – Просто восхитительный жест! В наше время такое большая редкость. – Она поднесла руку к волосам, потом извлекла из пачки сигарету похожими на когти ногтями и наклонилась к нему прикурить. Задержав его руку в своих ладонях, пока прикуривала, она прибавила: – Какие красивые, длинные пальцы! Ты пианист?

– Скульптор.

– Художник! А с виду не скажешь. Художника представляешь себе с косматой бородой, в грязной хламиде и сандалиях, и несет от него так, словно он сроду не мылся. Только не в изящном черном костюме с галстуком. – Она поднесла пальцы почти к его лицу. – Да и лицо у тебя с виду такое гладкое. Скажем прямо, не как у всех этих хиппи и битников, погрязших в наркотиках, проповедующих свободную любовь и все такое.

Тут она пустилась в разглагольствования о том, что всех этих хиппи с баламутами-студентами, которые только и умеют, что шататься по демонстрациям, лучше бы выгнать из страны, потому что они подрывают демократию и свободное предпринимательство.

– Давай уйдем отсюда, – предложил Барни.

– Как, уже? Ты же только пришел. – Она царственно огляделась кругом и обвела зал взмахом руки. – Еще не вечер. Никто и не думает расходиться.

– А мне хочется уйти, – сказал он, поглаживая ее по руке.

– Какой гор-рячий молодой человек! И какой напористый. Не успел прийти, и тут же подкатил к даме. Мне нравится. Давненько ко мне так не подкатывали. Давай-ка еще по одной на дорожку.

Она влила в себя очередной двойной скотч, строя Барни глазки и прижимаясь коленкой к его колену, чтобы развеять его сомнения, после чего, наконец, позволила ему набросить на себя черную кружевную накидку. Барни почувствовал ее костлявую спину, острые, угловатые ключицы. А когда незнакомка поднялась, он с сожалением заметил, что она слишком уж худосочна.

– Ладно, страстный мой Ромео, – хихикнула она. – «Макдуф, начнем»^[39].

В дверях она споткнулась – Барни мигом подхватил ее за талию и,

отчетливо ощутив тощие ребра, выпиравшие у нее через скользкое шелковое платье, почувствовал отвращение. Он вдруг подумал, а не бросить ли ее где-нибудь, поскольку у него как будто пропало всякое желание обладать ею. Обычно его влекло к стройным женщинам, и все же резкий контраст в сравнении с располневшим телом Карен делал незнакомку куда более привлекательной. Уже темно, все случится быстро, а сексуальность незнакомки с лихвой возместит ее неудобу. Если не заикливаться на ее костлявости, напоминавшей ему вытянутые фигуры Джакометти^[40], и такая сгодится.

Но не заикливаться было невозможно, потому что, к чему бы Барни ни прикасался, он то и дело натыкался на ее локти, коленки и ребра, а когда она приникла к нему, его руки, оказавшись у нее за спиной, тотчас нащупали выпиравшие костяшки ее позвоночника, похожие на громадные бусины четок.

Жилище незнакомки помещалось в стоявшем неподалеку обветшалом многоквартирном доме. Когда они подходили к лифту, Барни увидел в зеркале ее отражение и тут же отвернулся, но, подумав, что когда-то она была молода и красива, решил, что будет любить этот смутный образ из ее прошлого.

Ее квартира, располагавшаяся на верхнем этаже, выглядела опрятной (она была оформлена, как он выражался, по «современному каталогу»), а благоухание свежих цветов даже приятно его удивило. На кушетке, среди разбросанных подушек, лежало с полдюжины дорогих на вид кукол. Через открытую в глубине дверь просматривалась спальня и розовое бархатное постельное покрывало, заваленное плюшевыми собачками, котиками, тигрятами и медвежатами.

– У тебя есть дети?

– Не говори глупости, – прыснула она. – Это все мое.

Барни снова захотелось сбежать, но незнакомка слегка потрепала его за подбородок и сказала:

– Налей себе чего-нибудь. – Она показала на бутылку и стаканы, стоявшие на выдвижном столике, и добавила: – А я пока переоденусь во что-нибудь поудобнее.

Жилище, каждое ее слово (даже включая выражение «что-нибудь поудобнее») подрывали его ожидания: ему казалось, что происходящее напоминает некий пародийный скетч. Ее одежда, черные кружева, нет-нет да и проглядывающие из-под платья, создавали впечатление, что он уже видел это раньше и знал, что будет дальше. (Неужели он был обречен всегда переживать одно и то же – проживать каждое событие с ощущением

дежавю, скрывающим действительность?) Барни знал – сейчас она явится в прозрачном черном negligé, разляжется на розовом бархатном покрывале среди своих плюшевых игрушек и позовет его, распахнув перед ним объятия. А когда он сольется с нею в порыве любовной страсти, что-то должно случиться. Но что именно – вспомнить он не мог. Барни насторожился, решив все прекратить, чтобы вконец не испортить впечатление о вечере. Он плеснул себе еще немного выпить, пытаясь оттянуть время: его тревожило смутное ощущение, что он чего-то забыл... и вот, через несколько минут она явилась в черном negligé.

Она выключила почти весь свет, и, хотя он привык к свету, полумрак обрадовал его, потому что от яркого света у него резало глаза.

– Ты такой необыкновенный, – проворковала она, когда он прикоснулся к ее шее. – Знаешь, как ублажить даму.

Барни вспомнил одного своего старинного приятеля, который однажды, когда он собрался на первое свидание с девчонкой, дал ему совет: «Общайся с дамой как со шлюхой, а со шлюхой как с дамой». Этот урок, по его собственному признанию, потом ему очень пригодился – больше в общении с дамами, нежели шлюхами.

Но целовать ее было неприятно. У нее были тонкие, как бумага, губы и холодная, влажная кожа. Он ограничился тем, что погладил ее по щеке и шее. Она помогла ему снять с себя negligé, а когда он расстегнул ей лифчик и принялся ласкать ее тело, то с сожалением обнаружил, что на ощупь оно у нее не такое гладкое, как лицо и шея. Оно было сплошь в болячках. Он резко отдернул руки – и, увидев, что она лежит без движения, с закрытыми глазами и приоткрытыми в ожидании губами, вдруг испугался, решив, что она мертва.

Барни понятия не имел, что это за болячки, а они были повсюду: на спине, под губами, на бедрах, – он вдруг почувствовал слабость и тошноту. Надо было бежать, да поскорее.

Он отстранился от нее и, когда она открыла глаза – посмотреть, что случилось, показал на ванную. Там он включил краны на полную и спустил воду в туалете, чтобы заглушить рвотные звуки. Выйдя из ванной, он направился напрямик к стулу, на котором висела его одежда.

– Что случилось? – спросила она, увидев, что он одевается.

– Прости, – сказал Барни, – по-моему, тебе не помешало бы обратиться с такой кожей к врачу.

Она села и смерила его обиженным взглядом.

– Я в порядке. У меня были небольшие проблемы с кожей пару месяцев назад. Но сейчас я вполне здорова. Просто авитаминоз. А ты, черт

возьми, что подумал?

– Не знаю, только думаю, тебе все равно лучше показаться врачу.

– По-твоему, я подцепила какую-то дрянь?

Барни, ничего не говоря, закончил одеваться.

– По-твоему, я шляюсь где попало и заражаю всех подряд? Думаешь, я заразная? А ну, убирайся, скотина. Проваливай!

– Я не хотел тебя обидеть, – продолжал Барни. Он достал бумажник, вытащил две двадцатидолларовые купюры и положил их на стол рядом с куклой-пупсом. – Это тебе за потраченное время.

Она в бешенстве бросилась на Барни, собираясь вцепиться в него своими ногтями. Он успел вовремя увернуться, понимая, что, если бы ее когтистые ногти впились ему в лицо, на нем не осталось бы живого места. Он захлопнул за собой дверь и кинулся вниз по лестнице в холл, чувствуя, как у него колотится сердце и стучит в висках. Но она распахнула дверь и, стоя голой в проеме, крикнула ему вслед:

– Чтоб глаза мои тебя больше не видели у Тони. Не то позову друзей, и они разmozжат твою мерзкую рожу. Заруби себе на носу, мерзопакостная дешевка!

Забыв про лифт, Барни мчался вниз по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки. У него лопалась голова, глаза резало от мелькавших впереди флуоресцентных огней. Он полушел-полубежал по практически пустынным улицам, сходявшимся лучами к парку посреди площади Кадиллак. Его тошнило, и сквозь рвотные позывы пробивалась неотступная мысль: кругом грязь... кругом разврат... кругом зараза...

Барни брел мимо включенных, покосившихся деревьев, аккуратно подрезанных кустарников и обрамленных скамейками аллей, не обращая внимания на мигающие яркие цветные огоньки фонтана; он шел к выходу на трехъярусную подземную автостоянку, над которой разбили искусственный парк.

И тут он услышал. Едва различимый шепот в темноте на третьем ярусе. Он огляделся – никого... но чуть погодя, пока возился с ключами, пытаясь открыть дверцу машины, он услышал его снова – голос, раскатившийся эхом по подземному залу:

«Ищи Церковь!»

Конечно, это голос Майры. Барни сел за руль, силясь унять пальцами пульсирующую боль в висках. И тут опять, и опять: «Ищи Церковь!.. Ищи Церковь!.. Ищи Церковь!..»

Наконец боль утихла – Барни спешно вырулил на одну аппарель, потом на другую... третью... выскочил на улицу, ведущую через город к

автостраде, поднажал на газ и помчал домой, включив на полную катушку радио, передававшее пронзительную музыку, лишь бы заглушить голос, если вдруг тот послышится снова.

Спустя несколько дней Карен поехала с матерью в Детройт на вечерние курсы Красного Креста для будущих родителей. По совету доктора Лероя она пробовала уговорить Барни записаться вместе с ней, но он отказался. Да и что он мог ей сказать сейчас, когда она помирилась с родителями? Последнее время она была такая счастливая и общительная, что совсем не походила на себя. Она всем сердцем верила, что у нее будет ребенок и что жизнь ее наладится, и это его раздражало, но разубеждать ее он не хотел. Пусть тешит себя призрачными надеждами.

Барни с Майрой пообедали раньше обычного, а потом расположились в гостиной, поглядывая друг на друга. Ее холодный апломб теперь почему-то действовал ему на нервы. Как и ее самодовольный вид – как будто она знала ответы на все вопросы. Вот бы лишить ее этой самоуверенности и посмотреть, каково оно – быть такой же ранимой, как он.

– Вечером мне нужно отъехать, – сказала Майра, – но мне бы не хотелось оставлять тебя в одиночестве.

– А я в одиночестве, даже когда рядом со мной люди. Поезжай. Я в порядке.

– Я думала захватить тебя с собой. И кое с кем познакомить.

– Ты же знаешь, я не люблю знакомиться с новыми людьми.

– Речь не о «людях». После того как я увидела твою скульптуру, мне сразу стало ясно – тебе просто необходимо познакомиться с братом Лукой. У тебя с ним много общего. Он художник, и в твоей работе есть нечто такое, что близко ему по духу, вот я и подумала – хорошо бы тебе с ним встретиться.

– Какой еще художник?

– То, чем он занимается, трудно описать словами. Но впечатление, которое я получила, осмотрев твою композицию, очень похоже на ощущение, которым я прониклась, когда видела его образы замученных душ в «Круге страданий». Две его картины из этого цикла сейчас представлены на Объединенной художественной выставке в Детройте. Так почему бы тебе не съездить со мной туда, в галерею, и не посмотреть его работы? Потом, если у тебя будет желание с ним познакомиться, мы сходим

в Миссию. А нет, так я пойду одна. Только думаю, тебе это было бы полезно.

Барни не собирался ехать с ней, но его одолевало любопытство.

– Похоже, ты точно знаешь, что полезно, а что нет.

– Я нашла ответы лишь на некоторые вопросы, – заметила Майра.

– А много лет назад тебе казалось, что ты знаешь все-все.

Она посмотрела на него так, точно он ударил ее по лицу.

– Я имел в виду другое, – сказал Барни.

– Да нет, то самое.

– Ну, хорошо. Просто последнее время меня отчего-то бесят люди, которые думают, будто знают ответы на все вопросы и могут объяснить, что случилось с Карен и со мной с помощью слишком упрощенных религиозных теорий. Это все равно что глядеть на перекаченную надувную куклу на параде в День благодарения. Руки так и чешутся проткнуть ее и посмотреть, что там внутри, помимо горячего воздуха.

Майра рассмеялась, и это его разозлило: у нее вызывало смех все, что бы он ни сказал. Она была до того самонадеянна и так умела владеть собой, что позволяла себе не обращать внимания на его колкость. Она совсем не походила на Карен, которая всегда принимала чересчур уж близко к сердцу малейшее раздражение или насмешку в его голосе. Майра же была способна дозировать объем враждебности, а то и вовсе пропускать ее мимо ушей. Ему очень хотелось задеть ее за живое, но в ответ она, вероятно, только улыбнется и возьмет его за руку.

– Поедем со мной – полюбуешься на работы брата Луки.

– Ладно, – сдался он, – поехали!

В галерее Барни остановился напротив двух картин за подписью «Лука П.». Первая – на ней был изображен изломанный закат, оранжево-красные блики которого разбивались вдребезги и переходили в плоскости пейзажа внизу, словно проходя сквозь несколько слоев воды и воздуха, при том что солнце выглядело так, будто его расколол, а потом неловко склеил по зубчатым граням ребенок, – отвергала целостное, единое представление о природе. Он понял, что имел в виду художник, а Майра, должно быть, увидела, что он пытался сотворить нечто, подобное «Жертвам».

Вторая представляла собой автопортрет.

– Брат Лука, каким он видел себя до того, как стал одним из нас.

– А как он видит себя теперь, ты знаешь?

Майра на мгновение сжала губы, силясь сосредоточиться.

– Я хотела сказать, что таким он больше себя не пишет. На последнем автопортрете он выглядит по-другому.

– И ты приписываешь это Братству?

– Да.

Тем не менее человек на портрете вполне вписывался в пейзаж: та же техника изломанных поверхностей и расколотых плоскостей применительно к человеческому лицу производила жуткое впечатление. Рот был сомкнут, но и при том что он был изломан в трех местах, образуя три сходящиеся вместе линии, создавалось впечатление, что человек кричит через закрытый рот. То же самое с глазами и безжизненной рукой – кричало все.

– Да, мне бы хотелось с ним познакомиться.

Майра тронулась с места. Миссия располагалась неподалеку от галереи – в одном из кварталов Детройта, где некогда большие особняки XIX века со временем превратились в трущобные пансионаты, давшие приют десяткам семей. Заколоченные досками окна напомнили Барни, что совсем недавно здесь происходили волнения. Все, о чем подумал Барни в этот довольно теплый и сырой сентябрьский вечер, когда они вышли из машины перед одним из этих строений и когда перед его взором предстали улицы, заваленные мусором и отбросами, а также люди у подъездов и в окнах, так это о том, какие же они здесь убогие, и это невольно вызывало у него чувство брезгливости. Он видел, с какой ненавистью местные обитатели глядели на его хорошую одежду и новенькую машину, и понимал – они были принуждены ненавидеть его, лишь бы не возненавидеть самих себя. Ненавидеть им было необходимо. Барни знал это по себе. Он только начинал ненавидеть, и пока это давалось ему нелегко. Но ему уже стало ясно – ненависть утоляет боль: это все равно как если бы человек хватил себя по пальцу молотком, потом обрушился на него с проклятиями, швырнул бы его наземь и вместе с ним избавился от боли. Ребенок учится этому, когда спотыкается на ровном месте – и пинает стул или кричит на землю, о которую ушибся коленкой. К чему усугублять бремя собственной вины и самобичевания, коря себя, если можно обратить проклятия к небу? И тут он вспомнил слова, которые его отец приводил из Книги Иова, когда у него что-то не ладилось: *«...я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и перле»*^[41].

Но отец ошибался. Главное – не отречься от себя, а обратить отречение вовне. Найти объект для ненависти. Какое имеет значение, Бог или человек причиняет тебе телесные муки? Все равно приходится думать, как жить дальше.

Миссия помещалась в старинном особняке из выщербленного, потрескавшегося красного кирпича; стены – где мелом, где красно-белой

краской – были испещрены знаками и девизами вроде такого: ХРАНИ, ГОСПОДЬ, – под которым кто-то приписал: СТАВКА – 2 %. Массивные дубовые двери были во многих местах исполосованы ножом и продырявлены – может, это дело рук снайпера или национального гвардейца. Кто-то вырезал надпись: БОГ УЯЗВЛЯЕТ! – и Барни почувствовал родство с людьми, всю жизнь переносившими страдания, которые сам он только-только начал познавать.

Майра посоветовала ему закрыть в машине окна и запереть дверцы. Затем она позвонила в звонок – и через несколько мгновений дверь открыли. Перед ними стоял здоровяк без пиджака, кожа у него была покрыта белесыми чешуйчатыми струпьями.

– Заходите, заходите, сестра Майра. Добро пожаловать, мистер Старк!

Услышав, что к нему обратились по имени, Барни вздрогнул и отшатнулся от человека, распахнувшего перед ними дверь.

– Входите, пожалуйста! – мягким, низким голосом настойчиво предложил здоровяк. – Мы премного наслышаны о вас от сестры Майры. И с нетерпением ждем встречи с вами.

– Мне следовало подготовить его, – сказала Майра, – но я боялась – если скажу лишнее, он не придет. Барни, это брат Лука.

Брат Лука протянул ему свою покрытую струпьями руку. Заметив нерешительность Барни, он улыбнулся, но руку не убрал, ожидая, что тот ее все же пожмет. Майра тоже ждала, но Барни удерживал тот же страх, который, как он догадывался, испытывали его соседи, когда он с Карен проходил мимо, – страх, который чувствовал и его тесть в тот вечер, когда обменивался с ним рукопожатием... однако он все же заставил себя крепко стиснуть руку брату Луке.

– Проказа, на самом деле, штука совсем не заразная, – заметил брат Лука, угадав сомнения Барни.

Он провел их в комнату, единственным убранством которой служило огромное распятие, не подвешенное, а установленное на полу и прислоненное к стене, – фигура Христа, пронзенного сбоку копьем; из-под тернового венца сочится кровь, как и с пробитых гвоздями ладоней.

– Это же брат Авраам отлил! – воскликнула Майра. – А я и не знала, что он здесь, в Детройте.

– Он приехал на прошлой неделе. Это его последняя работа. Он закончил ее только пару дней назад.

Барни повидал немало изображений Христа – безмятежно спящего, обратившего взгляд к небу в молитве, опутившего глаза в благодарности, безропотно страдающего, – однако ничего подобного видеть ему еще не

приходилось: эти поднятые вверх глаза навывкате, пробитые гвоздями руки, сжатые в кулаки, скорченное в агонии тело. Смотреть на такое было мучительно, даже сквозь пелену, застилавшую взор.

– Прикоснись! – сказал брат Лука.

Барни вдруг почудилось, что брат Лука схватит его за руку и потянет ее к телу, которое выглядело как настоящее, и он отпрянул. Однако брат Лука сам подался вперед, показывая пример. Фигура под его рукой закачалась и начала корчиться – словно живая. Майра аж вскрикнула.

– Его новая придумка. Синтетический каучук, студенистый на ощупь, хотя выглядит твердым как камень. Внутри – гибкая арматурная проволока. Прикоснись – сам увидишь.

Любопытство скульптора победило чувство отвращения. Барни прикоснулся к телу и почувствовал, что материал был подобран безупречно. Липкость создавала ощущение мертвой плоти, а колебания походили на корчи, как будто тело и правда силилось освободиться от гвоздей. Это было жутко и прекрасно.

Тут мимо кто-то промелькнул и, увидев их, вошел в комнату. Это был низенький, худощавый человечек, тоже без пиджака; у него было сильно вытянутое лицо и дрожащий двойной подбородок, который, казалось, мешал ему дышать, вынуждая клонить голову набок. В остальном же складывалось впечатление, что с этого лица и был отлит лик фигуры на кресте.

– Гляжу, вы рассматриваете мою резиновую скульптуру. Не могу выразить словами, как я счастлив встретиться с коллегой-скульптором. – Он вытащил из кармана руку и выставил вперед культю без запястья. Барни через силу обхватил его за толстый конец обрубка, а когда брат Авраам положил вторую свою руку на его ладонь, он заметил, что обе его руки были искалечены. На правой, чуть ниже предплечья, синела татуировка в виде номера. – У нас тут есть художники, а вот еще одного скульптора не хватает. И я был бы очень рад, если бы вы при случае взглянули на другие мои работы, более традиционные. Как видите, я поставил науку и технологию на службу искусству. Я еще в Лос-Анджелесе говорил сестре Майре, что впервые подумал о вас в связи с нашим Братством, когда узнал из газет, что с вами случилось и что вы скульптор. Я понятия не имел, что она вас знает. Как бы то ни было, сестра Майра поведала брату Луке обо всем, через что вам выпало пройти, и от имени остальных наших братьев я смею вас заверить, что мы готовы разделить это с вами. Знаю, ваша боль станет пожертвованием для нашей небольшой семьи.

Барни начал было возражать, но брат Авраам вскинул свою гладкую

культю и успокоил его.

– Понимаю, я поторопился. Но, уверяю, только из самых лучших побуждений. И теперь передаю вас в более надежные руки, чем вот эти. – Он отошел в сторону, потом повернулся и прибавил: – Я и правда был бы рад поговорить с вами о наших профессиональных делах в самое ближайшее время. И о том, чем вы сейчас занимаетесь. Сестра Майра живописала брату Луке вашу композицию – кажется, «Жертвы»? Мне и самому очень хотелось бы на нее взглянуть. Думаю, у нас с вами немало общего.

Только после того, как он ушел, махнув на прощание своей костлявой культей, Барни, снова глянув на распятие, заметил на предплечье у Христа синюю татуировку в виде номера.

– Да, – проговорил брат Лука, опять угадав его мысли, – брат Авраам был скульптором в Германии во времена нацистских гонений на евреев. В концлагере один офицер заказал брату Аврааму свой бюст и пообещал, что пощадит его, если тот ему понравится. Брат Авраам выполнил заказ, а тот офицер посчитал, что ни один еврей не достоин такого таланта, и распял его. Но маленький скульптор не хотел умирать – тогда офицер решил подарить ему жизнь и велел снять его с креста, отрубив ему запястья... Так что, как видите, брату Аврааму пришлось учиться работать с новыми материалами и темами. А свои резцы и стеки он привязывает к культям ремнями.

– И каждый месяц брат Авраам посылает тому нацистскому офицеру фотографии своих работ, – прибавила Майра. – Сейчас тот фашист работает помощником директора школы где-то в предместьях Гамбурга и трясется от страха – боится, что брат Авраам его выдаст.

– Почему же он его не выдал?

Брат Лука с Майрой улыбнулись.

– Я знаю брата Авраама, – сказал брат Лука. – Он ни за что не пошел бы на такое. А почему – думаю, вам лучше узнать это самому. – Он положил руку на плечо Барни. – Вам еще предстоит много чего переосмыслить, дружище.

– Это просто наваждение какое-то, – признался Барни, – встретиться со всеми вами прямо здесь, в самом центре Детройта. Вы знаете меня как облущенного, а я и не ведал о существовании этого места.

– Мы себя не афишируем, – сказал брат Лука. – Необходимо особое стечение личных и исторических обстоятельств, чтобы человек оказался в Братстве. Ни одна живая душа не может прийти к нам, пока мы не будем нужны ей так же, как она нам. А до нас дошло – вы тот, кто нам нужен.

Вопрос лишь в том, нужны ли вам мы?..

Когда они проходили мимо какой-то закрытой комнаты, Барни услышал звуки фортепьяно. Кто-то вымучивал назойливую, нестройную мелодию, до того неблагозвучную, что по всему его телу пробежала дрожь.

– Это брат Грегори сочиняет новый концерт. Когда-то он участвовал в программе космической подготовки, перед тем как попасть к нам, а сочинение музыки для него увлечение. Он находился в капсуле, которая неожиданно оказалась в радиационном поясе, когда возвращалась обратно на Землю. У вас с ним много общего. Но вы познакомьтесь с ним в другой раз, когда он закончит сочинять.

Они проследовали за братом Лукой в библиотеку – там, на стенах, Барни увидел другие живописные работы в том же стиле, что и картины, выставленные в галерее: на них были изображены обычные предметы и фигуры обычных же людей с искаженными от нечеловеческого напряжения и невероятных усилий чертами, в окружении изломанных плоскостей. Брат Лука предложил гостю хереса, но Барни, когда он взял стакан, показалось, что там простая вода.

Брат Лука продолжал его увещевать:

– Только, пожалуйста, не подумайте, что вам придется заниматься тем, чем занимаемся мы, пока вы не решитесь стать одним из нас. Я ничего не имею против людей, употребляющих спиртное и мясо. Один из наших главных принципов – никогда не навязывать наши убеждения другим. Меня заверили, что это восхитительный херес. Попробуйте, прошу вас.

Они сидели и час с лишним говорили о живописи брата Луки и о том, как тяжело ему было работать, постоянно борясь с усталостью. И Барни казалось, что тут они с ним очень близки. Он и сам знал, каково это, когда тебя неотступно одолевает усталость.

– Для кого-то, – рассуждал брат Лука, – боль – это ключ к творческим свершениям. Разве можно отрицать созидательную силу страдания? Вспомним великие имена: Мильтона, Бетховена, Ван Гога и сотни других. Однако творчество ради боли не самоцель, а вход в Братство мучеников. Это все равно что жизнь младенца: рождается он сам по себе, а муки его матери всего лишь начало, вход в мир, так что для младенца начало, как, впрочем, и для человека вообще, это тоже преодоление боли – многотрудное продвижение в правильном направлении, как при родах. Мы можем мысленно сосредоточиться на боли, использовать ее как путь к видению и таким образом – единению с мирозданием. Вне времени... вне всякого смысла...

– Не понимаю, – сказал Барни, – зачем я нужен Братству. Скульптурой я всегда занимался в одиночку. Зачем же мне присоединяться к какой-то группе?

– Причина есть, – заметила Майра, – ибо с помощью Братства ты научишься не только управлять энергией боли, но и унимать ее без лекарств в то время, когда не занимаешься творчеством. Боль можно контролировать с помощью разума. Йоги давно постигли этот секрет, а мы нашли путь к видению и воздействию на внутренний разум – то, чего молодежь так трогательно пытается достичь с помощью галлюциногенов, только куда масштабнее и более осмысленно.

– Есть и другая причина, – продолжал брат Лука. – Мы обнаружили, что группа закладывает почву – основу общего опыта – и, только опираясь на нее, творческий или гуманитарный разум способен постичь смысл своего собственного опыта. В разные периоды истории и в разных же местах возникали братства мучеников: среди неприкасаемых в Индии; среди христианских мучеников; в нацистских концлагерях, где брат Авраам обрел смысл своей жизни вместе с остальными. Мы предпочитаем рассматривать Братство как спасательный трос творческого духа, брошенный тонущим в отчаянии. Помощь – но не потом, а сейчас, не с помощью сверхъестественного вмешательства, а посредством объединения энергий разума избранных.

– А почему только избранных? Почему не всех страждущих и отчаявшихся?

– Ах, гуманист внутри вас задает тот же вопрос, что и я задавал себе поначалу. Чтобы получить ответ, нужен всего лишь определенный склад разума, позволяющий принять нашу веру. Если бы мы помогали всем страждущим на свете, мы бы и сами утонули. К тому же есть люди, которым нравится страдать: они полагают боль способом достижения своей цели – возможностью наслаждаться жалостью к себе. Мы тоже используем боль в определенных целях: для духовного проникновения в нечто более глубокое и достижения чего-то более высокого – более значимого в сравнении с тем, чего человек способен добиться в одиночку.

Он вздохнул и покачал головой.

– Кто его знает, как это называется? Одни достигают этого с помощью наркотиков или психотического видения; мистики – через пост, медитацию, самобичевание. Иначе как, по-вашему, святой Симеон Столпник^[42] смог просидеть на столпе столько лет? Но самоистязание не наш удел. Мы не собираемся каких-нибудь мазохистов. В этом усматривается слишком много своекорыстия, мешающего постижению Иного. Боль, которую мы

разделяем, служит нам путем, ведущим от бессмысленного страдания к осмыслению боли как особого рода благодати.

Видите ли, мистер Старк, – продолжал он, вставая и показывая, что их встреча подходит к концу, – любой способен переносить страдание ради какой-то цели: мать – ради рождения ребенка; мужчина – ради борьбы за то, во что он верит, презрев заточение, голод и побои за благое дело. У боли много личин, но, если научиться видеть ее смысл и цель, можно вознестись до уровней, где все возможно.

На выходе они столкнулись с чернокожей женщиной невероятно большого роста. Она прошла мимо неспешно, будто скользя, – ее полузакрытые глаза казались узенькими белыми щелочками.

– Это сестра Вивиен Х, – шепнула Майра. – Она пришла к нам после бунтов шестьдесят седьмого^[43].

– Она как будто в трансе.

Брат Лука улыбнулся и покачал головой.

– Она работает. Сестра Вивиен Х в прошлом поэтесса. А теперь, после пожаров, она творец видений. Она ничего не перекладывает на бумагу, поскольку не доверяет поддающимся разрушению материалам. Вот вам неразделенное искусство, которое она совершенствует с помощью своего разума. Она, можно сказать, занимается самой чистой формой искусства.

– Откуда же вы знаете, чем она занимается? Может, ничем.

Брат Лука пожал плечами.

– То же самое можно сказать и о современных художниках, чье творчество, как вам кажется, вы видите или слышите, не правда ли? Разве это имеет значение? Нас не интересует то, что связано с материальными вещами, формами и уровнями общения. Сестра Вивиен Х творческая личность, на чью долю выпали страдания. Она делится с нами болью, а не плодами своего труда. И нам этого довольно.

Внезапно брат Лука протянул руку вперед – Барни пожал ее теперь уже не колеблясь, и ему показалось, что на лице прокаженного мелькнула тень улыбки.

Всю дорогу домой Барни вспоминал эту улыбку. Ему казалось, брат Лука был уверен, что заполучил себе очередного новообращенного. Наверное, думал Барни, он был проповедником-возрожденцем до того, как болезнь привела его в Братство. Не случайно Майра с благоговением внимала каждому его слову. Теперь все ясно. И вот, несмотря на первое желание поднять их на смех, Барни признался себе, что почувствовал искушение отрешиться от своего отшельничества и мытарств в одиночестве ради благого дела – величайшей идеи братства в страдании,

которое обрела Майра после всего, что ей пришлось пережить. То было сильное искушение.

Когда они вернулись, Карен уже была дома.

– Учились купать младенца, – объяснила она, – на резиновой кукле. Мужей сегодня было не так чтобы много. Это для тренировки. – Карен достала из хозяйственной сумки большую резиновую куклу. – Нам разрешили взять их домой. Она очень похожа на младенца, правда? Хоть и сделана из резины. Потрогай. На ощупь как настоящая кожа. Ты даже не представляешь, как страшно купать куклу, думая, что это живой младенец. Мама рассказывала, как однажды она уронила Майру в ванну, когда та была совсем крошка. Может, поэтому, говорит она, ты стала совершенно неуправляемой.

Карен болтала еще какое-то время, ни разу не спросив, где они с Майрой были, и не дав им обоим возможности и рта открыть. Барни подумал – похоже, она догадывается, что между ними что-то происходит, но не хочет вмешиваться и ничего не желает знать. Тут он заметил, что она прижимает к себе куклу так крепко, словно боится, что ее отберут. Она наклонила куклу назад – и один глаз у нее закрылся. А другой так и глядел перед собой.

6

Барни копался у себя в гараже – искал куски трубы, собираясь нарезать из них арматуру для новой скульптуры, которую он задумал, когда к их дому подкатила машина. Из нее вышли двое – и, решив, что пожаловал Радиационный контроль, он поднял дверь гаража. Но, когда те двое подошли ближе, он заметил у одного из них фотокамеру.

– Привет! Вы мистер Старк? – спросил один из них, тот, что без камеры. – Я Тай Уэстлейк, из «Ньюслайф», а это Бен Поттер. Нас прислали сделать репортаж о вас, ребята, на целый разворот с цветными снимками.

На мгновение Барни оторопел, но потом, глядя на них в упор, сказал:

– Нет уж, спасибо. Меня это не интересует.

– Обычно наш редактор пишет письма и все устраивает заранее, но я прямо из больницы. Дело не терпит, и наша редакция непременно свяжется с вами сегодня же. Нас направили сделать пару-тройку фоток и выяснить кое-какие подробности. Мы из чего угодно конфетку сделаем.

– Что значит – *дело не терпит*?

– Вы разве не в курсе? Макс Прагер скончался этим утром. А вы, как нам шепнули, пока живы-здоровы.

Эта весть сразила его наповал. Он вспомнил лицо Макса, его глаза, глядящие куда-то разочарованно и печально. Какое он имел право бросить друга умирать вот так? Какое имел право оставить его без прощения?

Тут Барни заметил, что парень с камерой его снимает.

– Что это вы делаете? Не нужно мне ваших репортажей.

– Ну-ну, мистер Старк. Это нам решать. Читатели вправе знать все, что касается этой аварии. Мой редактор видит чисто человеческую историю за сухими фактами из пресс-релизов Комиссии по атомной энергии. И нам хотелось бы услышать вашу точку зрения. Каково оно – подвергнуться радиоактивному заражению. Что на это сказала ваша жена. Как это отразилось на вашей жизни. Что делали ваши соседи, когда узнали, что вы разнесли радиоактивную пыль по всему...

– Проваливайте!

– Что?

– Я сказал – проваливайте, не то отведаете вот этой свинцовой трубы. И передайте своему дружку-приятелю, чтоб больше не фотографировал. Не то разобью ему камеру.

– Вы не понимаете, мистер Старк. Мы из «Ньюслайф». Здесь замешаны большие деньги.

– Вы стервятники. Вы же терзаете раны и высасывает кровь, лишь бы увеличить свой тираж, а на людей вам наплевать.

– Но общественность имеет право знать правду.

– Общественность имеет право пойти к чертям собачьим. Откуда вам знать, что такое правда? Забирайте свою правду вместе с деньгами и камерой и валите отсюда к дьяволу. Не видать вам репортажа как своих ушей.

– Как бы не так, – огрызнулся репортер, забыв про радушный тон и пятась от грозного оружия Барни. – Я побеседовал кое с кем из ваших соседей. Так что материала на репортаж нам хватает вполне, а ваше согласие нам без надобности. Это ваше дело, но помешать людям знать правду вам не удастся. Нам всего лишь хотелось дать вам возможность высказать свое мнение.

Барни замахнулся трубой на фотографа, пытаясь выбить камеру у него из рук, но промахнулся и угодил в боковое окно машины, которое немедленно треснуло. Оба незваных гостя запрыгнули в машину с другой стороны, когда Барни замахнулся во второй раз и хватил трубой по дверце. Машина резко дала задний ход, и, когда Барни выскочил следом за нею на

улицу, репортер открыл окно со своей стороны и выкрикнул:

– Слышь, козел безмозглый, я натравлю на тебя полицию.

Барни швырнул в него трубой. Она отскочила от капота – и репортеры рванули прочь.

Барни ликовал. Выплеснув злость наружу, он почувствовал облегчение, а думать о последствиях ему не хотелось. У него кружилась голова, дрожали колени, но он в первый раз за долгое время поймал себя на том, что начал посвистывать.

Карен наблюдала за происходящим из окна – и, глядя на него в таком состоянии, испугалась. Он совсем не походил на образцового мужа и добропорядочного гражданина, каким ей хотелось его видеть, – и зачем он только восстанавливает против себя людей? Он везде и всюду извергал ненависть. В некотором смысле, быть может, это было лучше, чем если бы он выплескивал свою ненависть на нее (последнее время он был к ней добрее, хотя мысль о ребенке по-прежнему ему претила), но порой его взгляд пугал ее – когда она видела по его глазам, что он желает смерти ей и ее ребенку. Ему хотелось порвать с окружающим миром раз и навсегда. Он как будто намеренно оскорблял всех и каждого, потому что хотел остаться совсем один.

Но она не могла допустить, чтобы он и ее обрек на одиночество. Тем более сейчас. Когда у тебя семья, тебе нужны друзья, родственники, соседи. Ей хотелось, чтобы все забыли этот кошмар и стали снова относиться к ним как к нормальным людям. Надо было думать о будущем.

Барни все больше времени проводил у себя в мастерской – в полном мраке, точно какой-нибудь слепой зверь в логове. Чем он там занимался? Странно, что он все еще работал руками, хотя ему было больно. Когда-то ей казалось, что для мужчины у него самые красивые руки – тонкие, чуткие, любящие, с длинными пальцами, оживляющими податливую глину. Теперь же они у него скрючились от усталости, на запястьях взбухли узловатые вены, а пальцы и тыльная сторона ладоней после ожогов все так же шелушились.

Больше всего Карен боялась дробовика. Она легко могла себе представить, каково жилось Барни в окружении злобных соседей. А ему было трудно ужиться с людьми, желавшими, чтобы он поскорее убрался куда подальше (однако о том, чтобы переехать туда, где об аварии никто ничего не знал, не могло быть и речи), но, как сказал адвокат, если они хотят получить возмещение убытков сполна, им не стоит покидать Элджин, куда их дело не дошло до суда.

Вдруг Карен почувствовала, как у нее свело ногу: та сперва скорчилась, а потом резко дернулась, как будто мышца стремилась вырваться из ее тела. Карен вскрикнула. Майры дома не было: она поехала в Миссию. Карен снова вскрикнула – и, не имея сил ни стоять, ни сидеть, повалилась на кровать, пытаясь обхватить ногу обеими руками.

Она услышала, как идет Барни, – услышала, как он ударился о журнальный столик в гостиной. А потом увидела, как он показался в дверном проеме с дробовиком в руке.

– Нет, Барни! Нет! Моя нога! Судороги! О, сделай что-нибудь.

Барни отложил дробовик в сторону и присел к ней на кровать, разозлившись, что она попусту напугала его своими вскриками. Но куда больше он, казалось, злился на себя самого – за то, что запаниковал. Проведя ей рукой по ноге, он надавил на икроножную мышцу.

– Ладно, не бери в голову и постарайся успокоиться.

– Болит.

Барни принялся растирать ей икроножную мышцу обеими руками: он сжимал ее, разглаживал – массировал, пока та не размягчилась под его крепкими пальцами.

– Боюсь пошевелить ногой. Господи, думала, боль никогда не уймется. Так дергало, так дергало...

– Все будет хорошо. Успокойся.

– Знаю, беспокоиться нечего. В книжках говорится о судорогах икроножных мышц. Только я не думала, что это так невыносимо.

– А как сейчас?

– Кажется, нормально. Правда, боюсь, если пошевелю ногой, все начнется снова.

– Вставай. И пройдишь немного.

Карен встала осторожно и, пройдясь туда-сюда, почувствовала облегчение: судорог как не бывало – ни малейших признаков.

– А это еще зачем? – удивилась она, показывая на дробовик.

– Я думал, те парни вернулись. Схватил вот и прибежал.

Барни поднял дробовик и сунул его под мышку стволom вниз.

– Ведь ты никогда не будешь стрелять, правда?

– Почему же?

– Ты можешь подстрелить кого-нибудь по ошибке.

– Я пока еще не совсем слепой. А когда ослепну вконец, попрошу тебя или Майру направить мою руку.

– Нет.

– Да неужели?! Пока народ в этом паршивом городишке будет

вымещать на нас свою злобу – швыряться камнями нам в окна или пытаться сжечь наш дом, у меня должна быть хоть какая-то защита. И ты, надеюсь, поможешь мне, если не хочешь потерять ребенка.

После этого случая Карен сказала себе: плевать на боль, если ногу снова сведет судорогой, – она стиснет зубы и больше не пикнет. Она будет держать себя в руках и позовет его – он придет и разгладит ей окаменевшие мышцы, и развеет ее страхи. Она поймала себя на мысли, что ей уже совсем не противно, когда он прикасается к ней. На поверку ей было даже приятно чувствовать его руки.

Барни, будучи скульптором, как зачарованный наблюдал за изменениями, происходящими с телом Карен: растяжками на коже, темной линией, спускающейся к центру ее округлого живота, ее выгнутой спиной, сопротивляющейся силе земного тяготения, – и он вернулся к новой Венере, беременной. Первым делом он сосредоточился на массе: выпуклостях, округлостях, невольном изгибе ноги под тяжестью выступающей наружу плоти, – но результатом он был все так же недоволен. Лишь отказавшись от резких форм, но не потому, что они надоели ему и утомили его, а также потому, что они казались ему слишком вычурными, когда он наполнил их смыслом, Барни стал одержим идеей вылепить зародыши на разных стадиях развития – скрюченные внутриутробные формы, отчасти человеческие, отчасти рыбоподобные, выразительные в своем уродстве и пребывающие в постоянном процессе эволюции. Он благодарил судьбу за то, что еще мог видеть довольно хорошо, – во всяком случае вблизи.

Забыв про ненависть, он думал только о терпеливо ждущем, плавающем зародыше, свернувшимся калачиком, – ждущем, чтобы расправить плечи и бедра, руки и ноги и вырваться в мир, подобно комку глины, скользящему меж скользких пальцев его творца. Он с любопытством и восторгом рассматривал вылепленные формы.

Барни был настолько поглощен своей работой, что очень неохотно откликался, когда Карен звала его, а то и вовсе пропускал ее зов мимо ушей, если знал, что Майра дома и всегда ей поможет. Приготовления к родам раздражали его. Детские пинетки, пеленки, подгузники, колыбельки и кровати (колыбельки с кроватками он постоянно путал), ванночки, весы и стеклянные коробочки со всякими хлопчатобумажными примочками – со всем этим бараклом ему нипочем не ужиться в одной комнате, уж он-то знал это точно. Он обижался, заметив, как Карен с Майрой иногда переглядывались меж собой: они как будто говорили друг дружке – ну что мужчина понимает в таких делах?

Он, конечно же, понимал, почему она торопится, хотя жизнь шла обычным своим чередом. Отныне у нее была цель. Роды должны были

стать кульминацией, венцом творения, наполняющего смыслом ее существование, – неким удовлетворением и свершением, чего сам он так добивался в своей работе. И в это время безмятежного ожидания люди как будто забыли про них.

Потому-то они не поверили своим ушам, когда звонки с угрозами возобновились. Первый раздался сразу после завтрака. Барни был неподалеку от телефона – он и снял трубку, но Карен, поднявшаяся перед тем наверх, взяла трубку параллельного аппарата: она тоже услышала звонок.

В трубке завизжал женский голос:

– Эй, вы, твари, а ну, убирайтесь из Элджина к чертовой матери, пока вас не спалили!

– Кто говорит? – вскричал Барни.

– Ты со своей брюхатой сучкой заразил весь город. И должен заплатить сполна людям, которых замарал своей ядовитой пылью. Проваливай вместе со своей шлюхой и заразным отродьем в ее чреве.

Барни услышал отчетливый вздох и понял, что Карен все слышала. Он крикнул ей:

– Положи трубку! Это же конченный хам, урод – не слушай его!

И бросил трубку.

В течение следующего часа было еще два звонка: какой-то кретин пригрозил им бомбой, если они не положат коробку с двадцатью пятью тысячами долларов в машину, которая будет стоять в паре кварталов от их дома; а затем какая-то дура потребовала у него пять тысяч долларов на лечение от радиоактивной заразы. Барни послал обоих куда подальше. Когда же телефон зазвонил в четвертый раз, он долго не брал трубку, но потом, наконец, взял и проорал:

– Какого черта вам нужно, скоты безмозглые?

– Барни, это я, Стефан. Ты в порядке?

На мгновение он потерял дар речи, а затем выдохнул:

– Прости, Стефан. Мне тут названивают всякие придурки. В этом городе все вдруг ни с того ни с сего свихнулись.

– Ты не читал статью про себя?

– Про меня? О чем это ты?

– В «Ньюслайф». Я только утром получил по почте. Ты что, на них не подписан?

– Нет. А что еще за статья?

– Как же ты позволил им тиснуть такую статейку? Ты даже не представляешь, какой кошмар тут творился все утро. Телефон просто

разрывался. Нас кляли на чем свет стоит. Нам угрожали расправой, если мы не заставим тебя перевести деньги в Хамтрамк. Твоя мать на грани нервного срыва. Кой черт тебя дернул, Барни?

– Я ничего не мог поделать, Стефан. Я сказал им, что не хочу, чтобы обо мне писали. А они плевать хотели. Так о чем статья?

Стефан описал фотографии Барни («радиоактивного сеятеля!») на лужайке перед домом, потрясающего свинцовой трубой, и фотографию дома под другим ракурсом («Радиоактивный рассадник!»). Были и другие фотографии – его родителей, выходящих из своей квартиры в Хамтрамке, и еще одна – его отца в нижней рубашке у окна второго этажа, – сделанная, вероятно, с помощью телеобъектива: «Сын заразил своих родителей в Хамтрамке!»

В самой статье приводилось подробное описание аварии – якобы со слов Макса (хотя он вряд ли что мог им рассказать; скорее всего, они выудили информацию у кого-то другого из Научно-исследовательского центра, заплатив ему деньги), а также расписывалась поэтапная операция по обеззараживанию Элджина.

– Но самое главное, – продолжал Стефан, – статья напирает на то, что ты подал в суд иск на миллион долларов. Там сказано вот что: «Прикосновение Старка: скульптор превращает радиоактивную пыль в золотую!» Еще там есть снимок Карен в магазине одежды для беременных, и под ним подпись: «Мальчик? Девочка? Или уродец?»

– Проклятые кровососы!

– Барни, ну зачем ты позволил им это напечатать? Это же доведет людей до умопомрачения.

– Говорю же, я ничего не мог поделать.

Барни попытался объяснить, что произошло между ним, репортером и фотокорреспондентом, но его двоюродный братец, похоже, так ничего и не понял.

Не успел Стефан отключиться, как телефон зазвонил снова, но Барни не ответил. Пусть себе звонит. Он понимал – все только начинается. Впереди их ждал бесконечный шквал анонимных звонков с угрозами и бранью. При воспоминании о давешних мерзостях – разбитых камнями окнами и загаженной лужайке – его передернуло. Но теперь все, решил он, этому больше не бывать: у него под рукой дробовик и, если кто еще раз попытается им нагадить, он не преминет пустить его в ход.

Через два дня Барни получил телеграмму от доктора Лероя – он просил позвонить ему в контору.

– У вас не работает телефон, – сказал доктор Лерой. – До вас не дозвониться.

– Мы не отвечаем на звонки, – объяснил Барни, сказав, что их донимают по телефону всякие психи.

Доктор Лерой сказал, что ему на глаза попалась та статья.

– Мне звонили от директора элджинской Мемориальной больницы. Сказали – возникло недоразумение и для Карен у них вряд ли найдется свободная предродовая палата.

Барни пришел в ярость, но доктор Лерой его успокоил:

– Главное, как мне кажется, не огорчать ее в связи с предстоящей переменой. Пока не стоит говорить ей о переводе в другое место. Многие из моих пациентов обслуживаются в Центральной больнице Детройта. Мы сообщим ей только то, что мне было сказано: в вашей больнице нет свободных мест.

– Но вы же, черт возьми, прекрасно знаете, что все не так. Это из-за той проклятой статейки – она напугала их: кто-то сверху увидел ее и решил на них надавить.

– Что проку горячиться? Люди боятся того, чего не понимают.

– Выходит, нам придется терпеть все это по гроб жизни?

– Насчет того, что по гроб жизни, не знаю. Знаю только, что ребенок для меня превыше удобств, правосудия и морали. У вас, безусловно, есть право возмущаться, но я не вправе допустить, чтобы ваши чувства помешали безопасным родам.

– Вы же знаете, что значит для нее элджинская больница. Карен здесь родилась, здесь же ей лечили сломанную ногу, к тому же она в десяти минутах езды от нашего дома. А до Центральной больницы в Детройте ехать целых сорок пять минут. Что, если роды начнутся среди ночи? Что, если мы туда не успеем?

– Другого выхода я не вижу. Это лучше, чем оказаться в опасном положении. Послушайте, Барни, скажу честно, я до исступления спорил с директором. Мы с ним знакомы не первый год. И он прав. Работники больницы и люди, что живут по соседству, равно как супружеские пары, которые собираются там рожать, боятся находиться с Карен на одном этаже и даже в одном здании. Стоит им узнать, что она в той же больнице, как положение сильно осложнится.

По правде говоря, если бы случай был более или менее обычный, я бы принял роды у вас дома, но тут возможны осложнения и могут

понадобиться другие специалисты или медицинское оборудование. О, понимаю, это вам совсем не по душе, но лучше заблаговременно подготовиться к родам, чем потом столкнуться со всякими трудностями и враждебно настроенной толпой, так ведь? Кто его знает, может, какому-то папаше придет в голову, что его жена и ребенок в опасности, – и что тогда? Нет уж, думаю, лучше с такими не сталкиваться.

В конце концов Барни согласился – придет срок, и они поедут в Центральную больницу Детройта. По крайней мере, как заверил его доктор Лерой, там их никто не знает.

Он позволил доктору Лерою объяснить Карен возникшие осложнения, но никаких вопросов она не задавала. Палату для нее подготовили к концу декабря. Ждать оставалось еще два с половиной месяца.

Звонки участились, и Карен казалось, что ее с Барни просто хотят сжить со света. Она даже не смела подойти к телефону, в отличие от Барни. Он снимал трубку, и через несколько мгновений его лицо напрягалось в ожидании – она догадывалась, что человек на другом конце провода молчал. А бывало, его лицо багровело – казалось, он готов разбить телефон вдребезги, и она понимала, что звонивший сыпал гадостями.

Шериф отказался делать для них что-либо, дав понять, что они пошли на сотрудничество с журналистом и помогли ему со статьей; по городу, сказал он, ходили слухи, что за это им отвалили баснословные деньги. Когда стало известно, что они предъявили «Нэшнл-Моторс» иск на миллион долларов, люди были потрясены до глубины души. Многие граждане по недомыслию посчитали, что Старкам уже перепал эдакий куш – и большинство звонков содержало угрозы вымогательства и предупреждения, что им несдобровать, если они откажутся поделиться своим богатством. В конце концов, рассуждали обыватели, пострадал весь город. Кто-то потерял работу, когда закрылся Центр; пошатнулись дела у торговых центров и мелких магазинчиков по соседству с Центром. Так что часть денег принадлежит горожанам по праву.

Страх Карен усугублялся из-за дробовика. Она понимала – если кто отважится подойти к входной двери или если Барни увидит, как кто-то размалевывает непристойностями и угрозами стены их дома или тротуар перед домом, он непременно пустит его в ход. И не станет разбираться – ребенок это или взрослый. Он стал совершенно непредсказуемым, весь так и кипел от злости и, думала она, мог выстрелить, не обременяя себя расспросами.

Дни и ночи, да и все предродовые месяцы, которые, как говорилось в

книжках по гигиене беременных, должны были стать самыми чудесными в ее жизни, превратились для нее в сущий кошмар. В эти месяцы большинство женщин чувствуют себя счастливыми: у них проходят признаки недомогания, младенец в утробе притихает в ожидании, – а она большую часть этого времени пребывала на грани истерики. Доктор Лерой тревожился, что вынужден прописывать ей слишком много успокоительных. Не меньше беспокоило его и напряженное состояние Карен – он взял с нее обещание, что она постарается успокоиться, но, даже когда он сказал это, устало проведя рукой по каменно-серым волосам, венчающим его печально сморщенный лоб, и покачал головой, ей стало ясно – он и не надеется, что она выполнит свое обещание. Хотя на попечении у него были и другие беременные, Карен он уделял куда больше внимания.

До выхода статьи Карен пробовала убедить себя, что худшее уже позади, что люди все позабыли и оставят их в покое и что все будет как прежде. Но людская ненависть никуда не делась: она всего лишь затаилась, готовясь поглотить их целиком. Поначалу Карен злилась, что Барни с доктором Лероем думали, будто она поверила в их историю про то, почему придется сменить больницу. Как будто она ребенок и ничего не смыслит. Но потом она решила сделать вид, что поверила в эту ложь.

Карен думала, что будет переживать за свой внешний вид, но теперь, глядясь в зеркало и видя, как ее разнесло, она приходила в ужас при мысли о той жизни, что зародилась внутри нее благодаря ее физическому контакту с Барни. Вскоре эта жизнь вырвется наружу, наполнит свои легкие воздухом и закричит. О Боже, молила она, хоть бы все было нормально. Она помнила, как поклялась, что будет любить эту жизнь, даже если та окажется уродливой, но ведь этого не может быть. Карен пыталась уговорить себя, что смирится в любом случае, но если Ему все под силу, то пусть все будет хорошо, – не то желала, не то молилась она. Ей было стыдно, что мысленно она торгуется за жалость к себе, – но кому она молилась на самом деле, глядя на себя в зеркало так, будто Богом была она сама или жизнь внутри нее? Может, Богу, новому и чистому, воплощенному в более великом духе, что все женщины носят в себе – частицу Бога, заключенную в каждом новорожденном младенце, которая называется душой. Как в верованиях индуистов. Что это – Атман^[44] или Брахман?^[45] Она всегда путала, кто из них внутренний бог, – но молилась, быть может, именно ему, поскольку боялась оказаться перед внешним богом. А может, ей вовсе не следовало молиться перед зеркалом с таким большим животом? Разве у первобытных народов на беременных не накладывали

табу и разве им не приходилось прятаться от чужих глаз? Как и во время месячных. Почему она раньше этого не знала? Надо было узнать и постараться запомнить. Надо было больше читать, готовиться, совершенствоваться духовно, чтобы ребенку, когда он вырастет, не было стыдно за нее.

Последнее время Карен казалось, что Барни смотрит на нее как-то странно. Однажды, когда он растирал ей ногу, чтобы снять судороги, у нее задралась блузка, а комбинация под юбкой для беременных сползла вниз – он увидел ее выпирающий плоский пупок, и это зрелище вызвало у него отвращение. Она понимала – все эти дни он был как на иголках, и все же его поведение пугало ее. Он не помнил то, что произошло недавно. Путал события недельной давности со вчерашними, а иногда о произошедшем нынешним утром говорил так, будто это случилось давным-давно. Словно прошлое и настоящее у него в голове вконец перепутались. На часы он не глядел. Когда она спрашивала, который час, он огрызался и говорил – ей надо, пусть и смотрит, а ему все равно. Часть Барни пребывала бог весть где – и Карен чувствовала себя одинокой.

Она боялась рожать здесь – боялась, как бы во время родов не возникли осложнения, а его не будет рядом: ведь он витает где-то далеко-далеко и в другом времени. Неужели все женщины испытывают такой же страх и трепет?

Карен не говорила об этом с Барни – только с Майрой или сама с собой. Особенно по ночам. Разве это нормально? Наверное, она придает этому слишком большое значение. Надо больше бывать на людях, ездить куда-нибудь, любоваться красотами – и дело тут вовсе не в том, что она верила в бабушкины сказки, а в том, что, как она слышала, хорошая музыка и искусство благотворно влияют на ребенка в утробе матери. Так почему бы ей не попробовать? Что, если вещи, которые она видела и слышала, и впрямь передавались ему каким-то непостижимым образом? Надо бы почитать что-нибудь хорошее. Последние годы она собиралась сесть за «Войну и мир» и «Улисса», а еще – почаще ходить на художественные выставки и концерты. И заняться этим нужно прямо сейчас.

По мере приближения срока родов Карен стала бояться даже самых пустячных вещей – неприятных звуков, теней в темноте, странных ощущений в теле. Пугала ее и навязчивая мысль, а сможет ли она позаботиться о ребенке. Она без конца утешала себя, что для большинства женщин ухаживать за детьми – дело самое что ни на есть обычное: даже необразованные, но вполне адекватные, инвалидки и те рожают и поднимают своих чад, – так неужели она не способна на такое?

Однако это не очень помогало. Карен по-прежнему боялась крохотного существа, плачущего, кричащего, требующего, чтобы она защитила его, спасла ему жизнь. А вдруг она делает что-то не так? Что, если оно умрет – по ее недосмотру? Или хуже того: что, если в приступе отчаяния или безудержной тоски она сама его убьет?

Охваченная животным, безрассудным страхом, она разговаривала сама с собой. Ей выпало немало страданий, но она сможет позаботиться о своем ребенке. Она окружит его такой любовью, нежностью и таким вниманием, каких еще свет не видывал. Но, когда она пыталась представить себе, как будет выглядеть ее ребенок, сознание рисовало ей уродца с зайчьей губой, волчьей пастью, расщепленной кистью или же какую-то кучу плоти без рук и ног. Однако, как бы ни выглядело тело, личико у младенца всегда было очаровательное; у него были голубые глаза и дымчато-каштановые кудряшки.

А иной раз, фантазируя днем, Карен воображала, как затерялась в пустыне и всюду вокруг только песок и злобные призрачные тени, – они разрастаются, рвут ее одежду, плоть и кричат, что на ней радиоактивная зараза. И в тех местах, к которым они прикасаются, образуются кровоточащие язвы.

Она находилась с Майрой наверху – они занимались глажкой, как вдруг услышали крики. Карен распахнула окно – и увидела мечущиеся по лужайке тени. А потом услышала вопли: «Задай-ка перцу этому сукину сыну! По яйцам бей! Проучи его!»

Она узнала голос Барни, закричавшего: «Давайте, убейте меня, твари! Ну же, лучше убейте прямо сейчас, потому что потом я до вас доберусь. С Божьей помощью доберусь».

– Там Барни, – сказала Карен. – Они избивают его.

– Звони в полицию! – воскликнула Майра.

Внизу кто-то провизжал: «В окне его шлюха». Карен отпрянула: в окно влетел камень и, едва ее не задев, разбил прикроватный торшер. В ужасе она кинулась к телефону и тут снова услышала доносившиеся с улицы голоса:

– Ладно, валим отсюда.

– Он уползает. Ты что, его отпустишь?

– Брось, дурень. Ты же не собираешься его кончать? Они уже звонят в полицию.

Но вот голоса стихли, а через несколько мгновений по улице эхом прокатился гул сорвавшихся с места двух машин – и под рев двигателей они обе укатили прочь.

– Пропади вы пропадом! – прошептала Карен. – Хоть бы вы разбились всмятку и сдохли страшной смертью! – Но она тут же взяла себя в руки и одумалась: – Нет, Господи, только не это. Я имела в виду совсем другое. Они не ведают, что творят. Прости меня!

На другом конце провода отозвались – и она прокричала в трубку:

– Пожалуйста, скорей! Это миссис Старк. Какие-то люди тут, у нас, избивают моего мужа. На нем живого места нет. Приезжайте быстрее!

Последовала тишина, а потом голос на другом конце провода спокойно, невозмутимо проговорил:

– Ладно. Посмотрим, кого сможем к вам отрядить в ближайшее время.

– Скорей! – взмолилась Карен. – Пожалуйста, скорей!

Она положила трубку и побежала вниз к Майре. Барни сам сумел взобраться на крыльцо – и теперь сидел там, раскачиваясь из стороны в сторону и всхлипывая.

– Я даже не сопротивлялся. Не смог их прогнать. Думал, наброшусь на них с кулаками, и не смог. – Барни сжал пальцы и уставился на них. – С одним или двумя я бы справился. Сил мне бы хватило. Я хотел проломить им головы, но руки не слушались. Они меня больше не слушаются. Устали... устали. Мои чертовы руки совсем обессилели...

Карен хотелось его утешить, но он не дал.

– Я звонила в полицию, – сказала она.

– А что толку? Сама знаешь, этот безмозглый шериф ни на что не годится. Да и кто его знает, может, это были его люди.

– Ты в порядке? – осведомилась Майра. – Может, чем помочь?

– К сожалению, я пока еще жив.

– Не говори так, – сказала Майра. – Ты не должен так думать.

Больше он не проронил ни слова. Только позволил им отвести себя наверх – в спальню.

– Может, приложить тебе льда? – спросила Карен. Она видела, как он весь дрожит, и ей вдруг очень захотелось прикоснуться к нему, обнять его, помочь освободиться от гнева. Он не откликнулся, и она заметила, что он глядит на фертильные часы на ее ночном столике. – Что с тобой, Барни?

– Время вышло.

– Как это? – удивилась Майра.

– Слишком поздно.

Карен прикоснулась к его руке.

– Барни, возьми себя в руки.

Он вздрогнул от ее прикосновения и показал на часы.

– Смотри, красная! – воскликнул он. – Фертильная полоса. Для твоей

беременности хуже быть не может.

– Барни, прошу тебя!..

– А как насчет тебя? – обратился он к Майре. – Хочешь испытать удачу? Поставь только на красное.

Майра покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза.

– Не казни себя. Ты прошел через такое...

– Черт! – Он схватил часы и выдернул шнур из розетки. – Они нам больше без надобности.

– Не надо, Барни!

– А вот бросаться я еще могу.

Она вскричала, но остановить его не успела. Он швырнул фертильные часы через всю комнату. Они ударились о стенку туалетного столика Карен, смели ее косметические принадлежности и грохнулись на пол.

– Гляди-ка, а швыряться мои руки еще могут. – Вскоре он успокоился, посмотрел на свои влажные ладони, потом на валявшиеся на полу часы. – Прости! Не надо было этого делать. Просто я больше не могу их видеть. Времени уже ни на что не осталось.

Он рухнул спиной на кровать.

– Оставьте меня. Уходите обе и оставьте меня. Я скоро оклемаюсь. – Какое-то время он лежал спокойно, а потом произнес: – Приедет полиция, скажите им, чтоб не утруждались. – И, отвернувшись к стене, прибавил: – Скажите, уже слишком поздно и тут больше ничем не поможешь.

Лежа вот так, Барни вспомнил крутой нрав своего отца – вспомнил, как однажды, после сильного снегопада (тогда навалило полным-полно сугробов, великолепных, белых, так и манящих поиграться), отец едва не пришиб одного рыжего мальчугана – просто не угнался. Он носился за ним с лопатой как оглашенный, потому что тот разрушил снежную крепость, которую построил Барни, и вдобавок надавал ему тумаков. Барни показалось, что отец наблюдал за ними из окна, потому что он выскочил из дома в одном исподнем и тапочках, схватил лопату – и давай гоняться за тем мальчуганом (в конце концов он поскользнулся и грохнулся в снег, поскольку тот мальчуган, лет десяти, как Барни, был пошустрее его), а потом вернулся домой, весь раскрасневшийся, запыхавшийся, и только похлопал Барни по плечу, потому как понимал – его сыну не за что корить себя. Барни оказался невинной жертвой – отец все видел и все понял.

А в другой раз, несколькими годами ранее – летом, – прямо перед их домом какой-то здоровый паренек, постарше, затеял драку, повалил его на тротуар и принялся колошматить. Тут Барни услышал, как рядом разбился

стакан, и увидел, что паренек оглянулся на окно, из которого свесился его отец. «Я прибую тебя, если ты еще раз ударишь моего сына!» В руках у него была тарелка. Он швырнул и ее и опять промахнулся, но осколком Барни порезало руку. Паренек, порядком струхнув, вскочил на велосипед и, что было сил крутя педали, укатил прочь, крикнув в ответ: «Старый вонючий пшек!»^[46] Безмозглый старпер!»

Барни никогда прежде не слышал таких слов от отца, однако его потрясло не меньше и другое: придя домой – с перевязанной носовым платком кровоточащей рукой, – он услышал, как мать причитает, твердя, что отец чуть не убил того паренька и родного сына.

– Так ведь этот задира первый начал. Я сам видал.

– Ты мог прибить его – и что бы мы тогда делали? Попридержал бы ты свой шальной нрав!

– Ой!.. – отмахнулся отец, выказывая свое пренебрежение.

Отцу невозможно было доказать то, в чем он был не прав. Когда он упирался, его нипочем было не переубедить. Барни готов был разреветься, но он знал – слезы разозлят старика куда больше, чем драка. Мужчине не пристало плакать. Мужчина может злиться, а лить слезы – никогда.

– Не переживай, сынок, – сказал он, взъерошивая ему волосы своей загрубелой рукой. – Я все видел. И вины твоей тут нет.

И где теперь его отец? Почему его нет рядом и он уже не может раскрыть им головы своими кулачищами, задать взбучку и пустить кровь, как раньше?

Избиение Барни произвело странное впечатление на Майру. Когда он отказался от помощи Карен, Майра разволновалась не на шутку. В течение нескольких следующих дней он замечал, как она присматривается к нему, будто пытается разобраться что-то, чего никак не может взять в толк.

Как-то вечером, когда Карен была на курсах Красного Креста, он спустился вниз, чтобы побыть в одиночестве, но Майра пошла следом за ним.

– Барни, ты же человек, – сказала она. – И не должен держать все в себе.

– Ничуть не бывало, – возразил он. – Я не могу плакаться на чужом плече. Когда с тобой случается такое, ты чувствуешь стыд и вину. Может, я в некотором смысле виню себя. Если бы я не думал так о будущем, если бы не пошел работать в Центр, я бы ничего и никого не заразил. Если бы я не отрекся от прошлого, от отца, если бы...

– Не казни себя, Барни. Не надо держать вину в себе. Разве ты не видишь, как мы все переживаем за тебя? Мы считаем твою боль нашей

собственной и черпаем из нее силу. Барни, ты нужен нам так же, как и мы тебе.

– Сейчас мне нужно только одно, – продолжал он, – моя работа. И работать я должен в одиночку. С трудностями ты учишься сталкиваться с самого детства. Ты с раннего детства учишься самостоятельно постигать окружающий мир. Даже друзья для тебя что-то внешнее и преходящее. Я одинок, когда леплю, когда думаю, даже когда... Ладно, не важно. Я не считаю себя частью чего-то или кого-то. Я родился в одиночестве. В одиночестве прожил жизнь. И умру тоже в одиночестве. Я не могу ни с кем делиться своей виной и болью. Не могу раствориться в вашем чудном Братстве.

У Барни на глазах выступили слезы, когда Майра стала упрашивать его не замыкаться в себе. То, что случилось с ним, так или иначе уже случилось со многими другими людьми, и случившееся нужно осмысливать с близкими, а не переживать в себе.

Слушая ее горячие увещевания, он узнавал прежнюю Майру, какой она была четыре года назад и могла вовлечь его в любое дело, в любую затею, даже самую невероятную. Он догадывался, что вместе с новой верой она обрела способность вить веревки из страждущих мужчин так же, как раньше из тех, кто был в нее влюблен.

– Тебе нужно что-нибудь, кроме тебя самого, – продолжала она гнуть свою линию. – Так же, как Карен нужен ребенок. Разве не видишь? В одиночку мы ничто.

– Да, мне нужно, – помолчав сказал он. – Мне всегда была нужна ты.

– И слышать это не желаю.

– Как же мне верить тебе, если ты меня отвергаешь?

– Я говорю о вещах духовных, а не физических.

– Но я прежде всего существо физическое, а уж потом духовное. – Он схватил ее за руки и удерживал так, чтобы она не вырвалась. – Ты не можешь вести меня за собой, как слепого, если сама же опять меня отвергаешь. Да и как я могу вступить в ваше мученическое Братство, если ты боишься меня?

Майра вырвалась из его рук.

– Это совсем другое. Ты извращаешь смысл моих слов.

– Ты хочешь подпитываться моей болью, ничего не давая взамен.

– Я ничего не собираюсь тебе давать в этом смысле.

– Ты была мне нужна в этом смысле в колледже. Ты и тогда пудрила мне мозги, а когда я тянулся к тебе, ты совала мне всякие ротапринтные воззвания. Тебе надо было выходить за меня, а не убегать с тем

профессором. Так вот, сейчас мне нужны не только слова, а кое-что покрепче. Если ты не питаешь ко мне никаких чувств, тогда уходи и оставь меня в покое.

Майра смотрела на него с отчаянием, не в силах оставить его.

– Барни, у тебя в голове все перепуталось, ты толкуешь наши давние отношения превратно. Твое желание сексуальной победы...

– Победы?

– ...ложная химера. Призрачная иллюзия.

– Боже мой! Чем же, по-твоему, я занимался последнее время, если не пытался избавиться от иллюзий? Я всего-то хотел понять, можно ли выжить, не глядя на жизнь замутненными глазами брата Луки, уверяющего, что «такова жизнь, сломленная, бессильная, лишенная всякой надежды на счастье и благополучие».

– Но ведь надежда существует. Художник творит, не обращая внимания на страдания.

– Да, знаю, женщина тоже творит, преодолевая боль, когда рождает, но сначала должна быть физическая, плотская любовь, доставляющая удовольствие. И ты лжешь, предлагая мне творить без этой любви. Это бесплодная одухотворенность. О нет. Дай мне плотской любви, а уж потом я буду слушать тебя.

Барни снова схватил ее за руки, но в этот раз она не вырывалась. Только шептала слова протеста, когда он осыпал ее поцелуями и ласками.

– Барни, нет... пожалуйста. Я уже не красавица. Ты не можешь меня любить.

– Для меня ты все такая же красавица, – шептал он в ответ, заваливая ее на кровать и расстегивая на ней блузку. – А внешность обманчива, она меня не смущает.

– О боже, Барни... нет. Я не хочу. Это неправильно.

– Я мечтал об этом с тех пор, как впервые тебя увидел.

– Я уже не та, что раньше. Не надо.

Он сорвал с нее одежду, не обращая внимания на ее слабые протесты, и вот она уже сидела нагая, как Венера, которую он так часто ласкал, и пыталась прикрыться руками – такой он тысячу раз рисовал ее в своем воображении.

– Ты все такая же, – проговорил он, – и тело у тебя как у моей первой Венеры. Знаешь, а ведь я начинал ее, вспомнив, какой ты была тогда, на пляже.

– Ты не хочешь меня понять.

Он прикоснулся пальцами к ее губам.

– Словами тут не поможешь. Только этим...

Барни приложил руку к ее груди и поцеловал нежную кожу возле плеча. Он почувствовал, как грудь у нее сделалась тверже, – и вот, наконец, она обвила его шею руками и прильнула к нему.

– Но это нечестно по отношению к Карен. Она все узнает.

– Какая разница, – сказал он. – Между нами давно уже ничего нет. С тех пор, как случилась та авария.

– То-то и оно, – заметила она, взглянув на него вызывающе. – Ты хочешь воспользоваться мной как женщиной, чтобы утвердить свое мужское начало. Тебе нужно всего лишь временное удовлетворение.

– Черт возьми! – выкрикнул Барни, показывая на задернутую покрывалом скульптуру в углу. – Выходит, только поэтому я вылепил Венеру по твоему образу и подобию? Выходит, только поэтому я не мог придать ей лицо Карен, сколько бы ни старался уничтожить твое лицо, стереть его из памяти и начать все сызнова – с ее образа? Выходит, только поэтому ты снилась мне все эти годы – потому что мне было нужно всего лишь *временное удовлетворение*?

– Это... нечестно по отношению к ней, – слабо возразила Майра. – Ты принадлежишь Карен.

Он оттолкнул Майру мягко, но решительно и, целуя ее в губы, прошептал:

– Я всегда принадлежал только тебе.

Майра сжала бедра, продолжая сопротивляться.

– Это неправильно.

Она уперлась руками ему в грудь, боясь, что он возьмет ее силой. Потом ее бедра обмякли, и, точно по волшебству, холодная глиняная скульптура ожила от его прикосновения: «Восходящая Венера», порожденная его воображением, обрела под ним жизнь. Став не покорной и уступчивой, а требующей и ненасытной, как он сам, – такой, какой он ее представлял себе в своих былых фантазиях. Движения ее были настойчивые, гибкие, устремленные ему навстречу, ищущие ответной равнодействующей силы. Она пыталась взять процесс в свои руки, и он вдруг испугался, что выпустил наружу неуправляемую, безудержную энергию, – оживил Венеру, которая восстала с такой яростью, какой он от нее никак не ожидал. Это была борьба, как будто она старалась доказать, что подчинить ее не по силам ни одному мужчине на свете. Майра была сильная – и на мгновение Барни, ослабшему, показалось, что она одолеет его и оседлает сверху. Что-то внутри него хотело ей уступить, поддаться ее воле, но ему все же удалось совладать с нею – и он удерживал ее так до тех

пор, пока они оба вконец не выбились из сил и не обмякли, после чего он попытался оторваться от нее.

Но Майра все равно требовала свое: она удерживала его, сжимая своими крепкими руками и ногами, пока не решила, что довольно. Она вздрогнула, вздохнула, выпустила его из объятий, будто отринув от себя, и принялась разглядывать его обнаженное тело.

– Ну что, чувствуешь себя богом? Доволен теперь?

– Ты это о чем? – Он прикоснулся к ее плечу, но она отстранилась. – Не юродствуй. Ты хотела меня так же, как я тебя. Ты все это время сдерживалась, как и я. И вот мы как будто снова возродились. Да уж, с тобой невозможно чувствовать себя одиноким.

– Не надо об этом.

– Будь ты со мной, я с радостью пошел бы в «мученики». Да хоть в легион к самому дьяволу.

Майра воззрилась на него.

– Не шути так.

– Отчего же так мрачно? Где же твое чувство юмора? Было так здорово! Давай лучше поговорим о борьбе полов...

– Грязнуля ты.

– Что ты сказала?

– И меня запачкал. Все вы, мужчины, грязнули. Вот ты и меня замарал. Тебе же этого хотелось? Овладеть мной и заразить своим грязным семенем. И как только меня угораздило оказаться здесь, в этом пристанище грязи и разврата!

Столь внезапная перемена испугала Барни – он попробовал успокоить ее, но она шарахнулась от него, схватила с его рабочего стола резец и замахнулась им, точно это был нож.

– Брось, Майра!

– Еще раз подойдешь, убью.

Барни отличался сообразительностью – и отшатнулся.

– Ладно, я больше не прикоснусь к тебе, если не хочешь. Но, черт подери, ты берешь то, что тебе нравится, и превращаешь все...

– Нравится? – злобно проговорила Майра. – Я всегда считала тебя другим, а ты такой же, как все остальные, – прикидываешься, будто веришь в то, во что верю я, и делаешь вид, что тебе это интересно, хотя на самом деле у тебя на уме было только одно – затащить меня в постель, попользоваться и унижить.

– Ошибаешься, – сказал Барни, досадуя, что все так обернулось. – И не надо меня дурачить. Тебе хотелось этого не меньше, чем мне. Может, тебе

трудно себе в этом признаться, но, дорогая моя, ты сама пыталась одолеть меня и унижить. Последнее время ты только и делала, что испытывала на мне свою духовную силу, – на мне и на Карен.

– Неправда.

– Ты заявила к нам, думая, что после аварии мы до того обессилели, что нами легко манипулировать.

– Чтоб тебе пусто было!

– Но благодаря беременности Карен стала только сильнее, а не слабее, как ты представляла себе свою сестру, натуру слабую и романтическую.

– Предупреждаю, Барни, хватит!

– И теперь ты злишься потому, что я оказался сильнее, чем ты думала, – настолько сильнее, что взял тебя вот так, запросто. Или, может, еще кто сподобился овладеть тобой точно так же? А твоему профессору хватало силенок удовлетворять тебя? Или ты всегда предпочитала быть сверху и оседлывала его, пока он не обрюхатил тебя и не посадил на иглу, чтобы избавиться от тебя.

Она швырнула в него резец – и тот чиркнул его по щеке.

– Теперь я понял свою ошибку, – сказал Барни, глянув на валявшийся на полу резец, а потом на окровавленную руку, которой он провел по своему лицу. – Я пытался запечатлеть тебя в глине. А надо было высечь в камне.

Майра спешно оделась и прошмыгнула мимо него вверх по лестнице.

Барни все так и сидел, стараясь остановить кровь и прислушиваясь к шагам Майры наверху. Надо было высечь ее из мрамора, трудно поддающегося материала, – с ним нужно было бороться, чтобы в конце концов одолеть. Жаль, что он поздно это понял.

Чуть погодя он услышал, как открылась и закрылась наружная входная дверь, и увидел в подвальное оконце, как по дорожке идет Майра со своим фиброкартонным чемоданчиком; он провожал ее взглядом, пока она не скрылась из вида в дальнем конце улицы.

Барни подумал – интересно, что скажет Карен, когда узнает, что Майра ушла. Догадается ли, что между ними что-то произошло? Он подошел к лестнице. Но тут заметил, что все еще голый, и, вспомнив, как Майра спросила, чувствует ли он себя Богом, усмехнулся. «Будь я Богом, – подумал он, одеваясь, – влез бы в штаны обеими ногами одновременно».

Карен, как ни странно, даже не любопытствовала, отчего Майра уехала так внезапно. Но через пару дней, когда от нее не пришло никаких известий, Барни забеспокоился. Она вела себя как-то чудно – уж не сделала

ли что с собой? Через два дня после ее ухода Барни отправился в Миссию, чтобы найти Майру и попросить у нее прощения.

Брат Лука был как будто совершенно спокоен. Майра покинула Миссию, сообщил он, и подалась в Африку.

– Как-то неожиданно, – заметил Барни.

– Да уж, – сказал брат Лука, разглядывая пластырь на его щеке, – хотя, впрочем, она собиралась туда еще несколько месяцев назад. Да вот решила задержаться в Детройте – собиралась сперва помочь вам и вашей жене. Она думала, что может быть полезной здесь, прежде чем внять своему зову.

– А когда она вернется?

– Думаю, она уже не вернется.

– Понятно. А мне она ничего не просила передать?

– Она сказала, что надеется и вы все-таки придете к нам, хотя и сомневалась. Так есть ли надежда вас завоевать?

Его вкрадчивый голос не вызывал сомнений, и, хотя Барни был уверен, что Майра не рассказала ему о случившемся, он о чем-то догадывался, судя по тому, что она вдруг изменила свои планы. Глядя на него, Барни мысленно перенесся на четыре года назад, вспомнив подозрительность и ревность, терзавшие ее последователей. Они не доверяли друг другу: каждый втайне думал, что она предпочла кого-то из них остальным. И боялся оказаться в глупом положении. Что же, теперь все обстояло иначе.

Майра, очевидно, была у них движущей силой, но не такой, как прежде, и, хотя брат Лука, конечно же, догадывался, что между ними что-то произошло, он все еще надеялся обратить Барни в одного из них. Такая самоотверженность поражала Барни. Братство было спасением от обитателей Элджина. Оно снимало с него всю ответственность перед Карен и ребенком. Однако, хотя ему и хотелось гогеновской свободы, он понимал, что не сможет бросить Карен вот так, прямо сейчас.

– Вряд ли, – наконец сказал Барни. – Я одиночка. Я только нарушу устои вашей общины, и, пока не проникнусь вашей верой, делать мне у вас нечего.

Когда Барни собрался уходить, брат Лука не на шутку беспокоился, и прощаться с ним, по правде говоря, было как-то неловко. Впрочем, не важно. Мученики нашли для себя выход. И Барни нашел – в скульптуре, и пусть он будет одинок, неудовлетворен и лишен общения с собратьями-художниками, он выбрал свой путь, какой бы тот ни был. И пока ему еще удастся делать что-то руками, он в силах жить плодотворно – браться за новую работу с надеждой довести ее до конца. Возможно, Майра была в некотором смысле права. Порой он действительно чувствовал себя Богом,

повелевающим материей и формой, и смел думать, что вполне способен определить свое будущее. Может, это то, что греки называли высокомерием? Возможно, авария была аварией только с человеческой точки зрения. Что же, по крайней мере, одно дело он довел до конца – и почувствовал себя легче и моложе. Он выбросил Майру из своей жизни. Выйдя на улицу, Барни вдруг вспомнил, как Майра стояла в чем мать родила в тусклом свете мастерской, замахнувшись на него резцом, и рассмеялся, представив себе, до чего же это было смешно. В Африке ей придется поискать богов покрепче, чтобы было с кем потягаться. Из окна соседнего дома выглянула престарелая толстушка: увидев, что он смеется, она махнула ему рукой. И он помахал ей в ответ.

2

Барни думал, что порвал все связи с внешним миром, но не тут-то было. По спускному желобу для грязного белья отчетливо доносился голос Лауры Брэдли, пришедшей их провести, – и Барни было приятно слышать, как теща убеждала Карен, что по нему психушка плачет. Пока Карен сохраняла благоразумие и держалась независимо, ему ничто не угрожало. Пока у них не вышли все сбережения, Лауре Брэдли было не на что давить. Но он прислушивался к словам Карен, силясь угадать по ним, готова она предать его или нет. Когда это случится, он сообразит, что делать.

Единственной радостью для Барни теперь было трудиться в тусклом свете мастерской. Вдаль он уже видел плохо, а вблизи пока еще ничего – и работать мог большей частью на ощупь. Он опять лепил младенцев, но не слащавеньких пупсов, а новорожденных уродцев во всей их неприглядности, с необрезанной пуповиной, испачканных материнской кровью и слизью. У него то получалось, то совсем не клеилось. Что же искал он в этих формах? Вот найдет, тогда и узнает.

Время здесь остановилось. Лучше всего было жить в одиночестве, не заботясь ни о сегодняшнем дне, ни о завтрашнем. Да и о вчерашнем тоже (нет, он не сошел с ума). Барни жил творением – созданием форм и объемов, в которых пытался обрести явь. Подобно тому, как творил Бог – в пустоте, где нет ни вчера, ни сегодня, ни завтра, он сосредоточивал все свои умственные силы на кусочке материи – земли или глины, – сжимал его, мял пухлыми мягкими пальцами, придавая ему нужную форму и чувствуя, как тот живо трепещет, изгибаясь в его ладонях и силясь выскользнуть из рук на земную твердь, но он удерживает его, оттирает от слизи и доводит до

ума так, чтобы тот мог стоять на земле, идти по ней или ползти.

И говорил он, что это хорошо.

Вот только эти глиняные младенцы почему-то не оживали. Их было множество, и все они были тщательно вылеплены – имели правильную форму, но этого казалось мало. Младенцы такими не бывают. Барни трудился, пока у него не появлялась резь в глазах, а пальцы не теряли чувствительность, – лишь тогда, спотыкаясь на каждом шагу, он ковылял в спальню.

Обычно он поднимался туда, когда уже было светло, и, боясь дневного света, тут же падал в постель, служившую ему местом отдохновения. Он чувствовал, как рядом спит Карен, переложив на матрас всю тяжесть своего тела...

Засыпает он долго, уткнувшись лицом в подушку, чтобы свет не резал зудящие, горящие огнем глаза. И в подушке видит образы, от которых мог избавиться только во время работы. Но подушка плохая защита от прошлого. Вскоре он слышит, как она просыпается, и радуется, что теперь постель принадлежит ему одному. Когда она со стоном садится, а потом выходит из спальни, он с наслаждением растягивается, сознавая, что в перерыве между тягостным бодрствованием и кошмарными сновидениями ему удастся поспать и что, невзирая на ее жалобы и протесты, он не встанет, пока не увидит за шторами мрак. Из постели он выберется, только когда стемнеет и она уже будет спать. Ему больше не придется общаться со всякими приходящими и уходящими: молочниками, налоговыми инспекторами, сборщиками мелких пожертвований и прочими ходоками, пребывающими в заблуждении, будто он так или иначе по-прежнему член этого общества, гражданин этой страны и представитель этой расы. Им придется смириться с тем, что, объявив его изгоем, они в некотором смысле отреклись от него, предоставив ему быть самому себе головой, есть или голодать, прозябать или творить, жить или умереть, – словом, как кривая вынесет. Они никакими силами не заставят его хоть на мгновение задуматься, который теперь час в этом мире. Пусть дураки кромсают жизнь на части, пытаясь сосчитать, сколько прошло дней, часов и минут. А ему вести счет своему угасанию нет никакой надобности.

Карен видела, что он долго спит. Должно быть, Барни тяжело все время спускаться из спальни в мастерскую и подниматься обратно. Если бы только можно было избавить его от этой отчужденности. Она не просила его заниматься готовкой, и уже хотя бы поэтому он мог вести себя по-человечески. Она не воспринимала всерьез советы матери – но что, если он

станет буйным? Стоит ли подвергать опасности себя и ребенка? А ведь надо будет что-то делать, если в ближайшее время он не придет в себя.

Карен понимала: не нужно было соваться к нему в мастерскую без его разрешения, – но ей казалось, что так она сможет увидеть, что творится у него в душе. Если необходимо взять Барни под наблюдение, врачам, безусловно, захочется знать, над чем он работал последние недели.

Она подозревала, что его странная отчужденность как-то связана с Майрой. Карен не знала точно, что произошло между ними, а когда Барни рассказал ей в тот день, что Майра собралась и ушла, лишних вопросов она не задавала. Она не собиралась ни допрашивать его, ни судить. Майра как будто вернулась затем, чтобы предъявить права на то, что когда-то принадлежало ей, но главное – она уехала, а Барни по-прежнему здесь. Все остальное не важно.

Быстро ходить теперь не следовало, чтобы ничего не случилось. Надо быть поосторожнее, как наказывал доктор Лерой, особенно в эти последние месяцы.

Карен ожидала, что мастерская будет битком набита скульптурами, которые он сделал за последние несколько недель, – за то время, пока она сюда не заглядывала, но кругом было шаром покати. Только в дальнем углу, на поворотном столе, виднелось что-то, прикрытое холстиной: должно быть, «Жертвы», – а все остальное, над чем он трудился прежде, пропало. Несколько раз она порывалась уйти, рассудив, что ей нечего здесь делать, и уж тем более втайне разглядывать его творения, пока он спит. И все же работа была частью его отчужденности – болезненного состояния, которое все больше отрывало его от действительности, как будто он сворачивался в кокон. Тут Карен почувствовала, как у нее свело живот, – наверное, младенец решил взбрыкнуть, но ничего такого не случилось. Она прижала руки к животу.

– Сейчас поглядим, – проговорила она. – И узнаем, чем он тут занимается.

Готовая ко всему, Карен заставила себя подойти к кругу света, в котором стоял стол. Памятуя о его чувстве горечи и отрешении от мира, она уверяла себя, что человек страдает только от чувства обиды. А Барни хватило бы сил избавиться от этого тяжелого бремени, по крайней мере сейчас. Карен осторожно сдернула холстину, запомнив, как та висела, чтобы потом водрузить ее точно на прежнее место.

Это была Венера. Но, о боже!.. На сей раз у нее было лицо Карен и фигура тоже, вот только беременность у нее была какая-то гипертрофированная: живот казался раза в два больше, чем был на самом

деле, как и лицо, руки и ноги, – отчего создавалось впечатление, что она того и гляди лопнет. То, чего она сперва не разглядела, так это звероподобные фигурки, сгрудившиеся вокруг Венеры. Лишь потом она увидела, что это маленькие тельца, лежащие под одним, покоящимся сверху этой груды, – скрюченные мертвые младенцы из ее кошмаров, сваленные в кучу друг на друга, и все они отличались каким-то уродством: у одних были расщепленные кисти, у других было по две головы, у некоторых по три руки или одному глазу, у кого-то торчали иссохшиеся культяшки ручек и ножек, – и эти изувеченные младенцы, все как один, были мертвые (впрочем, нет, не все, потому что у кого-то глаза были широко раскрыты от боли), и они жались к своей матери. Некоторые прильнули к ее груди, а один, у нее между ног, как будто только-только появился на свет.

А глаза у Венеры были подернуты поволокой смерти. Но, даже будучи мертвой, эта безобразная Мать-Земля продолжала производить на свет уродливых младенцев.

Карен едва сдержала крик и, кое-как задержав холстиной скульптуру, стала подниматься по лестнице. Но оступилась, поскользнулась... и двинулась дальше – словно сквозь водную толщу. Не успела она добраться до гостиной, как у нее перехватило дух. Она почувствовала, что руки и ноги у нее будто слеплены из глины, потом появилось странное ощущение, что Барни желает смерти ей и ее ребенку, а следом за тем она потеряла сознание.

Когда Барни обнаружил, что Карен спускалась вниз и рассматривала его работу, он сначала пришел в ярость. Понять это было нетрудно. Она набросила холстину обратно не так, как обычно делал он, накрывая свои скульптуры, – заметив такое, он тут же смекнул, что она побывала здесь. Но потом он обрадовался. Ее мнение было ему безразлично, однако, догадавшись, что она все видела, он пришел в восторг. Ему было тяжело работать последнее время, сознавая, что ни одна живая душа не видит плоды его трудов (и вовсе не потому, что она никогда не делилась своим мнением о его работах), а тот факт, что кто-то знает об их существовании, делал их реальными, – или не так? Если считаешь их реальными, значит, они существуют! Последнее время Карен казалась ему – ну да – какой-то не такой. Напуганной. Но не из-за фигурок, решил он. Они выглядели довольно безобидными. Барни пытался объяснить ей, что это своего рода комедия ошибок и он воссоздал ее под впечатлением от одного французского фильма, который видел когда-то давно: герои того фильма,

смешные такие, смастерили машину, чтобы делать какую-то штуковину, но вместо этого машина делала совсем другую штуковину – какую точно, он не помнил, впрочем, это не важно, – и они не знали, как выключить машину, а она знай себе выплевывала свои штуковины, пока не заплевала ими всю чертову комнату. Так вот, это напомнило ему один скетч, который он видел в исполнении ребят из соседнего молодежного клуба: в той пьеске один дядька решил самостоятельно принять роды у своей жены – и когда, наконец, на свет божий появился пятый по счету близнец, он кинулся срочно звонить врачу, чтобы тот посоветовал ему, как остановить это безобразие. И тогда, под впечатлением от увиденного, Барни вспомнил сказку про девочку с волшебным горшочком, который она все никак не могла остановить, а он меж тем вываливал кашу и вываливал, заполняя ею улицу за улицей и грозя завалить всю деревню. Это, пошутил Барни, своего рода символический протест против демографического взрыва, воплощенного в образе взбесившейся плодovitой Матери-Земли.

Но Карен не нашла в этом ничего забавного, и Барни решил, что она не оценила шутку постольку, поскольку сама находилась в не менее интересном положении. Это, настаивал он, по-настоящему оригинальная идея. Вот только младенцы вышли какие-то не такие. Впрочем, ему удалось вылепить их так, чтобы они выглядели как настоящие: он просмотрел кучу книг по медицине и сумел изобразить уродства вполне достоверно. Однако младенцы все равно получились слишком уж человечными и милыми. Помимо всего прочего, ему хотелось показать несовершенство тварей, созданных Богом страждущим.

Но ей не хотелось это обсуждать.

Почему же ей было невдомек, что, создавая все эти формы, он добрался до самых потаенных глубин своего бессознательного и извлек оттуда воспоминания об иных местах и временах, которые никак нельзя было отнести к прошлому, поскольку они существовали в его сознании в самое что ни на есть настоящее время? И если ему удалось разглядеть эти согбенные, скрюченные, корчащиеся фигуры – получеловеческие, полужвериные, – значит, они существуют? Однако Карен не желала принимать его воображение за реальность. Она не могла допустить, что он случайно натолкнулся на нечто весьма значительное. Она была всецело поглощена своим собственным состоянием – одержима тайной теплящейся внутри нее жизни, и ее заботило лишь то, что происходило в настоящее время в ее чреве.

То было своего рода безрассудство, заставляющее людей бояться смерти, – уверенность, что на следующей неделе, завтра или через минуту

должно что-то случиться и они это упустят. Барни пытался убедить ее, что завтра не существует ни для кого, так зачем смотреть в будущее и бояться смерти? Странно было то, что Карен не воспринимала никакие доводы, словно находившееся в ее утробе существо было настолько важным для нее, что за него стоило цепляться всеми силами и бороться со всем миром. Столь ценный товар, говорил ей он, производили миллионы неквалифицированных рабочих по всему миру (неходовой товар, разрастающийся до размеров целых народов, голодающих и умирающих на берегах Ганга, скитающихся по джунглям Африки с засиженными мухами глазами, и это потомство рождалось уродливым душой и телом). Не сомневайся, говорил ей Барни, его уродцы – всего лишь воплощение извращенной сути, сокрытой под личиной совершенных тел, но он видел, что она понимает его с трудом. Беременность ослепила ее настолько, что она не видела ничего дальше жалкого кусочка плоти в своем чреве.

Теперь ему казалось, что, когда младенец кричит в утробе, он борется со смертью. Так, может, рождение – это начало умирания? Может, все эти фертильные часы предназначены только для того, чтобы провести их через лабиринт времени к смерти? Человек – это радиоактивный изотоп с нестабильным периодом полураспада, мало-помалу разлагающийся с каждым мгновением, с каждым днем.

Он ей все объяснит. Творя внутри себя, она поймет, что единственный смысл сотворения подобной формы кроется в ее последующем разрушении. Он никогда еще не говорил с нею на эту тему (она пока еще была не готова к такому творческому прорыву), но он покажет ей, как каждый человек разрывается между банальным эгоистическим желанием поиграть в Бога и вдохнуть жизнь в порожденных им Адамов и Евы, а потом поносить своих чад за неповиновение и в довершение всего изгнать их из райского дома-сада в загрязненный мир, чтобы они мало-помалу разлагались там каждое мгновение, каждый день, и только потому, что ты сотворил их, сделав продолжением самого себя, – как каждый человек разрывается между всем этим и прекрасным идеалом (Богом-наоборот), призванным разрушать то, что создают другие.

Карен непременно поймет и примет эти новые представления, которые он сумеет до нее донести, и придет время, когда ей самой захочется спасти их ребенка от этого пораженного заразой мира. А он ей поможет. Покажет, как это сделать.

Барни схватил первого попавшегося глиняного уродца и швырнул его об стену.

Карен вздохнула с облегчением: Барни не злился, что она видела его работу. Она понимала: скрывать от него что-то глупо, но ему, похоже, было все равно. На самом деле ему, как ни странно, вроде бы даже нравилось горячо рассуждать о подобных вещах. И с ее стороны было бы неразумно выказывать отвращение к этим уродцам, поскольку, по его словам, он всего лишь воплотил в них духовное уродство, с которым рождаются все люди, и в этом смысле ей не стоило удивляться, что для этого он использовал именно такой прием. Ведь последнее время они оба думали об этом.

Однако она верила, что, несмотря на терзавшую его горечь, он в конце концов полюбит их ребенка. Барни всегда хотел детей, и это желание вряд ли могло пропасть у него за последние семь месяцев. Придет время, и все остальное станет безразлично – ему и ей.

Вот только время тянулось теперь уж больно медленно.

Услышав, как внизу что-то упало, Карен подумала – Барни что-то уронил. Затем ей послышалось, как внизу что-то разбилось. Она снова и снова слышала громкие звуки, а потом Барни выкрикнул что-то невнятное. Карен испугалась: что, если кто-то проник в нему в мастерскую и опять его колошматит. Она окликнула его. Тишина – и вдруг смех. Самый дикий хохот, который она когда-либо слышала: голос Барни звучал пронзительно высоко, как будто ему было больно и вместе с тем приятно. Она медленно направилась вниз – посмотреть, что там случилось.

Барни сидел на полу, в круге света, перед своей скульптурой. Рядом лежала холстина, скульптура была разбита в нескольких местах. Голова у Венеры была отбита и валялась там же, на полу. Руки – отломаны. А уродливые младенцы – разбросаны по всей мастерской, как будто их швыряли об стены. И посреди этих обломков сидел Барни – он уже не смеялся, а выглядел подавленным и напуганным и, похоже, готов был расплакаться или хотел, но не мог.

– Ступай наверх, – мягко сказала Карен. – Иди, приляг.

Барни, казалось, ее не слышал: он едва сдерживал слезы, выступившие у него на глазах. Она взяла его за руку – он безропотно поднялся на ноги и так же покорно пошел с нею наверх. Он был молчалив и послушен – она подумала, что сейчас с ним можно сделать все, что угодно, и это было страшно. Она проводила Барни в спальню и уложила в постель, а взгляд его между тем становился все более мутным, словно, поборов слезы, он впал в забытие, но так и не избавился от гнетущей тоски. Если бы он дал волю

слезам и выплеснул наружу все, что у него наболело, может, ему стало бы легче.

Она накрыла его одеялом, выключила свет и закрыла дверь.

3

Странно, что когда-то мир стал нереальным, все дни оказались похожими один на другой... и вдруг в один прекрасный день все перевернулось вверх дном, вывернулось наизнанку – такое впечатление, будто ты неуверенно прошел сквозь зеркало из сказки про Алису^[47] и попал в мир, живущий совсем по другим правилам.

Лежа в постели, Барни ощущал себя в мире, где разрушалось все, к чему бы он ни прикоснулся. И становилось заразным все, что бы он ни задел... «Прикосновение Старка»... Он видел, как хватается за все подряд в доме, пытаясь отыскать дверь, которая вернула бы его в действительность, но от его прикосновения все рассыпается в белую пыль, – она собирается в пыльную бурю, врывается в гостиную и оседает мелкими кучками по углам (он бился о стены и беззвучно кричал, зовя на помощь) ...А потом приходят люди в белых комбинезонах с капюшонами – приходят с совками и бумажными контейнерами и все убирают.

Разве он виноват, что эта пыль попала с чьих-то ног к нему в машину, а потом ему на куртку и на руки и что все закончится таким вот образом? Почему «убитые» машины на отцовской свалке были всегда покрыты такими острыми пылинками? Ржавчина – рыжая, пол – белый, а у радиоактивной пыли цвет боли.

Как он он мог заразить то, что уже мертво, и то, что еще не родилось?

Хотя ответы роились где-то в глубине его сознания, он не решался облечь их в слова или мысленные образы, потому что понимал – смысл иных слов лучше не знать. Неужели он трус? Или, может, эти слова уже обрели смысл? И кто мог ему втолковать, что надо жить дальше?

Карен не знала, что Барни наблюдал за нею, когда она входила в спальню и выходила, хотя он видел ее неотчетливо, как в тумане, словно смотрел сквозь тонкий кружевной платок. Она заговаривала с ним и огорчалась, если он не отвечал на ее вопросы. Почему она не слышит его мысли? Почему не догадывается, что он умоляет ее протянуть руку и удержать его, чтобы он не провалился в бездну? Он рассказал бы ей обо всем, но на это нужны были силы, а всякий раз, когда он пытался заговорить, ему казалось, что силы оставляют его, просачиваясь меж губ,

точно драгоценный эликсир жизни, который надо хранить в себе.

Почему она винит его за то, что случилось? Во всем виноват Прагер. И «Нэшнл-Моторс». И она сама виновата, потому что оказалась рядом с ним и подцепила от него эту заразу. Какое он имел отношение к радиоактивным изотопам? В школе он даже не учил физику и провалился по химии. Так в чем же смысл?

Что Господь пытается доказать?

Лежа в тишине, он поражался ее самонадеянности перед лицом их безнадежного положения. Вместе с тем он отдавал должное стойкости Карен перед ее матерью. Если бы Лауре Брэдли удалось ее переубедить, они наверняка упекли бы его в психушку. Но он знал – Карен ни за что на свете им не уступит. Быть может, она не хотела, чтобы ей на голову, помимо всех прочих напастей, свалился еще и душевнобольной муж.

Часы. Он тысячу раз говорил ей, что не желает видеть их в спальне. Она спрятала куда-то фертильные часы, после того как он расколотил у них циферблат, но ему было слышно, как где-то совсем рядом тикают другие, причем так громко и непрерывно, что казалось, будто это бьется его собственное сердце. Он часто засыпал с открытыми глазами, медленно погружаясь в себя, – и тут вдруг начинал звучать ее голос: она уже успевала что-то сказать, потому что разговаривала с ним давно, а между тем где-то поблизости слышалось неумолчное тик-так... тик-так... тик-так... – это тикали адские часы, заглушавшие ее, и тикали они до тех пор, пока он не накрывал голову подушкой, чтобы заглушить их тиканье...

Барни видел соседских мальчишек из Крофорд-Крик: они купались голышом, и он вместе с ними. Они взбирались на скользкий берег Грязноводной^[48] и плюхались с высоты прямо в реку, шлепая по воде руками и брызгая друг дружке в лицо. Между тем Злюка О'Брайен стоял на траве, держась рукой за свой член, и кричал: «А у меня самый большой!..» И вот они уже мерились, у кого больше, – и между ним и Злюкой была ничья. Затем они мочились на спор, кто дальше, – и побеждал Злюка. Барни оказывался третьим – и конфузился. А потом они спорили, кто быстрее кончит. И он пугался, потому как раньше ничем таким не занимался. У Джорджа Уилкинса были часы – он засекал время, и Винсент был быстрее всех. «Полторы минуты!» – кричал Винсент. Следующим был Лестер Виттоло – он все проделывал на траву (и чуть не обрызгал Джорджа, но тот вовремя его предупредил, сказав: «Гляди, куда метишь, козел!..»). Две минуты. Злюка был третьим – четыре минуты. Он пыжился еще и еще, но все без толку, и они все дружно смеялись, потому что у него ничего не

получалось. Джордж, тыча часами ему в лицо, знай себе приговаривал: «Ну, давай же, Барни, давай, у тебя получится, Барни. Получится». И вот уже член в его руке обмякал – словно умирал, и они опять все дружно смеялись, потом он прыгал в реку, переплывал на другой берег, где бросил свою одежду, одевался и шел домой. Тем же вечером, уже дома, он пробовал снова – но ничего не выходило... потом пробовал каждую ночь в постели – ничего... и опять ничего... пока однажды, проснувшись рано-рано, когда еще было темно, не понял, что стал мужчиной...

– Барни!

Ее голос смутно прозвучал в тегучей темноте.

– Барни, пожалуйста, вставай!

Ноль внимания. Ему не хотелось ее слышать. Хотелось вспоминать.

– Барни, что-то не так! Ты мне нужен...

Странная штука: он все отчетливее понимал, что торопиться не стоит. Мужчине пристало держать себя в руках, чтобы было время...

– Ну, вставай же, Барни! У меня вот-вот начнутся схватки. Творится что-то неладное...

А потом отец застал его в ванной. Он же запер дверь – и не мог взять в толк, как старик догадался, чем он тут занимается, но тот требовал открыть дверь, и тогда он сказал ему: «Сейчас, минуточку, Я еще не закончил...»

– Минуточку, – сказал он. – Минуточку.

– Не могу дозвониться до доктора Лероя. У меня воды отходят...

Он сказал ему: «Минуточку», – но отец навалился на дверь, маленький крючок не выдержал, и отец, застав его врасплох, разорался: «Ты что тут делаешь? На толчке сидишь. А ну-ка, дай погляжу, чем ты тут занимаешься». – «Ничем, папа, клянусь». Но отец уже стащил его с унитаза и увидел его торчащий член, и тогда он закричал: «Да ничего я не делал, папа. Я даже не трогал его. Я ничего такого не делал. Это он сам по себе». И тут отец врезал ему кулаком так, что он грохнулся и ударился о ванну. «Значит, дроишь себе потихоньку в этом доме? Дурачком ведь станешь. Ослепнешь...»

– Барни... схватки... Очнись, Барни! Ты мне нужен, Барни. У меня схватки начались. Ну пожалуйста, вставай!..

Ему чудилось, что он всплывает из огромной глубины, мимо насмешливых лиц, в Крофорд-Крик, слышит смех и визги и чувствует отцовский кулак, обрушившийся ему на голову... и вдруг узнает голос Карен – она его зовет. Он томился в цепких оковах сна и вовсе не хотел от них избавляться. Какое ему дело до этого мира и до тех, кто в нем живет? И

что ей нужно от него? Зачем она врезалась в его мозг и вырвала из воспоминаний? В настоящем – только боль; в будущем – только пустота.

– Ты нужен мне, Барни. Вставай же, помоги мне! Надо ехать в больницу. Кажется, я теряю ребенка...

И вот он снова там – лежит, распластавшись на берегу сознания, точно усталый пловец, и силится понять, что ей нужно... и вдруг понимает, когда она сует ему в руку часы. Перед глазами все расплывается – он подносит их ближе и видит: семь часов.

– У меня начались схватки.

– Когда?

– Минут десять назад. Слава богу, ты проснулся, Барни. Я боюсь.

– Ладно, вот он я. – Он прикоснулся к ее лбу и почувствовал, что он влажный и липкий. – Сейчас принесу тебе мокрую тряпку.

Барни с трудом поднялся с постели и направился в ванну, добрался ощупью до полотенца и смочил его под краном.

У Карен снова начались схватки, он взглянул на часы – двадцать минут восьмого – и принялся растирать ей спину, чтобы облегчить боль. Когда боль отпустила, Карен откинулась на спину, схватив его за руку, точно ребенок на оживленном перекрестке.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Сейчас позвоню в больницу, скажу, мы едем. И матери твоей тоже надо бы позвонить.

– Уже звонила. Никто не отвечает. Сейчас только ты можешь мне помочь, Барни. Только ты. У тебя такие чуткие руки. – Она облегченно вздохнула, когда он снова взялся растирать ей спину. – Как хорошо, что у тебя такие сильные руки!

Он массировал ей поясницу – растирал и разминал ее напряженные мышцы, и те размягчались под его напористыми пальцами, скользившими от хрупких лопаток вверх к тонкой шее. Проще покончить с собой и с ними всеми, думал он, продолжая массировать ей мышцы шеи, пока ее голова не свесилась свободно на грудь. Но он прогнал эту мысль. Он мог покончить с собой, но не с ней. Он не имел отношения к ее будущему. Только к прошлому. Но она удерживала его в настоящем, вынуждая считать минуты между спазмами – измерять время таким вот странным образом.

У нее снова начались схватки, и она застонала.

– Пока что тридцать минут, – сказал он. – Все хорошо... Только не волнуйся...

– Кажется, я умираю.

– Нет, все обойдется. Потерпи немного.

– Барни, держи меня за руку.

Он ждал вместе с нею, считая схватки, разминая ей шею и стирая пот со лба в надежде, что это приносит хоть какое-то облегчение, но после каждого спазма она падала без сил, и он не переставал удивляться, почему жизнь рождается так тяжело, а смерть приходит так легко. Время между схватками сократилось до двадцати пяти минут – когда он ей об этом сообщил, она, похоже, испугалась и сказала, что пора ехать в больницу.

Наконец Барни дозвонился доктору Лерою домой, и его жена сообщила, что он принимает роды в городской больнице Элджина. Барни позвонил в больницу, и телефонистка сообщила, что доктор все еще находится в родовой палате – сложный случай.

– У меня жена рожает, – сказал Барни. – И он должен принимать у нее роды.

– Тогда везите ее в больницу, – прозвучал голос на другом конце провода. – Может, к тому времени...

– Вы не поняли. Моя жена по договоренности должна ехать в Центральную больницу в Детройте. И он может не успеть к сроку, если задержится у вас в родовой палате.

– Даже не знаю, что вам сказать, сэр. Но вам нужно везти вашу жену в больницу. Если доктор Лерой не успеет, у нее примут роды другие врачи.

Телефон находился рядом с кроватью, и Карен все слышала.

– Никаких других докторов, – сказала она. – Только доктор Лерой. Только он, Барни.

Тут у нее снова начались схватки, и она с глухим криком вцепилась в простыню.

– Послушайте, у вас есть сегодня свободное место? – спросил Барни. – Дело срочное.

– Одну минуту. Я соединю вас с приемным отделением.

Медсестра из приемного отделения сказала – да, есть одно свободное место, поскольку утром кто-то отказался от госпитализации.

– Отлично! – выкрикнул Барни. – Оставьте сообщение доктору Лерою. Мы выезжаем прямо сейчас.

– Как ее имя?

– Карен Старк.

Последовала тишина.

– Одну минуту, пожалуйста.

Барни показалось, что медсестра прикрыла трубку рукой.

Через мгновение она снова была на проводе.

– Простите, мистер Старк, но я совершила ужасную оплошность. Та

койка уже занята. Должно быть, это произошло во время моей пересменки, и...

– Хватит молоть чепуху! – крикнул Барни. – Койка была свободна, пока я не сказал, кто мы такие. Я везу ее к вам.

– Что случилось, Барни?

– Ничего! Сейчас все улажу, – выкрикнул он. И уже в трубку продолжал: – Слышали, что я сказал? У нее отошли воды, и схватки повторяются уже через каждые двадцать пять минут. Ребенок может родиться до срока, а в Детройт я не успеваю. Вы ближе. И обязаны ее принять.

– Простите, мистер Старк. Свободных мест у нас нет.

– Да черт с ним! Передайте доктору Лерою – мы едем.

– Но, мистер Старк...

Он швырнул трубку.

– Барни, я не хочу никаких неприятностей.

– Боятся, что мы заразим их чертову больницу.

– Барни, я не хочу вот так. Не сердись, пожалуйста.

– Сама успокойся. После последних схваток прошло двадцать минут. Собирайся. Доведу тебя до машины.

– Как же ты сядешь за руль? Ты же плохо видишь. Это опасно.

– Свет-то я вижу, – сказал он. – Буду ориентироваться по задним фарам машин спереди. А где поворачивать, ты подскажешь. Надо только держать дистанцию перед задними фарами других машин. Вдвоем-то уж как-нибудь доедем.

Барни помог Карен подняться с постели, и, только спускаясь по лестнице, когда она оперлась на него всем телом, он почувствовал, до чего ослабли его ноги. Он вообще удивлялся, что слабеет с каждым днем. Но сейчас нельзя было давать волю слабости. Надо довезти ее до больницы, а там будь что будет.

Погрузив Карен вместе с чемоданом в машину, Барни вернулся в дом, чтобы забрать из кладовки дробовик. Убедившись, что тот заряжен, он сунул в карман куртки пригоршню патронов про запас. Увидев в руках Барни ружье, Карен стала умолять, чтобы он оставил его дома, но Барни, не удостоив ее своим вниманием, завел машину и осторожно отъехал от дома.

– Пригодится, – сказал он. – Наверняка уже прошел слух, что мы едем. Может, нас попробуют остановить. Стрелять, думаю, не придется. А вот показать – возможно.

Карен было запротестовала опять, но у нее снова начались схватки и она вся вжалась в кресло.

– Больно, Барни! Больно!

Он наклонился вперед, едва не уткнувшись носом в ветровое стекло и надеясь, что перед ним не окажется никого с погашенными фарами. Всю дорогу только так и придется ехать – вслед за маячащими впереди фарами машин. Карен подсказывала ему верное направление, если он в нерешительности притормаживал, предупреждала о стоп-сигналах, поворотах и пешеходах. Пару раз Барни газанул довольно резко и вылетел на тротуар, отчего Карен сильно трянуло, – уж очень торопился он довезти ее до больницы вовремя.

Но что будет, когда они приедут? Медсестра, конечно, обо всем доложила врачам – может, и начальство успела предупредить, так что об их приезде наверняка все уже знают. Вопрос лишь в том, насколько враждебно настроены против них в больнице... и успеет ли их появление наделать там переполох.

Проклятая статейка... Если бы не она, все давно улеглось бы и никто не обратил бы внимания на ее пребывание в больнице. И вот ее появление пробудило новые страхи, будто стряслась очередная беда. К тому же репортер дал ясно понять, что радиоактивной пыли повсюду скопилось столько, что убрать ее Радиационному контролю оказалось не под силу.

Вероятно, они попытаются перекрыть им проезд в больницу. В таком случае придется пригрозить им дробовиком. Но сможет ли он спустить курок? Наверное, сможет. Барни уверял себя: если их ждет разъяренная толпа, он выстрелит без малейшего зазрения совести. И не от ненависти (она уже прошла), а ради Карен. Только бы провести ее внутрь, а потом пусть они делают с ним что хотят. Главное сейчас – чтобы ее положили в больницу.

О ребенке он тоже мало беспокоился. Однако Карен столько натерпелась, что с лихвой заслужила иметь ребенка. Она заслужила это право потому, что прошла через страдания, а вернее, благодаря терпеливому ожиданию или чему-то более глубокому, чего ему было не понять, – тому, что позволило ей создать внутри себя человеческое существо из множества разных клеток. Она сотворила – и все еще продолжала творить – новую жизнь, и теперь эта жизнь грозила вот-вот вырваться наружу из плавильного котла ее физического тела. И каким бы ни вышло это творение – совершенным или уродливым, она имела право довести начатое до конца.

Карен со слезами откинулась назад, и Барни понял – дело плохо.

Пожалуйста, Боже милостивый, безмолвно молила она, хоть бы успеть вовремя. Пожалуйста, Боже милостивый, не дай мне потерять ребенка. Обещаю, я буду любить его, каким бы он ни был. Я буду любить его и заботиться о нем... я буду хорошей матерью. Пусть он только родится. Знаю, я была не очень набожной и порой даже не верила, что ты есть, но теперь все по-другому, Боже милостивый. Я верю. Верю. Только не дай мне потерять ребенка. Я буду верить в тебя всегда. Обещаю, Боже милостивый, только... только... ох-х-х! Ну за что мне такие муки, Боже? Почему же так больно?

Бедный Барни, думала она, ему, наверное, тяжело видеть, как я страдаю. Он просто не подает вида, хотя стухнул, когда у нее начались схватки. Он добрый парень. Она не держала на него зла за то, что произошло между ним и Майрой (он всегда любил и хотел Майру, но ее нет, а он есть), и понимала, что ей без него никак.

– Барни, машина!

Он резко вывернул на бордюр и ударил по тормозам, заметив, что впереди кто-то промелькнул. Он сидел, сжимая руль, словно хотел его сломать, и качаясь взад-вперед, и по лицу у него струился пот.

– Все хорошо, Барни, – прошептала Карен. – Просто беспечная ребятня. Все хорошо.

Он разжал руки. Вдохнул и бессильно откинулся назад.

– Надо бы ехать, Барни. Время поджимает.

Барни кивнул и осторожно тронулся дальше, напряженно приглядываясь к свету впереди едущих машин. Он ехал слишком медленно, и сзади ему начали сигналить. Их обогнала машина, и оттуда ему крикнули: «Проснись, придурок!» Затем еще одна, и еще... и все сигналили, пока Барни не ударил по газам.

– Плюнь на них, Барни.

Он вдавил педаль газа в пол.

– Слишком быстро.

– Я знаю, что делаю, – бросил он, устремившись вслед за обогнавшей их очередной машиной.

– Барни, слишком близко. Если он резко затормозит...

– Пусть будет моим поводырем.

Но где-то в полумиле от больницы ехавшая впереди машина просигналила, что собирается повернуть направо, – и мгновенно исчезла из

вида. Потеряв путеводные огни, Барни снова был вынужден сбавить скорость.

– Возьмись рукой за руль, – сказал он. – И держи вот так, рядом с моей рукой. Поможешь управлять, пока не начнется новый спазм.

Карен подсела ближе и стала помогать ему удерживать машину посреди дороги, а вскоре впереди уже показались огни больницы.

– Все хорошо, Барни. Вот и приехали. Теперь все хорошо.

Он выехал на кольцевую развязку, скрежетнув шинами по бордюрному камню.

Перед главным входом топталась дюжина каких-то людей – они тотчас же кинулись перекрывать лестницу при виде подъезжающей машины.

– Вылезай со своей стороны, – шепнул Барни, открывая Карен дверцу. Она замялась, и тогда он ее слегка подтолкнул. – Давай!

Карен выбралась из машины со стороны больницы. Толпа так и стояла, перегородив им дорогу, а позади у нее, за стеклянными дверями, она разглядела людей в белом – врачей или стажеров, – медсестер и еще каких-то служащих, пялившихся из освещенного вестибюля.

– Садитесь-ка обратно в машину, миссис Старк, – проговорил Оскар Верн, работавший на станции техобслуживания. – Нам тут не нужны никакие неприятности.

– Но я приехала к своему врачу. Мне скоро рожать.

– Простите, миссис Старк, но у меня здесь жена рожает.

– А у меня дочь! – выкрикнул Мартино, парикмахер. – И мне вовсе не улыбается, чтоб она вместе с моим внуком или внучкой подцепила эту радиоактивную пыль.

Карен казалось, что она того и гляди лишится чувств: опять начались схватки, – и ей пришлось опереться на крыло машины. Она охнула и скрючилась, кто-то было бросился ей на помощь, но, вдруг опомнившись, остановился. К ней подоспел Барни – он подхватил ее, и она увидела у него в руках дробовик.

– Даю десять минут, – сказал он.

– Вы же не собираетесь пускать в ход дробовик, мистер Старк? – спросил кто-то из них, и Карен узнала мистера Петерсона, их соседа через два дома, чья собака подцепила ничтожную дозу радиации у них на передней лужайке.

– Нет? Я подумаю, – сказал Барни. – Или вы, или она. А мне терять нечего. Думаете, я пожалею, если перестреляю вас всех?

Послышался ропот негодования: некоторые из них смекнули, что он не

шутит, – и тут Мартино воскликнул:

– Да он блефует.

– У моего дробовика два ствола. И с этого расстояния рассеивания одного заряда хватит с лихвой, чтобы укокошить большинство из вас. А перезаряжать я умею чертовски быстро. Вы прекрасно смотрите на фоне хорошо освещенных стеклянных дверей. Предупреждаю, я готов на все. Если не уйдете с дороги до того, как у нее снова начнутся схватки, – минут через несколько, – я открываю огонь, больше ждать не буду. И еще скажу кое-что. Вы все боитесь того, чего нет. Ну да, было дело, мы с ней заразились, но радиоактивную пыль давно вымели. Мы прошли полную дезактивацию, и дом наш очистили сверху донизу, все честь по чести. Мы оба ощутили на себе всего лишь последствия радиационного облучения, а вам и вашим женам вообще ничего не угрожает. Если только не попробуете нас остановить.

Они так и стояли друг против друга, словно решая, что делать, и тут Карен снова почувствовала: приближаются схватки. Она боялась, что Барни начнет стрелять. Как все не вовремя: ведь он и правда может спустить курок. Она пыталась сдержать боль, а когда поняла, что не в силах, попыталась сделать вид, что ей не больно. Она сжала зубы, подавив стон и силясь стоять прямо, только бы Барни ничего не заметил. Но Верн все видел – и выдал ее:

– Вот и началось, – буркнул он и подался в сторону.

Однако остальные не шелохнулись.

– Барни, пожалуйста, заberi меня отсюда. Родить я могу и в машине. Многие женщины рожали в машинах по дороге в больницу. Может, и я смогу.

Но, сказав это, она вдруг почувствовала сильную слабость и поняла: недоношенный ребенок не выживет.

На какой-то миг ей показалось, что Барни собирается выстрелить, но не тут-то было. Он опустил ружье и выкрикнул:

– Ладно, стрелять в вас я не стану. Вам это было бы только на руку. Но так просто вы все равно не отделаетесь.

Барни развернул дробовик и ткнул им в Карен, приставив его прямо к ее животу, сбоку.

– Сейчас мы проходим мимо вас, а если кто попробует нас остановить, он же сам и спустит курок. И убьет ее вместе с ребенком, раз уж вам приспичило. Хотите, так кончайте со всем разом, прямо сейчас.

То была отчаянная игра. Карен знала: он никогда этого не сделает. Однако же его палец лежал на спусковом крючке – и дробовик мог

выстрелить в любое мгновение. Но ему пришлось блефовать.

– Иди! – велел ей он, подталкивая двустволкой. – Только очень медленно.

– Не пускай их! – гаркнул Петерсон.

– Останови их!

– Не могу. Если схвачу его, ружье выстрелит, – сказал Верн.

– Он не посмеет.

– У него же не все дома.

– Палец у меня на спусковом крючке, – проговорил Барни, – и тот, кто навалится на меня, станет убийцей. А теперь в сторону, уроды! Дорогу!

Карен приблизилась к ним, и они расступились. Одна из медсестер открыла дверь, и Карен с Барни прошли в вестибюль. Врачи и стажеры, наблюдавшие за происходящим, кинулись готовить палату. Барни с Карен подошли к регистратуре, и Барни сказал медсестре:

– Доктора Лероя, срочно! Промежуток между схватками примерно минут десять.

Напряжение последних пяти минут не замедлило сказаться. Карен вдруг почувствовала, что ноги ее больше не слушаются. Кто-то из стажеров подхватил ее, и, прежде чем потерять сознание, она успела разглядеть лицо доктора Лероя.

Барни размышлял, а смог бы он и в самом деле ее убить, если бы его попытались удержать. Нет, конечно же, он не был уверен на все сто, чтоё стал бы делать. Пожалуй, он нацелил бы дробовик на толпу или, может, на себя, а может, вообще опустил бы руки. Но, когда они с Карен двинулись к той лестнице, он ни на миг не сомневался, что сможет отнять у нее жизнь: ведь, не дай они им дорогу, зачем было бы жить? Ей жить. Ему. И бедному комочку внутри нее... Нет, точного ответа он не знал.

Для Карен нашли отдельную палату, чтобы не нервировать других рожениц в родильном отделении, и Барни, оставшись с нею, слышал ее страдальческие крики, хотя лица ее практически не видел: оно было скрыто под белым навесом, похожим на ходивший ходуном бельевого мешок, поскольку она из последних сил цеплялась за него, а не за перильца койки. В нем отдавался каждый ее вскрик, каждый спазм, каждое подергивание тела, и ему становилось не по себе всякий раз, когда он думал, что в этом была и его вина. А ведь сначала он хотел ребенка больше, чем она.

Барни промокнул ей лоб полотенцем и постарался ее успокоить. Сейчас Карен боялась больше, чем когда-либо, потому что думала о смерти – своей и ребенка. А Барни уверял, что она не умрет.

– Теперь-то ты хочешь ребенка? – хрипло прошептала она.
– Да, – сказал он, не зная точно, правда это или нет.
– И ты полюбишь его, каким бы он ни был? Даже если с ним будет что-то не так?

– Да. Я люблю его и буду заботиться о вас обоих. Я буду лечиться. Я поправлюсь. И у нас все наладится.

Снова схватки – Карен схватила его за руку с такой силой, что едва не сломала ему кость. Она дернулась всем телом вперед, скрючившись, точно рыба на крючке, а затем откинулась на спину, точно отступающая волна. И потянулась к нему, как бы прося, чтобы он смочил ей губы влажной тряпкой.

В палату вошли доктор Лерой и перепуганная медсестра. Она задернула полог – и Барни остался ждать у дверей, откуда ему было видно лишь движение теней за пологом. Через несколько секунд двое стажеров подкатили носилки-каталку. Они помогли Карен перелечь на них с кровати для рожениц и покатали ее мимо Барни. Простыня прикрывала ее по шею, и Барни подумал: если она умрет, ее накроют с головой, когда привезут обратно, и она будет такой же плоской и стройной, как прежде.

Барни прождал часа два в «комнате для отцов», стараясь не думать ни о прошлом, ни о будущем, стараясь сосредоточиться на ожидании, стараясь представить себе, каково ей там, в родовой палате. Он даже представил ее мертвой – но тотчас вычеркнул этот образ из головы.

Наконец к нему вышел доктор Лерой в своем неизменном бледно-зеленом халате и шапочке и тяжело опустился в кресло.

– Она будет жить, – проговорил он. – А вот ребенок мертв. – Помолчав немного, он прикурил сигарету и в раздумье затянулся. – Может, оно и к лучшему. Сформировался он не полностью – с мутациями. И умер, по-видимому, на днях.

– Но ведь еще недавно она чувствовала, как он шевелится.

– Ей только казалось. Он умер некоторое время назад, да и в любом случае вряд ли смог бы выжить. Через несколько минут ее вывезут из родильной палаты. Она будет глубоко спать. Я дал ей успокоительного. Она и так натерпелась.

Барни ждал в коридоре, когда ее подвезли к нему на каталке и оставили рядом.

– Как ты? – спросил он.

– Прекрасно. Доктор Лерой уже сказал тебе про ребенка?

Он кивнул, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

Она закрыла глаза и через мгновение, как ему показалось, уснула, но

потом снова размежевала веки.

– Я люблю тебя, Барни.

– И я тебя.

– Что же теперь с нами будет?

– Все образуется, и мы начнем новую жизнь.

– Мне хотелось ребенка.

Барни на миг задумался.

– Даже если не удастся усыновить кого-нибудь обычным путем, мы можем стать приемными родителями. Возьмем себе детей и будем заботиться о них, как о своих собственных. Они будут нам неродными, ну и пусть. Мы возьмем кого-нибудь из отказников – такого, который больше никому не нужен.

– Нам не дадут, Барни. Здесь – точно.

– Мы уедем отсюда и возьмем другие имена. Я хочу, чтобы меня звали, как раньше. Я уже думал об этом. Как тебе понравится – миссис Бронислав Шутарек?

Карен улыбнулась.

– Прекрасная мысль.

Прежде чем каталку увезли, Карен приподнялась на локте и сонно проговорила:

– Такого, который больше никому не нужен. Сироту войны, убогого, искалеченного... Одинокого, несчастного... Наш был бы такой же.

Барни кивнул и погладил ее по руке.

– Прекрасная мысль.

Карен улыбнулась, откинулась на каталку, и ее увезли прочь.

Барни вернулся в комнату, где сидел доктор Лерой.

– Я хочу поглядеть на ребенка, – сказал он.

– Не стоит – зрелище не из приятных.

– Мне нужно его увидеть.

Доктор Лерой пожал плечами и жестом пригласил Барни следовать за ним в родовую палату. Барни с трудом различал предметы, но он напрягся и сощурился, силясь сфокусировать зрение. Медсестра в запачканном кровью халате уже убралась в палате и собиралась вынести прикрытый тряпкой тазик. Удивленно взглянув на доктора Лероя, когда тот попросил ее снять тряпку, она поставила тазик обратно на стол и осторожно сняла тряпку.

Барни нагнулся ближе и принялся изучать маленький неподвижный комочек. У него не было ни рук, ни ног – только жалкие культяшки, едва проглядывавшие там, где должны были располагаться плечи и верхние части бедер. Глаза слеплены, голова опущена вниз, точно во сне. Из всех

зародышей, которые он когда-либо лепил, ни один не походил на этот.

Он прикоснулся к склизкой культяшке, торчавшей вместо руки. Такое ему трудно было себе даже представить.

И, глядя на неживое существо в тазике, Барни почувствовал, как у него изнутри вырывается нечто похожее на волну, или спазм, или судорогу, – сухие позывы вдруг превратились в слезы, которые ручьями потекли по его щекам: он оплакивал своего единственного сына.

Приложение

Мировые аварии

МАФИОЗНЫЙ СЛЕД

В 1971 году, через три года после публикации «Прикосновения», одна американская компания продала Заиру восемь трехфутовых стальных цилиндров в рамках программы «Атом для мира». Восемь стержней обогащенного урана предназначались для опытного реактора в Киншасе, однако после падения правительства Мобуту они исчезли.

След пропавших стержней обнаружился в тысяча девятьсот девяносто седьмом году во Франции, откуда он привел в Италию. Затем стержни попали в руки мафии, и мафиози решили их сбыть. Итальянская полиция организовала в Риме секретную операцию, в ходе которой полицейский агент выступил в роли посредника. Известный только под прозвищем «учетчик», он выдавал себя за представителя «некоей арабской страны». Мафиози продали ему один из стержней.

Следователи установили, что в нем содержалось сорок граммов обогащенного урана-235 и сто пятьдесят граммов урана-138, и все это было запечатано в стальной цилиндр. В октябре 2001 года были арестованы тринадцать подозреваемых, и сицилианский суд приговорил их к коротким срокам тюремного заключения.

В ноябре 2001 года газета «Република» сообщила, что полиция продолжает разыскивать недостающие восемь стержней. Как доложил капитан полиции, в Риме были установлены места с повышенными уровнями радиации. Но, как заметил все тот же капитан, «...такое впечатление, что они (урановые стержни) растворились в воздухе».

АКТИВИСТКА КАРЕН СИЛКВУД

Пятого ноября 1974 года – спустя пять лет после публикации «Прикосновения» – высокую дозу облучения плутонием-239 получила Карен Силквуд, химик-технолог и активистка движения за ядерную безопасность.

Обследовав через два дня квартиру мисс Силквуд, специалисты обнаружили значительные уровни радиоактивности на сиденье унитаза, коврик и на полу в ванной комнате. А также на упаковках болонской колбасы, сыра и курицы в холодильнике. И кроме того, на наволочках и постельных простынях.

На следующий вечер после профсоюзного собрания Карен Силквуд погибла в загадочной автокатастрофе. Активистка замолкла навсегда.

КОБАЛЬТОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Осенью 1983 года в Хуаресе, Мексика, рабочему поручили освободить от неиспользованного оборудования склад, принадлежавший его работодателю. Рабочему с напарником велели перевезти все на свалку в другой конец города. Среди этого оборудования значился выпущенный двадцать лет назад рентгеновский аппарат «Пикер-3000», приобретенный в свое время у больницы в Лаббоке, Техас. Рабочий извлек из партии груза немаркированную капсулу и бросил ее в кузов своего пикапа.

Защитная свинцовая оболочка капсулы треснула, и мелкая металлическая дробь – каждая дробинка размером одна двадцать пятая дюйма – высыпалась на проезжую часть. Часть гранул пристала к шинам проезжавших там автомобилей. Другая часть попала на обувь пешеходов. С этими «шариками» игрались дети. Тогда еще никто не знал, что свинцовая капсула была деталью списанного аппарата для лечения рака и в каждой такой грануле содержалось по семьдесят микроюри кобальта-60.

Аппарат доставили на свалку Хуареса – оттуда его перевезли по частям в два сталелитейных цеха, где пустили в переплавку для последующей отливки пятисот тонн арматурных крепежных стержней, используемых при строительстве зданий, а также для изготовления семнадцати тысяч поддерживающих столовых стоек.

Грузовик, перевозивший часть радиоактивной арматуры в Соединенные Штаты, по ошибке свернул не на том повороте и проехал мимо Национальной лаборатории в Лос-Аламосе. Расположенный там приемник излучения зафиксировал, что арматура высокорadioактивна.

Федеральные агентства в разных регионах Соединенных Штатов предприняли срочные меры, чтобы отследить перемещение радиоактивной арматуры. Большую часть столовых стоек удалось обнаружить, а значительное количество арматуры уже использовали в строительстве зданий. В Аризоне пришлось демонтировать и переложить фундаменты

частных домов, медицинского центра и тюрьмы штата.

Радиоактивный пикап был помещен на специальную стоянку, но не захоронен. Как раз в то время на территории стоянки играли дети. По некоторым сообщениям, через два года после случившегося счетчик Гейгера все еще отмечал повышенный уровень радиации в трех сотнях ярдов^[49] от этого места.

ЧУДНЫЙ СИНИЙ ПОРОШОК

13 сентября 1987 года в Гоянии, Бразилия, двое собирателей металлолома, проникнув на территорию заброшенной медицинской клиники, наткнулись на телетерапевтическую установку и вытащили из нее стальную коробочку, в которой содержался цезий-137 в форме порошка. Коробочку один из них принес к себе домой. Вскоре у обоих начались рвота, головокружение и диарея. Через пять дней мужчина, у которого хранилась коробочка, попробовал вскрыть ее у себя дома, не подозревая, что там находятся спрессованные в брикет три с половиной унции^[50] высокорadioактивной соли хлористого цезия-137. Чудный синий порошок просыпался. Мужчина понятия не имел, что уже успел заразить свой дом, который теперь подлежал сносу, и почву вокруг дома – верхний ее слой надлежало снять и вывезти.

Радиоактивную капсулу он продал соседу, и тот положил ее на хранение к себе в гараж. Тем же вечером мужчина заметил таинственный синеватый свет, исходящий от капсулы, и, решив, что она драгоценная и, может, даже обладает некими чудодейственными силами, отнес ее в дом. В течение следующих трех дней он вместе с женой приглашал в гости соседей, друзей и родственников, чтобы и те полюбовались на чудесное светящееся вещество.

Взяв отвертку, один из его друзей отколол от брикета несколько кусков спрессованного цезиевого порошка. Часть из них он отнес к себе домой, один отдал своему брату, а другой – родственникам. И кто-то из них для красоты втер сверкающий синий порошок себе в кожу.

У соседской жены вскоре начались рвота и диарея. Местный врач сказал, что у нее пищевая аллергия, и рекомендовал ей покой. Чуть погодя она скончалась.

Примерно в то же время кто-то из работников свалки забрал несколько кусков цезия к себе домой и оставил на столе в кухне. Его шестилетняя

дочурка, хватавшаяся руками за эти куски перед обедом, тоже умерла.

В общей сложности, как было установлено, заражению подверглись двести сорок девять человек. Команде из пятисот пятидесяти специалистов понадобилось четыре месяца на обследование и дезактивацию радиоактивных участков местности, а потом еще три месяца на обработку пораженных радиацией сорока пяти общественных зданий.

РАДИОАКТИВНЫЙ ЕГИПТЯНИН

28 июня 2000 года газета «Арабик Ньюс» сообщила, что радиоактивное вещество было обнаружено в доме фермера, проживающего в египетской деревне Мит-Халфа, близ города Калиобия. Сначала египетское министерство здравоохранения объявило, что источником радиации послужили завезенные из-за границы радиоактивные отходы.

На следующий день «Арабик Ньюс» внесла поправку. Дело в том, что 5 мая 2000 года ранее упомянутый фермер нашел какой-то металлический прибор, валявшийся на дороге поблизости от его родной деревни Мит-Халфа. Это был портативный рентгеновский аппарат, содержащий иридий-192, – он же бета-гамма радиометр, предназначавшийся для использования в технической рентгенографии с целью проверки качества спаянных соединений нефтепроводов, а также обследования других промышленных объектов.

Посчитав, что прибор дорого стоит, фермер принес его домой. Позднее у двухсот-трехсот его соседей были обнаружены симптомы радиационного отравления. Сам же фермер и его девятилетний сын через несколько дней скончались.

КРАЖА В ТАИЛАНДЕ

Бангкок, Таиланд. «Оман дейли обсервер» (первого октября 2001 года) сообщила, что девятнадцатого сентября со строительного склада было похищено устройство для измерения влажности почвы.

В статье указывалось: «Есть опасения, что, попав в плохие руки, (она) может причинить вред здоровью и даже смерть, как это было в минувшем году, когда три человека погибли, после того как к ним в руки попал радиоактивный кобальт-60». От радиации, согласно той же статье, кроме того, пострадало еще одиннадцать человек, а у сотен других были

выявлены признаки продолжительного воздействия радиации.

Глава Комитета по использованию атомной энергии в мирных целях Крайнгкорн Петчабутр обратился к похитителям с просьбой вернуть оборудование, содержащее цезий-137, америций-124 и бериллий.

Не было никаких упоминаний о том, что похитители прожили достаточно долго и смогли вовремя узнать, что к ним в руки попало радиоактивное устройство, которое для них же лучше было бы вернуть обратно.

«ГРЯЗНЫЕ» БОМБЫ

28 ноября 2001 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала на полосе с обзорами статью Мансура Ижаса (ученого-ядерщика, чей отец был основоположником пакистанской ядерной программы) и Р. Джеймса Вулси, бывшего директора Центрального разведывательного управления с 1993 по 1995 год. «Даже если террористам не под силу делать атомные бомбы, существует серьезная опасность, что они могут использовать радиоактивное вещество для изготовления низкотехнологичных “грязных” бомб... Главная проблема ядерной безопасности, связанная сегодня с «Аль-Каидой», заключается в доступе к радиоактивным веществам в Пакистане».

В статье указывалось, что Исламабад, вероятно, располагает достаточным количеством вещества для изготовления от двадцати пяти до сорока бомб. Седьмого октября 2001 года, после американской бомбардировки Афганистана, порядок содержания радиоактивных веществ был изменен. Ранее отдельно хранившиеся урановые и плутониевые сердечники вместе с их детонирующими узлами были перевезены на шесть новых секретных складов, размещенных в разных частях страны.

«Как нам стало известно, часть этих радиоактивных веществ может быть добавлена в обычные взрывчатые вещества – например газовые баллоны. Известно также, что террористы покупают или похищают радиоактивные вещества для изготовления “грязных бомб”».

ВЫСОКОРАДИОАКТИВНЫЙ МЕТАЛЛОЛОМ

Согласно сообщению веб-сайта *newsteel.com*, опубликованному в июне 1997 года, администратор программы радиационных стандартов качества,

разработанной в Управлении по охране окружающей среды для пятого района Чикаго, заявил, что кобальт-60 представляет собой общую проблему для сталелитейной промышленности. Устройства с содержанием кобальта-60, используемые в рентгенографии, недолжным образом контролируются первоначальными владельцами и зачастую попадают в металлолом.

Большую его часть удастся выявить лишь после того, как радиоактивный источник попадает в переплавленную сталь... В некоторых случаях у металлопродукции, завезенной в Соединенные Штаты, в частности, из Индии, Тайваня и Мексики, обнаружались высокие уровни радиоактивности из-за присутствия в ней кобальта-60. В 1983 году одна американская сталелитейная компания переплавila значительное количество кобальта-60, однако операторы обнаружили радиацию, только когда жидкая сталь находилась в литейном ковше.

В августе 1997 года министерство энергетики объявило о намерении продать шесть тысяч тонн никеля из своих резервов, а также о планах дальнейшей реализации дополнительной партии никеля объемом десять тысяч тонн.

Хотя никель был радиоактивным, сотрудники министерства энергетики утверждали, что никаких норм они не нарушили, поскольку не существует никаких измерительных эталонов для определения безопасного содержания радиоактивности в этом металле.

Эти намерения встретили решительное сопротивление. Против них выступили руководители сталелитейной промышленности и противники в конгрессе, а также профсоюзные лидеры и специалисты по вопросам окружающей среды. Радиоактивный металл, по их утверждению, мог быть переплавлен в автомобильные детали, застежки-молнии, столовую посуду и даже детские корсеты.

Судья Федерального суда Соединенных Штатов решила, что, поскольку в связи с возбуждением судебного дела очистка хранилищ радиоактивных веществ может быть отложена на неопределенное время, она не в силах воспрепятствовать намерениям по продаже радиоактивного металла. В журнале *«Общественное мнение»* судья писала следующее: «Вероятная угроза причинения вреда окружающей среде слишком велика. Процесс дезактивации высокорadioактивных металлических отходов производства в настоящее время находится целиком и полностью в экспериментальной стадии... Вызывает удивление и озабоченность тот факт, что общественность не обратила внимания на столь важный вопрос».

Регулятивная комиссия передала это дело на рассмотрение властей

штата Теннесси, и те одобрили сделку по продаже никеля. В ходе исследования, проведенного по поручению Управления по охране окружающей среды США, в Соединенных Штатах было выявлено сорок пять тысяч триста шестьдесят мест, возможно зараженных радиацией.

Тринадцатого июля 2000 года министр энергетики Билл Ричардсон опубликовал сообщение для печати, отменяющее решение о продаже предположительно радиоактивного металлолома, предназначенного для переработки. «(Это) часть новой политики, призванной предотвратить переработку радиоактивных веществ, потребительские товары и усовершенствовать контроль министерства над использованием металлолома на объектах производства ядерного оружия...

Опечатанные радиоактивные источники используются в различных измерительных и калибровочных системах, равно как и в разных видах деятельности. Неконтролируемые или незаконно хранящиеся источники представляют серьезную опасность как для рабочих сталелитейной промышленности, так и для обычных граждан. Я призываю руководителей министерства, – заявил министр Ричардсон, – творчески подходить к решению данного вопроса».

РОССИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РАБОТАЛ НА ЯПОНИЮ

По сообщению «Нью-Йорк таймс», 25 декабря 2001 года в Москве военный суд обвинил бывшего капитана ВМФ в шпионской деятельности, потому что он по собственной инициативе опубликовал в японской газете и передал на японское телевидение материалы о захоронении ядерных отходов. Ранее, в 1997 году, его арестовали за участие в передаче «Эн-эйч-кей»^[51], посвященной практике затопления отходов в море, принятой в Российском ВМФ.

Согласно заявлению представителя российской Федеральной службы безопасности, упомянутый капитан ВМФ был признан виновным в передаче Японии сведений, относящихся к принятой в Российском ВМФ практике захоронения устаревшего вооружения и ядерных отходов в Тихом океане.

ФИЛИППИНСКАЯ «ГОРЯЧАЯ КАМЕРА»

В декабре 2001 года из строительной компании в Лован-Бато, город

Валенсуэла, близ Манилы, была украдена контрольная рентгенографическая камера, модель 660В, по описанию похожая на «деревянный ящик для чистки обуви».

В камере содержится иридий-192, цезий-137 и америций-241. По сообщению Филиппинского института ядерных исследований (ФИЯИ), подобные емкости с радиоактивными веществами, утраченные за границей, уже причинили вред здоровью и даже смерть людям, которые их находили и держали в руках.

ФИЯИ обратился к владельцам свалок, торговцам металлоломом и гражданам помочь в розыске похищенного прибора, однако к июлю 2002 года «горячая камера» так и не была обнаружена.

notes

Примечания

1

Амниоцентез (мед.) – пункция плодного пузыря. Здесь и далее прим. перев.

От «фертильность» (лат. *fertilis* – плодородный, плодovitый) – способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство; отсюда «фертильные дни», или «дни фертильности», – дни, когда способность к зачатию у женщины максимальна.

Зефир – бог западного ветра в греческой мифологии.

Имеется в виду статуя французского скульптора Франсуа Огюста Рене Родена (1840–1917) 1878 года.

Хамтрамк – город в штате Мичиган, США.

Озеро в штате Мичиган.

Героиня одноименной пьесы норвежского драматурга Генрика Юхана Ибсена (1828–1906), написанной в 1890 году.

Драма Генрика Ибсена, написанная в 1879 году.

Гринвич-Виллидж – район на западе Нижнего Манхэттена, в Нью-Йорке.

Автомобильный пул (для поездок на работу) – группа автовладельцев-соседей, живущих в пригороде, каждый из которых по очереди возит остальных на работу на своей машине; подобная форма кооперации стала популярной в США во время нефтяного кризиса 70-х годов и сохраняется в больших городах и сегодня.

Толидо – город в штате Огайо, США.

«Бруклинский диалект» – нелитературная речь малообразованных жителей Нью-Йорка, в особенности района Бруклин.

Бак Роджерс – классический герой научной фантастики, капитан звездолета XXXV века; долгое время его имя было синонимом самого жанра научной фантастики и зачастую употреблялось в значении «суперсовременный».

«Горячая» лаборатория – лаборатория радиоактивных веществ высокой активности.

Чау мейн – китайское рагу из курицы или говядины с лапшой.

Прецизионный – имеющий повышенную степень точности;
высокоточный.

День независимости (с 4 июля 1776 года) – национальный праздник США.

Плиофильм – прозрачный водонепроницаемый материал.

Большое глубокое кресло с высокой спинкой; названо по фамилии французского писателя и философа Вольтера (1694–1778), который работал, сидя в таком кресле.

Мастер по изготовлению париков.

Талидомид – седативный препарат, который в 1958 году был разрекламирован в Германии и Великобритании как лучшее успокоительное для беременных. В результате в период с 1956 по 1962 год в ряде стран мира родилось, по разным подсчетам, от 8 тысяч до 12 тысяч детей с врожденными уродствами (наиболее частое: недоразвитие конечностей), 7 тысяч младенцев умерли в первые минуты жизни. Пожалуй, это одна из самых скандальных историй, связанных с побочными эффектами от какого-либо препарата.

«Прикосновение Мидаса» – фригийский царь Мидас испросил у богов дар превращать в золото все, к чему он прикоснется.

Джон Милтон (1608–1674) – английский поэт, политический деятель и мыслитель.

24

Около 3,685 кг.

«Охота на мусор» – игра, участники которой должны найти и собрать определенные предметы за ограниченное количество времени.

Стек – инструмент скульптора, предназначенный для обработки глины.

Хейзел-Парк – город в штате Мичиган.

Гросс-Пойнт – город в штате Мичиган, США.

Имеется в виду герой поэмы «Сказание о старом мореходе» английского поэта Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834).

Маршалловы острова – архипелаг в Микронезии, северо-западной части Тихого океана.

Айдахо-Фолс – город на юго-востоке штата Айдахо; в его окрестностях, на западе, расположена лаборатория ядерных реакторов.

Дзен (видоизменение санскритского слова «дхьяна» – медитация, – которое в Китае стало звучать «чань», а в Японии «джэнь») – одна из главных буддистских школ в Японии, оказавшая большое влияние на распространение буддизма на Западе; в основе учения – система молчания разума, используемая для достижения полной свободы от привязанностей к объективному миру.

Суфии (от «суфизма» – мистического направления в исламе) – изначально ими были странствующие монахи, дервиши, бродячие поэты и философы, чьи воззрения включали элементы других религий и учений: христианства, буддизма, пантеизма и т. д.

Арканисты – носители тайных знаний, обычно передаваемых адептам по частям, последовательно, по мере продвижения неопита к вершинам тайных знаний; владельцы тайных средств или посвященные в тайные искусства и ремесла.

Имеется в виду ось Берлин – Рим – Токио – нацистская Германия и ее союзники в период Второй мировой войны.

Вьетконговцы – так американцы называли участников коммунистического партизанского движения в Южном Вьетнаме (конец 1950-х – 1975 год).

Карточная игра.

Имеется в виду сорт виски «Катти Сарк».

Цитата из трагедии «Макбет», Уильяма Шекспира (перевод Ю. Корнеева).

Альберто Джакометти (1901–1966) – швейцарский скульптор, живописец и график.

Книга Иова, 42:6.

Симеон Столпник, святой (ок. 390–459) – христианский деятель.

Имеются в виду расовые волнения – массовые беспорядки, происходившие в 1967 году в Детройте, штат Мичиган, США.

Атман – жизненное начало, душа, вечная, неизменная духовная сущность в индуизме.

Брахман – космическое духовное начало в индуизме.

Пшеки – пренебрежительное прозвище поляков.

Имеется в виду сказка «Алиса в Зазеркалье», написанная в 1871 году английским математиком и писателем Льюисом Кэрроллом (наст. имя Чарльз Латуидж Доджсон) (1832–1892).

Грязноводная, или «большая грязноводная», – прозвище реки Миссури.

49

Около 274,32 м.

50

Около 99,2233 г.

«Эн-эйч-кей» («Нипон хосо киокай») – японская вещательная корпорация.